

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2018 ТОМ 10 № 2

DOI: DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

**Заместитель
главного редактора**
Е.А. Попова, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН

**Ответственный секретарь
серии**
А.А. Куделин, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абтахи Бехруз, профессор университета имени шахида Бехешти (Иран), директор Научного представительства Ирана в России и странах Средней Азии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, профессор Каирского университета

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философии, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Родригес-Фернандес А.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Востока и Запада МПГУ

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Терзич С., профессор института истории Сербской Академии наук и искусств, посол Сербии в РФ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института Востоковедения РАН

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2312-8127 (Print) ISSN: 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология

Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода),

07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, восток-запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история востока и запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Всеобщая история»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Подписано в печать 16.04.2018. Выход в свет 23.04.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ № 456. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2018 VOLUME 10 NUMBER 2

DOI: DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor

E. Popova, Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Executive Secretary

A. Kudelin, Ph.D. in History, Assistant Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Members of Editorial Board

Abtahi Behruz, Ph.D. in Science, Professor Shaheed Beheshti University (Iran), director of the Scientific Mission of Iran in Russia and Central Asia

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Rodriguez-Fernandes A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of the modern and contemporary history of the Moscow State Pedagogical university

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Terzich S., Ph.D. in History, Professor of the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia's Ambassador to the Russian Federation

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (online); 2312-833X (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU),

Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

Rudn Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on World history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

Rudn Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The Journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from Ancient Times to Modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical science and Archeology.

Specialties: 07.00.03 World history (Relevant period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source study, Methods of historical research, 07.00.15 History of international relations and foreign policy.

General Journal Sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies etc. In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Copy Editor *K.V. Zenkin*

Computer design: *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

- К Варику.** Каракорум, Гималаи и Центральная Азия: буддийские связи (Eng) 109
- Китинов Б.У., Люлина А.Г.** Тибетский принцип отношений «чой-йон» в цинских источниках XVII–XVIII вв. 126
- Цвык Г.И.** Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) 135
- Зуева Е.Г., Минеева А.В.** Понятие «межрасовых противоречий» в китайско-африканских отношениях: интерпретация и реальность 145
- Ван Люин.** Украина и Молдавия в региональной политике КНР 155

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Баринова Е.Б.** Влияние этнокультурных контактов с населением Южной Сибири на появление металлолитейного производства в Китае в древности 168

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Лукашев А.А.** Наследие Ибн Араби (1165–1240) в контексте проблемы диалога культур 181
- Пойда А.А.** Исторические детерминанты внешней политики Арабской Республики Египет 192

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

- Стрелавина Д.И.** Феномен новых войн: обновленная природа конфликтов и дипломатия насилия (Eng) 201

РЕЦЕНЗИЯ

- Панасюк Н.В.** Рецензия на книгу Юваль Ноя Харари «Sapiens: краткая история человечества». М., Синдбад, 2018 207

CONTENTS

DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

- K Warikoo.** Karakoram Himalayas and Central Asia. The Buddhist Connection 109
- Kitinov B.U., Lyulina A.G.** Tibetan relationship “cho-yon” in Qin sources mid. XVII – end XVIII centuries 126
- Tsvyk G.I.** Cultural diplomacy in current international relations (on the example of Russia and China) 135
- Zueva E.G., Mineeva A.V.** The Concept of “interracial contradiction” in China-Africa relations: interpretation and reality 145
- Wang Liuying.** Ukraine and Moldova in the PRC regional policy 155

ARCHAEOLOGICAL STUDY

- Barinova E.B.** Influence of ethnocultural contacts with the population of South Siberia on the appearance of metallolite production in China in the ancient 168

ORIENTAL STUDIES

- Lukashev A.A.** The heritage of Ibn Arabi in the context of the cultural dialog problem 181
- Poida A.A.** The historical correlations of Egypt’s foreign policy 192

YOUNGS SCHOLARS REPORTS

- Strelavina D.I.** The phenomenon of new wars: changing nature and violence diplomacy 201

REVIEW

- Panasyuk N.V.** Review of the book Yuval Noah Harari “Sapiens: A brief history of humanity”. M., Sinbad, 2018 207

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-109-125

KARAKORAM HIMALAYAS AND CENTRAL ASIA. THE BUDDHIST CONNECTION

K. Warikoo

*Jawaharlal Nehru University
New Delhi 110067, INDIA*

The Karakoram-Himalayan region is the cradle from where ancient Indian culture including Buddhism spread to different directions in Central Asia, East Asia and South East Asia. Gilgit, Chilas, Chitral, Baltistan, Ladakh, Zaskar and other frontier areas have been important mileposts on the famous Silk Route. Buddhist savants from India contributed to the spread of Buddhism in Central Asia and East Asia. One of the eminent scholars was Kumarajiva (344–413 AD) who broke political, geographical, cultural and linguistic barriers for propagation of Buddhism. Hieun Tsiang mentions four important centres of Buddhism in Central Asia – Shan-shan (Kroraina), Khotan, Kucha and Turfan. Kashmir played an important role in introducing Buddhism to Khotan, which in turn played a key role in the transmission of Buddhism to China. Several important places on the Silk Route system such as Kucha, Balkh, Bamiyan, Khotan, Kashgar etc. developed into important centres of Buddhism when parts of Central Asia and north-western India were integrated into a single kingdom under the Kushans.)

Keywords: Karakoram-Himalayas, Gilgit, Chilas, Chitral, Baltistan, Zaskar, Ladakh, Kashmir, Kucha, Kashgar, Khotan, Buddhism, Kumarajiva, Hieun Tsiang, Lotus Sutra, Kanishka, Palola Sahis)

Introduction. Abutting the borders of Afghanistan, China, Pakistan and India and being situated in close proximity to Central Asia, the Karakoram-Himalayan region has been an important constituent of India's trans-Himalayan communication network in the continent and beyond. The imposing geographical features and high daunting peaks did not prevent the region from being a complex of cultural interaction, overland trade and communication. This region is the cradle from where ancient Indian culture including Buddhism spread to different directions in Central Asia, East Asia and South East Asia. Gilgit, Chilas, Chitral, Baltistan, Ladakh, Zaskar and other frontier areas have been important mileposts on the famous Silk Route. The Western Himalayan region of India and Central Asia have shared a geo-cultural affinity and a long tradition of historical contacts that dates back to antiquity. The movement of people, trade and ideas and the reciprocal cultural influences enriched the horizons of human development and left a deep imprint on the political, economic and social life in the entire region.

Study of the Issue. Buddhist art, culture and philosophy made profound impact in the pre-Islamic Central Asia. Buddhism spread to Central Asia since 3rd century BC, during Ashoka's time. Buddhist savants from India contributed to the spread of Buddhism in Central Asia and East Asia. One of the eminent scholars was Kumarajiva (344–413 AD) who broke political, geographical, cultural and linguistic barriers for propagation of Buddhism. Son of a Kuchean princess Jiva and Kashmiri Brahman father Kumarayana, Kumarajiva went to Kashmir with his mother and studied Buddhism for five years. On his return to Kucha, he stopped at Kashgar and studied Mahayana texts. On his return from Kashmir to Kucha, many Kashmiri missionaries accompanied Kumarajiva to propagate Buddhism.

Hieun Tsiang mentions four important centres of Buddhism in Central Asia – Shan-shan (Kroraina), Khotan, Kucha and Turfan. Kashmir played an important role in introducing Buddhism to Khotan, which in turn played a key role in the transmission of Buddhism to China. Kucha was one of the most important centres of Buddhist learning. According to Hieun Tsiang, the famous Chinese pilgrim and monk who travelled to India from 629–645 AD, “in Kucha there were more than 100 Buddhist monasteries with above 5,000 priests, who were adherents of the Sarvastivada school and studied in the language of India” [17. P. 60]. From Kucha, Hieun Tsiang visited Aksu (Pohluka), where he found “tens of monasteries with above 1,000 priests, all adherents of Sarvastivada school” [17. P. 64–65].

Hieun Tsiang came to India in 630 AD in search of Buddhist texts after an arduous journey across Central Asia. He spent fourteen years of his life (630–644 AD) visiting Buddhist monasteries on the Silk Route. Knowing both Chinese and Sanskrit, Hieun Tsiang translated 77 texts into Chinese and took back a great corpus of Buddhist texts to China. His itinerary included Balkh, Kafirstan, Swat, Gandhara, Bamiyan, Baltistan, Darel, Gilgit, Kashmir, Poonch, Badakhstan, Ishkashim, Wakhan, Shignan, Pamirs, Yarkand, Khotan, Kucha, Loulan etc. Hieun Tsiang speaks of a “carved wooded image of Maitreya Bodhisatva of a brilliant golden hue, 100 feet high,” in Talilo (modern Darel) describing it to be the work of Madhyantika” [17. P. 239].

In Polulo (modern Baltistan) he found “some hundreds of Buddhist monasteries and some hundreds of priests” [17. P. 240]. Travelling further to Kashmir (Kipin) Hieun Tsiang informs about the existence of hundreds of Buddhist monasteries and about the people who were fond of learning and followed Buddhism and other religions [17. P. 261]. Describing Kashmir as “one of the most important and most famous lands in the history of the spread and development of Buddhism”, the pilgrim relates the story of Madhyantika's visit to Kashmir, his propagation of Buddhism and building of 500 monasteries [17. P. 265]. Hieun Tsiang throws sufficient light on the holding of Buddhist Council in Kashmir by Kanishka, the ruler of Gandhara. He writes: “The Council composed 100,000 stanzas of *Upadesa* sastras, 100,000 stanzas of *Vindya-vibhasa* sastras and 100,000 stanzas of *Abhidharma vibhasa* sastras. King Kanishka had the treatises written on copper plates and enclosed these in stone boxes, which he deposited in a stupa made for the purpose” [17. P. 271].

On his return journey to Central Asia, Hieun Tsiang found in Kashgar “hundreds of Buddhist monasteries with over 1,000 priests all following Saravastivada school” [17. P. 290]. In Yarkand there were “some tens of Buddhist monasteries and about 100 priests, besides numerous stupas in memory of Indian arhats who had passed away” [17. P. 293]. And in Khotan, “The system of writing was found to have been taken from that of India. The people were Buddhists and there were above 100 monasteries, with over 5000 priests, chiefly Mahayanists. Arhat Vairochana had come from Kashmir to propagate Buddhism here” [17. P. 295].

Charles Willeman, an eminent scholar of Buddhism from Belgium, refers to *Jibin* – a term in Chinese, which according to him has been the territory of Udyanda, i.e., the Gilgit area of pre-Kushan times and which gradually developed to encompass the whole Gandhara cultural area and the northwestern India including Kashmir [18. P. 139]. It was during Kashishka’s rule that Kashmir became the most important part of *Jibin* [18. P.140]. Willeman asserts that “China’s Buddhism mainly came from non-Kasmira *Jibin*, certainly the first centuries CE before Kumarajiva” [18. P. 140].

Palola Sahis, a local ruling dynasty of Gilgit which reigned from sixth to eighth centuries AD, patronized the production of Buddhist Sanskrit manuscripts and bronze sculptures and carving of Buddhist images and inscriptions on rocks in the Karakoram Himalayan region. Oskar von Hinuber has reconstructed the chronology and genealogy of Palola Sahis [for further details see: 8]. Names of Palola Sahi rulers, their family members and courtiers are mentioned among the donors in the colophons of Buddhist manuscripts discovered in the Karakoram Himalayan region [8. Pp. 12–27, 77–83]. The dynasty and their court officials would “participate in the Mahayan ‘Cult of the Book’ in which devotees made religious offerings by having many Buddhist *sutras* written down” [11. P. 172]. One Palola ruler Navasurendra had got inscribed his imperial titles in a Sanskrit stone inscription at Hatun in the Ishkoman valley written in the Proto-Sarada script in about 671 AD. [3. P. 226–231].

Fig. 1. 7th century Gilgit Palola Sahi kingdom lion throne base

Discoveries of Buddhist Sanskrit manuscripts dating between second and early eighth centuries AD in Gilgit region provide evidence of the usage of Sanskrit as the Buddhist literary language during that period [11. P. 46]. That at least eight Buddhist monasteries survived in Gilgit long after the reign of Palola Sahis, is attested in a Khotanese Saka account dating tenth century AD [1. P. 261–262; 9. P. 74–76]. The images of Buddha located along the trade routes in the Karakoram Himalayas and adjoining region served as devotional landmarks for local patrons, devotees, visiting pilgrims, traders and travelers [11. P. 59], who would often make their religious offerings (*devadharmā*) by carving Buddhist images, inscriptions, writing graffiti etc.

About six miles from Gilgit town there is a boulder with an engraving of Buddha carved out of the rock at the mouth of Kargah nullah. Hence it is called Kargah Buddha [10. P. 66]. Near Satpara lake, about eight kms. south of Skardu, is a huge boulder on which meditating Buddha surrounded by Bodhisattvas are carved [10. P. 101]. The preponderance of rock carvings and inscriptions of pre-historic and Buddhist period in Gilgit-Baltistan area provide sufficient evidence of the prevalence of Buddhism in this region in pre-Islamic times. Several rock carvings of Buddha at the sites of Shaital, Thor, Thalpan, Shing Nala, Satpara, Kargah, Chilas etc. still exist.

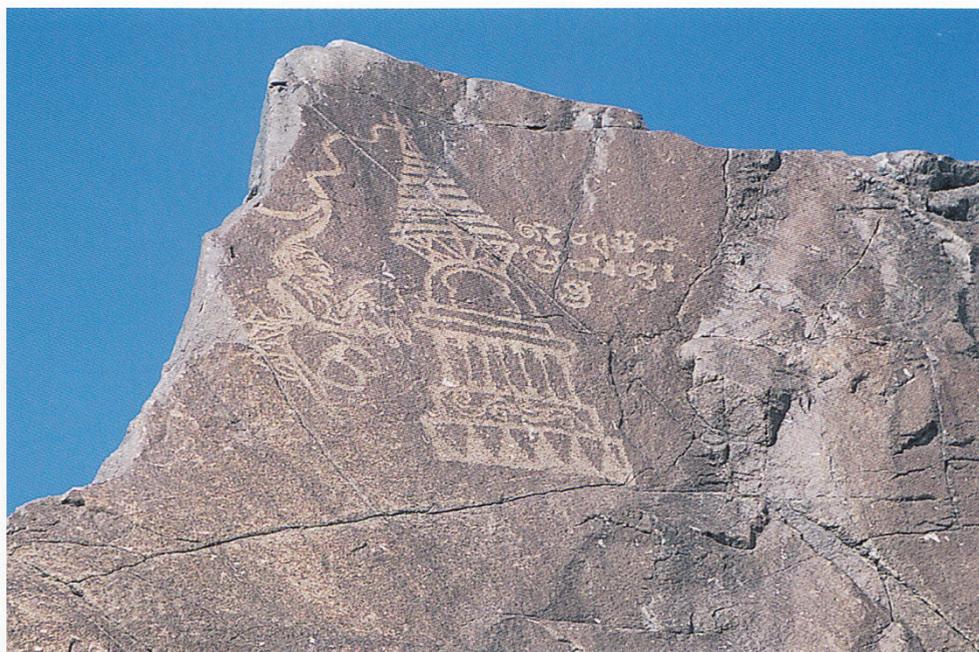

**Pic. 2. 6th century Gilgit-Buddha Shakyamuni
(Metropolitan Museum of Art)**

Prof. Karl Jettmar and his team in Pak-German Study Group did pioneering work on rock carvings and inscriptions in this region. Five volumes of *Antiquities of Northern Pakistan* (published between 1989 and 2004) provide studies of select inscriptions and petroglyphs in the region. Fifth volume edited by Oskar von Hinuber (2004) is devoted to sources for studying the Palola Sahis. Nine volumes of *Materialien zur Archaeologie der Nordgebiete Pakistans* (MANP) (published between 1994 and 2003) make a detailed documentation of petroglyphs and graffiti at Oshibat, Shaital, Hodar, Shing Nala and Gichi Nala, Dadam Das and Chilas Bridge / Thalpan. The existence of drawings of *stupas*, Buddhas, Bodhisattvas and inscriptions testifies to the established presence of Buddhism in the Karakoram Himalayan region. The world famous Gilgit Manuscripts (*Lotus Sutra*) written on birch bark were first discovered in 1931 just by chance in a ruined stupa near Gilgit by cattle grazers. These manuscripts are the Buddhist texts dating back to 5th–6th centuries AD. The second lot of these manuscripts was discovered by Pandit Madhusudan Kaul in the course of his excavations in Gilgit in 1938. A major part of the Gilgit Manuscripts is in the possession of National Archives of India, which in association with Soka Gakkai International recently released on 3 May 2012, the facsimile edition of 14th work in the Lotus Sutra series. Some portion of Gilgit Manuscripts is stored in the J&K government Libraries & Research Department at Srinagar, in an unsatisfactory state.

The drawings of *stupas*, Buddhas, Bodhisattvas and narrative scenes, inscriptions on rocks are mainly located at river crossings or on the routes below mountain passes, which were traversed by traders, travelers or devotees. According to Jason Neelis, “the largest concentrations of Buddhist petroglyphs are located south of Hunza-Haldeikish and Alam Bridge in the upper Indus valley between Chilas and Shaital” [11. P. 278]. There are over one thousands inscriptions are seven hundred petroglyphs located at Shaital [11. P. 279], from where paths led through the Darel and Tangir valleys to Gilgit, Chitral and onwards to Badakshan. Whereas drawings of 138 stupas have been found and Shaital, over 130 such drawings at Hodar [11. P. 280–281] are evidence of Buddhist presence in this region. Petroglyphs and inscriptions at Helor Das, Hodar and Dadam Das were made by local devotees as well as travelers and traders, as their religious offerings” [11. P.280-281] Many Buddhist petroglyphs are reported to be “concentrated near the modern bridge between Chilas and Thalpan” [11. P. 283]. The Buddhist petroglyphs, drawings of *stupas* and Buddha narratives at sites around Chilas and Thalpan are ascribed to local patrons named Kuberavahana and Sinhote, who are reported to have donated these “religious offerings” [11. P. 284]. A site at Shing Nala, located about 30 kms. upstream from Thalpan which has a number of Buddhist petroglyphs including 156 *stupas*, is believed to have “functioned as a pilgrimage place,” where devotees would make their own *stupa* drawings [11. P. 284–285]. Existence of many Khorosthi and Brahmi graffiti written on rocks near Alam bridge [11. P.285] indicates that the Buddhist travelers, monks and devotees transited through this area recording their personal names and titles, thereby pointing to the transmission of Buddhism through this re-

gion to Central Asia Notwithstanding its difficult terrain of high and cold mountains and very limited material resources, the Karakoram Himalayan region acted as the transit zone for transmission of Buddhism to Central Asia. The traders, monks and local patrons particularly the Palola Sahi dynasty of 7th–8th Century AD, contributed to the establishment of Buddhist presence in the region.

Pic. 3. Petroglyph depicting a stupa with attendant (8th century AD), Chilas

Gilgit remains an important archeological site and reports of digging the ruins and illicit trading in manuscripts and antiquities have been coming in. When the Norwegian Broadcasting Corporation (NRK) team visited Gilgit in 2004 to investigate and document the activities of Martin Schoyen, the Norwegian multi-millionaire for its film titled *Skriftsamleren* (The Manuscript Collector), Mozaffar Ali, the representative of the local administration in Gilgit while standing in the Gilgit ruins told the NRK [9. P. 1–8]:

“Everyone knows that this is a historically important area. If the authorities had protected it, we could have had a museum here. But now there is nothing to stop the Pathans, the Europeans and others from enriching themselves. They have destroyed our cultural heritage.”

The diversity and density of rock carvings (about 50,000 carvings and 5,000 inscriptions) [7. P. 1] in Gilgit-Baltistan turned the area into one of the most important petroglyph sites in the world. Unfortunately over 30,000 carvings and inscriptions are doomed to be inundated due to the construction of Diamer-Bhasha dam. According to Prof. Hauptmann of Heidelberg, who has been working on the heritage of the area for quite some time, “37,051 carvings on 5,928 boulders will

be inundated” [15]. The inscriptions are in Brahmi, Sogdian, Chinese and Tibetan languages and some 80 per cent are in Brahmi script. Hauptmann added that some 3,000 stupas and similar number of drawings would be submerged under the dam [15]. That Water and Power Development Authority (WAPDA) of Pakistan, which is responsible for construction of the dam, and its contractors Rogers Kolachi Khan and Associates (RKK) have realized the intensity of damage to the region’s heritage, there is hope of some arrangements being made to preserve these carvings. Reports have also come in about Pakistan government’s plans to construct two museums to preserve 33,000 rock carvings and Buddhist figures discovered from the site of construction of Bhasha dam [6]. Shakeel Durrani, former Chairman of WAPDA was reported to have confirmed the plan to “construct two museums one each in Gilgit and Chilas to preserve thousands of rock carvings” [6]. However, no such steps have been taken so far.

Results. Obviously it was through the Karakoram-Himalaya region, which was the crossroads of ancient routes and cultures and attracted travelers, traders and pilgrims, that Buddhism was transmitted to Central Asia and beyond. Several important places on the Silk Route system such as Kucha, Balkh, Bamiyan, Khotan, Kashgar etc. developed into important centres of Buddhism when parts of Central Asia and north-western India were integrated into a single kingdom under the Kushans.

Fig. 4. Buddha seated beneath the Bodhi tree, flanked by two attendant monks (in Limestone) Kushan period (1st–2nd century AD) from Fayaz Tepe, Southern Uzbekistan (History Museum, Tashkent)

Findings of Indian imprint in several other settlements in Chu valley (Sokuluk, Shish Tube, Kara Djigach, Burana etc.) testify to a wide settlement of Buddhists along the Silk Route system. Archeological excavations conducted in early twentieth century in Xinjiang particularly at Yotkan, Dandan Uiliq, Niya, Loulan, Turfan etc. unearthed some of the remnants of ancient Buddhist shrines and stupas with rich treasures of Buddhist images, Brahmi and Kharosthi MSS, wooden tablets and frescoes. The petroglyphs of stupas at Chilas and Thalpan have many similar features such as “hemispherical or parabolic domes on three or four rectangular foundations like those of stupas at Mauri Tim outside of Kashgar, Subashi near Kucha, Niya, Endere and Loulan.” [11. P. 294–295]. The Buddhist settlements extended upto Marghilan, Merv, Sogd, Eastern Turkestan (Xinjiang region of China) (in 3rd and 4th centuries AD) and beyond in the valleys of Chu, Talas and Ili rivers in the Semirechie (Kyrgyzstan) (in 5th to 9th centuries AD) [5. P. 41–42].

Pic. 5. The Mauri-Tim Stupa, near Kashgar, Xinjiang

Buddhist imprint is reflected in the architectural style of Buddhist temples and monasteries, paintings, clay and stone sculptures, bronze pieces, Sanskrit texts etc. [5. P. 41–42]. Buddhists built huge cave monasteries in Bamiyan, Kara Tepe complex in old Termez (southern Uzbekistan, called northern Bactrian Tokharistan in ancient times), Fayaz Tepe – Zar Tepe (about 80 kms. From Termez in southern Tajikistan), Bezeklik in Turfan, Kyzyl, Kucha and Dunhuang. In the Semirechie

region, archeologists excavated several Buddhist sites at Suryab in Ak Beshim, Naveket (Krasnaya Rechka), Sangarma Julya (Kluchevskoye site of ancient settlement in Bishkek), all of which are reported to be dating back to 7th–9th centuries AD [5. P. 46]. Kyrgyz archeologist Valentina Goryacheva describes the three temple sculptures of Buddha (7th–8th centuries AD) from Kuvinsky (Farghana, Uzbekistan) and Krasnorechensky (Semirichie, Kyrgyzstan) as “the most monumental ones” [5. P. 47]. However, small bronze images of Buddha Sakyamuni, Maitreya, Bodhisattva Avalokiteshvara were quite popular among the common people, at that time. Indian Buddhist texts/manuscripts written on birch bark were found in Merv (Gaur-Kalya, Turkmenistan 5th–6th century AD) by M.E. Masson and G.A. Koshelenko in 1962 and 1965, in Kafir Kala (southern Tajikistan) in 1968 by B.A. Litvinsky, in Zang Tepe (Uzbekistan) in 1961 by L.A. Albaum, in Krasnaya Rechka (Kyrgyzstan) in 1983 by V.D. Goryacheva [5. P. 54, 55]. Such a rich heritage of Buddhist heritage in Central Asia was destroyed by the Turks and Arabs.

Whereas the sculptures excavated at Khalchayan and Dalverzin-Tepe (both in Uzbekistan) depict the influence of Indo-Buddhist traditions, the discovery of a Buddhist cave monastery at Kara Tepe [2. P. 101] and the existence of lotus flowers and Brahmi inscriptions on the artefacts clearly demonstrate Indian cultural influence in this area. Frescoes found in Panjikent and Varakhsha also bear testimony to this effect. For instance, a painting depicting a blue dancer with a trident and body draped in tiger skin, is linked to the legend of blue-necked Shiva (*Nilkantha*). Another painting shows a king hunting a tiger on elephant-back, which is obviously based on Indian experience. The discovery of large number of manuscripts and archeological remains depicting Indian traditions in the oasis settlements of Kucha, Khotan, Kashgar, Dunhuang, Panjikent, Varaksha, Khalchayan, Dalverian, Ajina Tepe etc. testifies to the wide diffusion of knowledge and culture from the Western Himalayan region to Central Asia and onwards since ancient times. The existence of terracotta tiles in Harwan near Srinagar depicting figures in the Central Asian ethnic type and dress style and also containing Kharoshthi numerals of about 300 AD [12. P. 179], testifies to the Central Asian connection.

Being situated in the very center of Central Asia and deriving its name from Sanskrit word *Vihara* (monastery), Bukhara retains its reputation as the holiest city with hundreds of mosques and *madrasas*. The Chor Minar *madrasa* at Bukhara is a crude and miniature form of Indian Char Minar at Hyderabad. Masjid Kalyan and Mir Arab *madrasa* in Bukhara continue to be the centers of important religious and social activity. Kalyan Minar is a prominent feature of Bukhara. One tall pole with a yak tail in the Kalyan minaret is reminiscent of old traditions.

Similarly Samarkand, situated on the bank of the Zarafshan river, was the very center of Silk Route system and a major urban center of erstwhile Soghdian empire. It was the capital of Tamerlane (1372 to 1402 AD). The Registan Square at first sight evokes the feeling of awe and splendour. The grand and imposing scale of three *madrassas* that form the three sides of the square, their exteriors decorated by intricate calligraphy and mosaic, make Registan a unique sight in Central Asia. That

the main gate having two lions with sun painted on its top, is still called *Sher Dor*, is ample testimony to close historical ties with India. In the Bibi Khanam mosque, in Samarkand people are still seen to be tying cotton tags to the mulberry tree asking for a boon, reminding us of similar practices in India.

The local museum in Chimkent, a town in southern Kazakhstan has a number of artifacts, particularly farming tools, household items, yurts, stone items etc. which demonstrate close resemblance to the lifestyle in the Western Himalayas. Some Zoroastrian artifacts are also preserved here. It would be relevant to mention about the artifacts preserved in Sairam, another ancient Kazakh town on the Silk Route. There is an ancient pillar with Sanskrit inscriptions in Brahmi and Kharoshthi script in a local mosque at Sairam, which is also a mausoleum of the mother of the famed saint of Turkestan, Ahmad Shah Yasavi. In the small local museum, one found another such pillar, old plough, spinning wheel, old MSS in Arabic script and other antiquities. One such pillar is reported to be in the Hermitage Museum, Leningrad. Recently an ancient Buddhist site has been discovered in Sairam, where a lamp of XII century was found. The mausoleum of Aisha Bibi (12th century) in Dzhabol (Taraz) has a twelve-cornered dome like the Indian temple roof tops. Symbols of octagon and swastika are found to be engraved in some stone pillars. At another mausoleum of Karakhan (in Taraz), stone images and human figures were stored.

**Pic. 6. Buddha images and inscriptions, Tamgaly-Tas, Kazakhstan
(Drawing by Chokan Valikanov, 1856)**

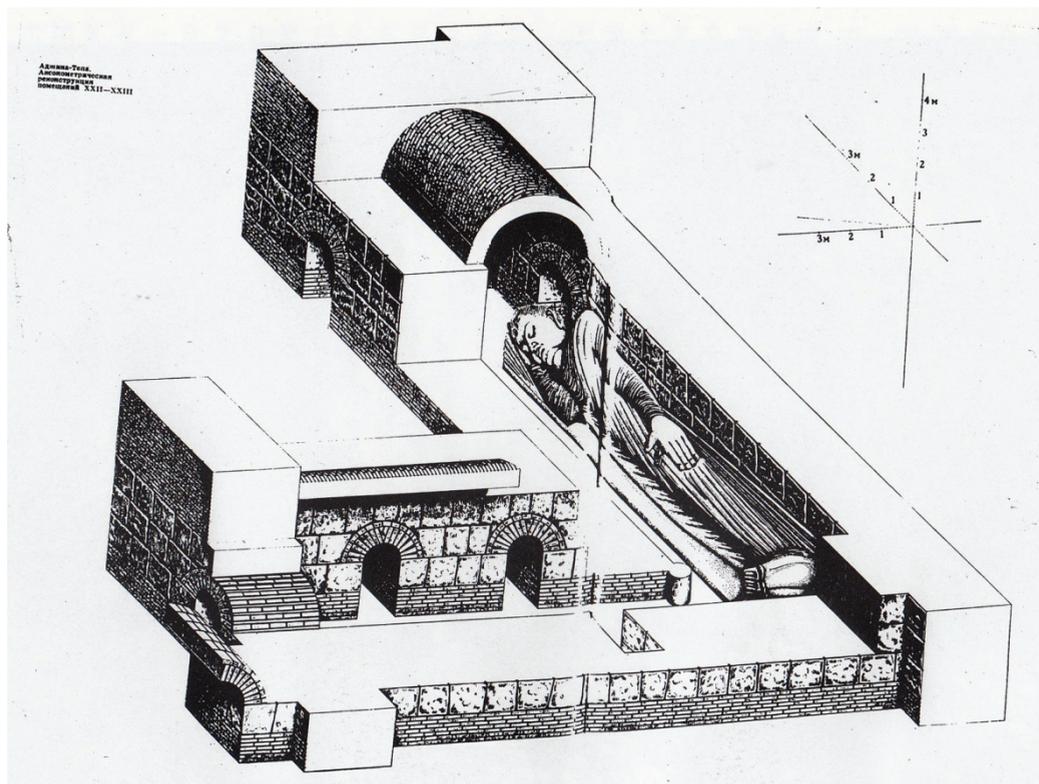
Talas is the birthplace of Kyrgyz epic hero Manas and famous Kyrgyz winter, Changiz Aitmatov. Large stone pillars and some stones with human figures locally known as Bal Bals which have been preserved in the Manas precincts, stand tes-

timony to the pre-Islamic heritage of Kyrgyzs. Manas has become the symbol of renaissance of the Kyrgyz cultural and historical heritage in independent Kyrgyzstan. The hillock locally named Karal Chaku overlooking the Manas mausoleum is considered sacred by the Kyrgyzs universally. Top of the Manas mausoleum is also like that of Indian temple top rather than being dome shaped. Large number of local people, both young and old, throng the place as pilgrims and climb the hill top. No alcohol is served or taken within the Manas complex. Ancient tradition of worshipping hillocks, trees, rivers, sun, images and legendary heroes continues in Kyrgyzstan. Buddhism was prevalent in Kyrgyzstan mainly in urban centers and towns along the Silk Route. That the symbol of sun occupies a central place in the national flag of Kyrgyzstan, only reinforces the view that Kyrgyzs continue to rever nature and its elements. Ancient town of Tokmak is the site of 21 metre high Buran tower. Here one comes across the remnants of pre-Islamic and Buddhist heritage of Balasaghun which used to be a flourishing trading and cultural center on the Silk Route. This historic site, spread over an area of 36 sq. kms. was declared as the Balasaghun National Park in 1977. The Buran tower was first restored in 1967–1968 and again in 1978. Whereas this tower was constructed in 11th century AD to commemorate the ascendancy of Islam in the region, the totems (stone figures locally called Bal Bals) lying throughout this area act as a reminder to the pre-Islamic past. These totems, the sculptures carved out in the likeness of the deceased persons, were erected in the memory of the dead. Interestingly, this tradition still continues albeit in a modernized form of erecting concrete graves with stone pillars carrying portraits of the dead. This peculiar tradition would be an anathema in the puritan Islamic countries. About 8 kms. away from the Buran tower, there is the Ak Beshim archeological site standing testimony to the ancient Buddhist settlements in this area.

Fragments of Brahmi and Kharosthi script on birch bark were found in Krasnorechensk temple. These texts are believed to have originated from Kashmir – the main center for copying of Sanskrit MSS. Significantly birch bark MSS in Brahmi/Kharosthi found throughout Central Asia (Kafyr Kalan in southern Tajikistan, Merv and Bairam Ali in southern Turkmenistan and Zang Tepe in southern Uzbekistan) are reported to have similar handwritings [16. P. 79]. Similarly, Naveket temples are similar to sites discovered at Ajina Tepe, Fayaz Tepe, Kara Tepe and Merv in Uzbekistan and Turkmenistan. Findings of bronze and stone artifacts, ceramic bowls modeled with Boddhisattvas etc. in ancient sites, testifies to the location of monasteries along the Silk Route and also to the constant flow of Indian traders, artists, craftsmen, monks and exponents from the Indian Himalayas [16. P. 80].

According to Kyrgyz archeologists, Voropoeva and Goryacheva “direct contacts between northern India and Tien Shan in VIII–IX cc, represented the golden age of Buddhist-Hindu culture in medieval Kyrgyzstan” [16. P. 73]. Soviet archeologist, Bernshtam discovered (1933–1954) at a number of “ancient sites of Chui valley – Ak Beshim, Krasnaya Rechka, Karadjigach, Novopavlovka, Sokuluk etc., works in the style of Gandhara art, which indicate the main contours of historical-culture relationship among Tein shan, Eastern Turkestan and India since first

century upto XII century” [16. P. 74–75]. Bernshtam found “powerful influence of Buddhist culture of northern India on the culture of Semirechye” [16. P. 75]. Other Soviet archeologists, Kyzlasov and Zyablin excavated in 1950s two Buddhist temples in Ak Beshim [16. P. 75]. Both temples were found to be burnt and their sculpture destroyed around VIII century, after which they were not restored [16. P. 76]. Kozhemyaho (1961–1963) and Goryacheva and Peregudova (1980–1988) carried investigation of two other temple sites dated VIII century in Navekat (Krasnorechensk) settlement [16. P.75]. In 1961 a sculpture of sleeping Buddha was excavated here, which is reportedly lying at a museum in Moscow. A Kashmiri bronze sculpture of Buddhisatva Avalokiteswara of VIII century was also reportedly found here [16. P. 77]. Many such Buddhist images (VII–VIII century) and Brahmi/Kharosthi MSS found in Naveket are housed in the Archeological Museum in the Kyr-gyz Slovanic university, Bishkek and Museum of Institute of History, Kyrgyz Academy of Sciences, Bishkek. However, the ancient sites at Ak Beshim and Naveket, need urgent attention as these are lying unprotected with adjoining lands being used for agriculture. These ancient ruins need to be restored and conserved properly.

Pic. 7. Sleeping Buddha (7th century AD) in monastery of Ajina-tepe, Tajikistan
(Courtesy: K. Warikoo (ed.), *Bamiyan: Challenge to World Heritage*. New Delhi, 2002)

Archeological finds in Kazakhstan point to the introduction of Buddhism in southern Kazakhstan around 7th–8th century AD and its spread in different parts of

the country upto 18th century AD. A European scholar Dr. Jean-Marc Deom, has drawn attention to the risk of damage to the petroglyph rock engravings of Buddha images and inscriptions at Tamgaly-Tas, about 25 kms north of Lake Kapchigai along the right of the Ili river. There are three main stone blocks which have large size images of Buddhist deities and inscription in Tibetan, Pali and Mongol scripts. Kazakh ethnographer and writer Chokan Valikhanov, who visited the site in 1856 was the first to study and document the Tamgaly-Tas petroglyphs by drawing some sketches of these rocks [for further details see: 4]. In 1981, the Alma Ata Regional Council of National Deputies decided to recognize and protect the Tamgaly-Tas petroglyphs. However the site remained vulnerable to vandalism, as some parts of the figures are reported to have been damaged by throwing stones [4].

There are several other archeological sites pointing to the existence of Buddhist monasteries in various parts of Kazakhstan. Antonovka, which is located some 500 kms. from Almaty towards the east, near the Jungarski Alatau mountain, was excavated by K.M. Baipakov in 1998–1999. This Buddhist monastery is in ruins now. Other sites include monasteries of Sumbe (in Kegen district), Ablakit (in Semipalatsinsk province) and Kyzilkent located 250 kms. east of Karaganda [14. P. 11].

At Hazrat Afak Khoja's shrine, situated about 5 kms. away from Kashgar, which was built around 1639–1640 AD and constructed in Uyghur style, one finds extensive usage of Swastika and lotus symbols in tile work on the exterior of this shrine. It was declared as a Special Protective Site of Historical Relic of China on 13 January 1988. Robert Shaw who visited Kashgar in 1868–1869 AD, had found the popular shrine of Hazrat Afaq decorated with yak tails, flags and numerous huge horns of ovis poli [13]. During this author's visit to this shrine in June 2010, I found a Muslim priest with some of his devotees lighting a lamp and performing some traditional rituals and lighting lamps. Khotan has been the most important commercial and Buddhist center on the southern limb of Silk Route having had strong connections with India. Khotan has three main ancient sites – Ak Sepul, Yotkan and Malik Awat. Relics and artifacts found by Stein in Yotkan are now lying in the British Museum. However, some antiquities from Yotkan and some other sites are placed in a shabbily arranged local museum at Khotan. Major Buddhist sites in Xinjiang have been stripped of their treasures, which were carried away by foreign archeologists to museums outside China. On a visit to a small local museum in Bachu (Maralbashi), one found antiquities discovered in the desert between Maralbashi and Aksu, stored there. These relics included Buddhist figures, statues of monkey god, wooden tablets with Brahmi inscriptions etc. About 45 kms. further from Bachu, one saw remains of ancient Buddhist site on the Tok Serai hills. There are still existing 3 to 4 stone images of Buddha (2×1), though lying defaced. Kucha has been yet another important center of Buddhism in Central Asia. On a visit to the famous Buddhist caves at Kumtura, Kyzyl and Kyzyl Gaha, one found paintings and frescoes of Buddha in different forms, monkey gods and a figure with a flute. Only 230 Buddhist caves out of original 330 are still in tact in the Kucha complex. The British and German archeologists having removed the paintings in these caves

to their respective countries, only 8 caves are now open to public view. Cave No. 17 has elaborate murals depicting Indian characteristics. A statue of Kumarajiva is erected in the Kucha cultural complex, which is well maintained. These frescoes need to be reconstructed and preserved.

**Pic. 8. Kumarajiva statue, Kucha cultural complex, Kucha, Xinjiang
(Photo: K. Warikoo)**

Korla, which is the new and modern oil city of Xinjiang, was an important trading center having economic links with both China in the east and Central Asia in the west. On a visit to the local museum in the Korla town, one found several Buddhist artifacts, an image of Tara which was excavated in Yenchi county of Korla and also several folios in Mongolian, Tibetan and Kharosthi scripts. There was one round stone with inscriptions of Om Mane Padma Om, still preserved here. In Turfan lie the ancient cities of Jiohe and Gaochang, where one can see the traces of ancient Buddhist monastic establishment. In the famed Bezeklik caves of Thousand Buddha near the Flaming Mountains in Turfan, there are few remnants of the paintings of Buddha. Images of Buddha, monkey gods etc. have now been recreated by the Chinese authorities to attract tourists. The local museum at Turfan contains some painted pots, two small Buddha statues and some mummies.

Conclusion. The task of identification, location, documentation and dissemination of such a rich historico-cultural legacy, therefore, assumes a priority. It is high time that concrete steps are taken towards the preservation of thousands of rock carvings, petroglyphs, inscriptions and images in the Karakoram Himalayan region to save them from being obliterated.

© Warikoo K., 2018

REFERENCES

- [1] Bailey, H.W. An Itinerary in Khotanese Saka, *Acta Orientalia*. Vol. 14, 1936.
- [2] Bongard Levin, G.M. India and Central Asia: Historico-Cultural Contacts in Ancient Times // *Central Asia*. Edited by Amalendu Guha. New Delhi, 1970.
- [3] Chakravarti, N.P. Hatun Rock Inscription of Patola-deva // *Epigraphica Indica*. Vol.38, 1953.
- [4] Deom, Jean-Marc. Kazakhstan: The Petroglyph Site of Tamgaly-Tas. URL: www.international.icomos.org/risk/2004/kazakhstan2004.pdf.
- [5] Goryacheva, Valentine. Buddhist Heritage of Central Asia // *Bamiyan: Challenges to World Heritage*. Ed. by K. Warikoo. New Delhi, Bhawana Books, 2002.
- [6] Haider, Mehtab. Museums to house Buddha carvings found from Bhasha dam site // *Pamir Times*, 3 May 2013.
- [7] Hauptmann, Harald. Rock Carvings and Inscriptions along the Karakorum Highway. Heidelberg Academy of Sciences and Humanities, 2006.
- [8] Hinuber, Oskar von. Die Palola Sahis: ihre Steininschriften, Inschriften auf Bronzen, Handschriftenkolophone und Schutzzauber: Matirialien zur Geschichte von Gilgit und Chilas. Mainz, Phillip von Zabern, 2004.
- [9] Lunden, Staffan. TV Review: NRK (Norway), *Skriftsamleren* (The Manuscript Collector) // *Culture Without Context*, Issue 16, Spring 2005. URL: <http://www.mcdonald.cam.ac.uk/projects/iarc/culturewithoutcontext/issue16/lunden.htm> (accessed on 31 March 2013).
- [10] Mountains of Pakistan. Islamabad, 2001.
- [11] Neelis, Jason. Early Buddhist Transmission and Trade Networks. Leiden, Brill, 2011.
- [12] Sharma, R.S. Central Asia and Early Indian Cavalry (c 200 BC – 1200 AD) // *Central Asia*. Edited by Amalendu Guha. 1970. No 12.

- [13] Shaw, R.B. *The History of Khojas of Eastern Turkestan*. Calcutta, 1897.
- [14] Stobdan, P. The Traces of Buddhism in The Semirech'e // *Himalayan and Central Asian Studies*. Vol. 7. No. 2. April–June 2003.
- [15] Threatened Rock Carvings of Pakistan // *Dawn*, 18 May 2011.
- [16] Voropoeva, V. and Goryacheva, V. Kyrgyzstan on the Great Silk Road and Cultural Relationship with India // *Himalayan and Central Asian Studies*. Vol. 2. Nos. 3–4. July–December 1998.
- [17] Watters, Thomas. *On Yuan Chwang's Travels in India, 629–645 AD*. Ed. by T.W. Rhys Davids and S.W. Bushell. 2nd edition, New Delhi, Munshiram Manoharlal, 1973
- [18] Willeman, Charles. *India's North-western Cultural area and its Impact on China // Xun-zang and the Silk Route*. Ed. by Lokesh Chandra and Radha Banerjee. New Delhi, Munshiram Manoharlal, 2008.

КАРАКОРУМ, ГИМАЛАИ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: БУДДИЙСКИЕ СВЯЗИ

К Варику

Университет Джавахарлала Неру
110067, Нью Дели, Индия

Каракорумско-Гималайский регион является той колыбелью, откуда древняя индийская культура, включая буддизм, распространилась по разным направлениям Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Гильгит, Чилас, Читрал, Балтистан, Ладакх, Занскар и другие приграничные районы были важными опорными пунктами на знаменитом Шелковом пути. Буддийские ученые из Индии способствовали распространению буддизма в Центральной и Восточной Азии. Одним из видных ученых был Кумараджива (344–413), который разрушил политические, географические, культурные и языковые барьеры для распространения буддизма. Сюаньцзян упоминает четыре важных центра буддизма в Центральной Азии – Шан-шань (Крорайна – Лоулань), Хотан, Кучу и Турфан. Кашмир сыграл важную роль в распространении буддизма в Хотане, который, в свою очередь, сыграл ключевую роль в передаче буддизма в Китай. Несколько важных мест в системе Шелкового пути, такие как Куча, Балх, Бамиан, Хотан, Кашгар и др., превратились в важные центры буддизма, когда части Центральной Азии и северо-западной Индии были объединены в единое государство под Кушанами.

Ключевые слова: Каракорумско-Гималайский регион, Гильгит, Чилас, Читрал, Балтистан, Занскар, Кашмир, Куча, Кашгар, Хотан, буддизм, Кумараджива, Сюаньцзян, Лotosовая сутра, Канишка, Палола сахис

Информация об авторе / Information about the author

К Варику – PhD, профессор Школы международных исследований Университета имени Джавахарлала Неру (Индия). *E-mail:* kwarikoo@gmail.com

K Warikoo – Phd., Professor at Centre for Inner Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University (New Delhi, INDIA). *E-mail*: kwarikoo@gmail.com

Для цитирования / For citations

К Варику. Каракорум, Гималаи и Центральная Азия: буддийские связи / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 109–125. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-109-125.

Warikoo K. Karakoram Himalayas and Central Asia. The Buddhist Connection / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 109–125. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-109-125.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 10.01.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-126-134

ТИБЕТСКИЙ ПРИНЦИП ОТНОШЕНИЙ «ЧОЙ-ЙОН» В ЦИНСКИХ ИСТОЧНИКАХ XVII–XVIII ВВ.

Б.У. Китинов, А.Г. Люлина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В тибето-цинских отношениях важное место занимал традиционный духовно-патрональный принцип «чой-йон» («духовный наставник – светский покровитель»), согласно которому Далай-лама признавался религиозным советником и наставником императора, а последний покровительствовал учению школы Гелуг, защищал ее интересы и являлся «милостынедателем», при этом обе стороны не выделяли приоритет какой-либо из сторон. После визита Далай-ламы V ко двору императора Шуньчжи в 1652 г. на основе «чой-йон» был заключен религиозно-политический союз, просуществовавший фактически до падения империи Цин в 1911 г. Однако в цинских источниках с середины XVII до конца XVIII в. можно проследить изменение трактовки «чой-йон», и прежде всего – в вопросе статуса Далай-ламы. Император Цяньлун в трактате «Ламашо» (1792) провозгласил главенство власти императора перед духовным наставничеством ламы.

Ключевые слова: принцип «чой-йон», Тибет, империя Цин, тибето-цинские отношения, Далай-лама

Введение. В середине XVII в. к власти в Тибете пришел Далай-лама V Нгаванг Лобсанг Гьяцо (1617–1682), глава школы тибетского буддизма Гелуг. Преобразования и реформы, проводимые им, имели своей целью распространение и укрепление принципов ненасилия, взаимопомощи, единения религии и политики (тиб. *Chos-srid, lugs gnyis*, кит. 佛法 *fófǎ*) среди центрально-азиатских народов, исповедующих буддизм. Отношения и связи, как внутренние между различными регионами Тибета, ведомствами, личностями, так и внешние между Тибетом и другими государствами, строились на основе «чой-йон» (тиб. *tchod-yon*, кит. 檀越关系 *tányuè guānxi*) – отношениях «духовный наставник – светский покровитель».

Это понятие представляет собой сложный культурный конструкт, связывавший сакральное и мирское и уходящий своими корнями в раннебуддийскую идею о взаимоотношениях между Дхармараджей (королем Дхармы, учения) и Чакравартином (правителем, «вращающим колесо» учения) [1. С. 224, 372]. В Тибете подобные отношения оформились как особый союз «лама-милосты-

недатель», который существовал не только на личностном, но и на межинститутском уровне – между главами монастырей (школ) и светскими правителями соответствующих регионов. Семантика *mchod-yon* восходит к объединению двух фраз – *mchod gnas*, что означает «священник, духовное лицо» и *yon bdag*, то есть «донор, даритель» [11. Р. 442; 14. Р. 10].

Пагба-лама (1239–1289), который получил от хана Хубилая, основателя династии Юань (1271–1368), титулы «го ши» и «ди ши» (1), использовал принцип «чой-йон» применительно к тибето-монгольским отношениям: верховный лама становился религиозным советником и наставником императора, а император покровительствовал учению, защищал его интересы и являлся «милостынедателем» [12. Р. 65–68]. То есть первый в этом случае оказывал моральное содействие, помощь советами, наставлениями, второй же, светский покровитель, оказывал материальную поддержку Тибету в лице духовных институтов.

Встреча Далай-ламы V и цинского императора Шуньчжи в 1652 г. ознаменовала взаимное признание сторон в качестве «ламы – наставника государства» и «императора – покровителя тибетского буддизма» соответственно. На протяжении полутора веков отношения по типу «чой-йон» между Далай-ламами, Панчен-ламами и цинскими императорами играли важную роль в процессе развития тибето-цинских отношений. Важно понимать, что союз такого рода существовал не только между Далай-ламой и цинским императором. Подобные отношения существовали между лидерами других школ тибетского буддизма (оппозиционных Гелуг) и монгольскими покровителями: хошутами и джунгарами [3. С. 68]. Например, союз между Далай-ламой V и Шуньчжи вовсе не исключал существование такого союза между Далай-ламой V и хошутским Гуши-ханом (1582–1654). Гибкость системы «чой-йон» являлась очень важным обстоятельством для сохранения мирных и взаимовыгодных межгосударственных отношений. С другой стороны, такая гибкость позволяла тибетскому и цинскому правительствам объяснять и воспринимать различные вопросы взаимоотношений по-своему, что в конечном итоге привело не только к изменению трактовки самого принципа «чой-йон», а именно – к переосмыслению статуса Далай-ламы как наставника императора с его последующей деполитизацией в конце XVIII в.

Историография и цель исследования. В настоящее время существует довольно много работ отечественных и зарубежных историков, посвященных особенностям тибето-цинских отношений и влиянию на них указанного принципа «духовный наставник – светский покровитель». К таким работам относятся статьи и монографии Е.Л. Беспрозванных, С.Л. Кузьмина, В.Л. Успенского, Ю. Исихамы, Дж. Хэвиа, Д. Руэгга, В. Шакабпы, Я Ханьчжана и др. В настоящей статье авторы затрагивают малоизученную тему – причины и последствия обращения правителей Тибета и Цинского Китая к принципу «чой-йон», уделяя внимание его определенной трансформации под воздействием

специфики тибето-китайских связей, в т.ч. обусловленных ролью событий в Тибете.

Методы и материалы. В цинских источниках принцип «чой-йон» упоминается каждый раз, когда речь идет о необходимости взаимопомощи тибетского правителя и императора: то есть со стороны Далай-ламы медиативная помощь в общении цинского правительства и ванов других областей, влияние на исход конфликта и пр.; со стороны императора – финансовая поддержка, помощь военной силой, людьми и служащими кадрами. Это видно на примере текстов таких тибетских и цинских источников, как: письма правителей друг другу [9. С. 213–221], биографии Далай-лам (2), «Дай Цин личао шилу» («Правдивые записи Великой династии Цин по царствованиям») [2], «Циньдин коэрка цзилюе» («Высочайше утвержденное описание покорения гуркхов») [8], трактат «Ламашо» («Рассуждение о ламах») [7. С. 536] и др. Сопоставительный анализ источников показал, что некоторые данные в тибетских и цинских источниках различаются, в том числе в отношении принципа «чой-йон». Следует отметить, что в настоящее время не все тибетские источники переизданы на китайском языке, что затрудняет объективную оценку фактов.

Исследование проблемы. Обмен письмами между Далай-ламой V и императором Шуньчжи в 1640-х – начале 1650-х гг. не только имел целью приглашение лидера Гелуг ко двору, но также должен был показать признание Пекином Далай-ламы в качестве правителя Тибета, интерес маньчжуров к тибетской вере и религиозные цели сотрудничества [9. С. 224–225].

Описание встречи в 1652 г. в «Личао шилу» не лишено определенной степени учтивости: император всячески пытался подчеркнуть свое расположение к ламе и желание распространить тибетский буддизм среди своих подданных. Однако в тексте были упущены некоторые важные детали (положение правителей во время заседания, обмен титулами и подарками) [2]. Эти детали раскрываются в биографии Далай-ламы, а их отсутствие в «Личао шилу» делает визит тибетского правителя фактически одним из многочисленных приездов дальних данников ко двору императора.

Таким образом, император был воспринят Далай-ламой как покровитель Гелуг, но отношения между ними строились иначе, чем при династии Юань. Цинский император позиционировал себя выше по статусу и положению (согласно китаецентристской доктрине), а тибетский буддизм, как и концепция единства религии и политики, с трудом приживались на конфуцианской почве.

Далее, в первой половине XVIII в. при императорах Канси и Юнчжэне открывается утилитарная сторона тибето-цинского сотрудничества: императоры призывают Далай-ламу оказать военную поддержку для подавления восстаний в Южном Китае, или рассматривают авторитет Далай-ламы как средство умиротворения монгольских народов. К принципу «чой-йон» императоры обращались каждый раз при легитимации каждого последующего Далай-ламы, а также для закрепления военного успеха в Тибете. Так, о цели военных действий Цинов говорится в надписи Канси «Восстановление мира в Тибете»

на каменной стеле напротив Поталы, установленной по случаю победы над джунгарами в 1721 г.: «Я же в этом деле действовал ради устранения врагов, благодетельствовании покорных, успокоении народа и восстановлении веры» [7. С. 4]. Основные случаи присутствия Цин в Тибете – после Гражданских войн 1727 г., 1751 г., во время тибето-непальской войны 1792 г. – также официально объяснялись принципом «чой-йон» [6. С.15].

В золотом дипломе, который Канси даровал новому Шестому Далай-ламе (3), было указано следующее о титуле духовного лидера и его положении:

...Далай-лама, ты, с древних времен непрерывно в каждом своем рождении с западной стороны и в окраины и в срединные земли распространив сущность религии, получил указ из Срединного государства и был возвышен. Сейчас ты, с малого возраста, в продолжение прежнего порядка, усердствуешь в нравственности и обучении, хорошо вникаешь в тонкий смысл трех колесниц. Благодаря этому о тебе все думают с доверием. Поэтому вместе с восхваляющим тебя повелением, даю диплом и печать. Поскольку тебя возвысили до звания «Распространяющий учение и направляющий живые существа Далай-лама Шестой», проявляй усердие в том, чтобы, не лентяь, Учение Будды распространив, повсюду отдавать силы для [блага] моего правления [7. С. 162].

Принцип «чой-йон» был той нитью, которая связывала императора не только с лидирующей линией тулку (тиб. *sprul sku*, реинкарнации) Тибета (т.е. с Далай-ламой), но и с тибетской системой управления.

При Далай-ламе VII (1708–1757) происходит усиление административного контроля империи в Тибете, Гражданская война 1727–1728 гг., деполитизация самого Далай-ламы. Это отражается на союзе «чой-йон»: несмотря на непосредственное участие Цин в возведении Далай-ламы на престол, прежние отношения по типу «наставник – покровитель» не были возобновлены на личном уровне. Ни Канси, ни Юнчжэн не вели переписку о духовных наставлениях и не встречались ни с возведенным на престол Далай-ламой VII, ни с Панчен-ламой V (второй по значимости духовный иерарх Гелуг). Более того, Далай-лама на некоторое время был выслан в Восточный Тибет под предлогом джунгарской угрозы. Цинские императоры намеревались восстановить духовно-патрональные отношения с другой линией тулку, Панчен-ламами, однако это не принесло благотворного результата. Следует также отметить, что при выборе 8-го Далай-ламы Джампэл Гьяцо (1758–1804) пятеро оракулов долго не могли прийти к согласию, и тогда выбор был сделан молодым шестым Панчен-ламой Лобсанг Палден Еше (1738–1780). Видимо, к этому времени относится появление «крайне непопулярной» идеи о Золотой урне (тиб. *gser bum*, кит. 金瓶 *jīnpíng*) [13. P. 141].

Тибето-непальский конфликт 1788–1792 гг. показал неспособность тибетского правительства уладить противоречия с Непалом мирным путем. Первоначально конфликт с гуркхами воспринимался цинским правительством как последствие внутритибетской финансовой проблемы, которая должна была разрешиться без их вмешательства. Вероятно, поэтому в китайских документах содержится мало сведений о ходе тибето-непальских переговоров. Однако целый трактат посвящен китайско-непальским отношениям [8]. Противостояние тибетцев и гуркхов попало в поле зрения маньчжуров, как только оно переросло в военные столкновения на границе в 1788 г., и монастырь Ташилунпо был фактически разрушен. Далай-лама VIII обращался императору с просьбой о начале военной акции, после чего была собрана большая тибето-китайская армия. Тибетский иерарх рассматривал военное вмешательство Цин как единственный способ сохранить целостность страны и религии и как справедливое проявление принципа покровительства императора в защиту учения. Цяньлун также объяснял необходимость войны покровительством «желтой вере», ссылаясь на опыт своих предков, которые не раз использовали военную силу для восстановления мира на тибетской земле.

После тибето-непальского конфликта 1788–1792 гг. последовала цинская реформа в сфере религии в Тибете: помимо жеребьевки из Золотой урны, вводимой «Тибетским уложением» 1793 г., провозглашался запрет на поиск высших тулку среди родственников Далай-ламы, Панчен-ламы, в знатных семьях, в том числе в семьях монгольских ханов, ванов и др. [7. С. 54]. Постановление имело целью предотвратить влияние различных религиозных групп и родовой знати, которые старались использовать процедуру реинкарнации в борьбе за власть. Вместе с тем это был серьезный удар по самому сердцу тибетской политической системы – процессу идентификации высших тулку. Статус Далай-ламы и Панчен-ламы изменился, что снова отразилось на трактовке «чой-йон».

Заключение. В 1792 г. император Цяньлун издал декрет «Ламашо» (кит. 喇嘛说 «Рассуждение о ламах»), в котором развенчал культ Далай-ламы. В тексте декрета он обращался к отношениям между ламами школы тибетского буддизма Сакья и императорами династии Юань (Пагба-лама и Хубилай), ламами Карма Кагью и императорами Мин (лама Кармапа Дешин Шегпа и Юнлэ): в обоих случаях император даровал ламам почетные титулы, а ламы в свою очередь давали императорам тантрические посвящения, что свидетельствовало о возобновлении принципа «наставник – покровитель» [10. Р. 249]. Однако отношения высших лам с цинскими императорами, как подчеркивает Цяньлун, были совершенно иными:

Император Ши-цзу Юаньской династии даровал титул «го ши» (国师 ‘Учитель империи’) и «ди ши» (帝师 ‘Учитель императора’) Пагба-ламе... Хотя Наша династия покровительствует Желтой церкви, она никогда не даровала титул Учитель императора... мы не проявляем какое-либо предубеждение, не желаем проявлять рабский пиетет перед священниками (как это было), при династии Юань... Покровительство Нашего царства Желтой церкви про-

стирается совсем по-другому. Так как монголы поклоняются Будде и имеют явную веру в лам, мы должны защищать ее только во исполнение нашей политики и распространения нашей любви к слабому [7. С. 536; 4. С. 264].

Исторический визит Далай-ламы V ко двору императора Шуньчжи в 1652 г., а также трактовка их встречи в китайских и тибетских источниках не позволяют дать однозначную оценку положения двух лидеров по отношению друг к другу. С 1653 г. по 1792 г. ни одна сторона не заявляла открыто о своем превосходстве и не диктовала исполнение своих требований в тех или иных решениях: все вопросы, выносившиеся на обсуждение Далай-лам и императоров, решались мягко и деликатно, не вызывая серьезных противоречий. Трактат «Ламашо» разрешил это неоднозначное положение, противоречащее конфуцианским канонам, утвердив приоритет власти императора перед духовным наставничеством ламы.

К концу XVIII в. государство в лице своей административной системы (императора как ключевого института) осуществляло покровительство над Далай-ламой, в его фигуре – над линиями тулку и в целом над всеми институтами тибетского правительства.

© Китинов Б.У., Люлина А.Г., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Го ши» – кит. 国师 «учитель государства», «ди ши» – кит. 帝师 «наставник императора».
- (2) Среди биографий Далай-лам следует отметить «Биографию Седьмого Далай-ламы», написанную приближенным императора Цяньлуна Джанджа-хутухтой Ролби Дорджэ (Джанджа-хутухта Ролби-Дорджэ. Ци ши да дай ла ма чжуань (Биография Седьмого Далай-ламы) / Пер. Пу Вэньчэн. Пекин, 2006), в переводе с монгольского на китайский язык, а также фрагменты биографии Далай-ламы V в книге «История Тибета Пятого Далай-ламы» в переводе З. Ахмада (History of Tibet by Nag-dBan Blo-bZan rGya-mTSho, fifth Dalai Lama of Tibet. Translated from Tibetan by Zahiruddin Ahmad. Bloomington, Indiana, 1995). В Китае в двух томах также вышел перевод на китайский язык основного содержания биографии Далай-ламы V (Аван Лосан Цзяцо. Уши Далай лама чжуань. Шан ся цэ (Биография Пятого Далай-ламы Нгаван Лобсан Гьяцо (в двух томах)) / пер. Чень Циньин, Ма Ляньлун, Ма Линь. Пекин, 2006).
- (3) Далай-лама XVII Кэлсанг Гьяцо сначала был признан императором Канси Шестым Далай-ламой, так как император отказался признавать его предшественника Цаньян Гьяцо.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андросов В.П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М., 2011.
- [2] Дай Цин личао шилу (Правдивые записи всех царствований Великой династии Цин). Пекин, 1938. Чао III–VI. URL:http://www.360doc.com/content/12/0417/08/9309627_204289328.shtml.

- [3] *Китинов Б.У.* Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М., 2004.
- [4] *Кузьмин С.Л.* Отношения «наставник – покровитель» и проблема статуса Тибета // Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием молодых ученых. Улан-Удэ, 2012.
- [5] *Солощева М.А.* Поиски легитимного преемника Далай-ламы VI // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сборник статей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. Выпуск 1. С. 60–68.
- [6] Тибет. Правда, основанная на фактах. Дхарамсала-Москва, 1993.
- [7] Циндай илай чжунъян чжэнфу дуй Сицзан дэ чжили юй хофо чжуаньши чжиду шилиао хуйцзи (Управление Тибетом со стороны центрального правительства и система перевоплощений живых будд. Сборник исторических материалов со времен Цин) / Ред. Чжао Сюэни, Чан Вэйминь. Пекин, 1996.
- [8] Циньдин коэрка цзилуэ (Высочайше утвержденное описание покорения гуркхов) / Сицзан лиши ханьвэнь вэньсянь цункань (Собрание документов по истории Тибета на китайском языке). Пекин, 2006.
- [9] Юань илай Сицзан дифан юй чжунъян чжэнфу гуаньси данъянь шилиао хуэйбянь (Сборник архивных документов и материалов по истории отношений между местными властями Тибета и Центральным правительством Китая со времен правления династии Юань) / Гл. ред. Доцзе Цай Дань. Т. 2. Пекин, 1994.
- [10] *Hevia J.* Lamas, Emperors, and Rituals: Political Implications in Qing Imperial Ceremonies // *J. International Assoc. Buddhist Studies*, 1993. № 16 (2). P. 243–278.
- [11] *Ruegg D.* Seyfort. Mchod yon, yon mchod and mchod gnas /yon gnas: on the historiography and semantics of a Tibetan religio-social and religio-political concept // *The History of Tibet*. London-New York, 2003. Vol. 2. P. 362–372.
- [12] *Shakabpa W.D.* Tibet. A Political History. London, 1967.
- [13] *Smith G.* Among. Tibetan Texts: History and Literature of the Himalayan Plateau (Studies in Indian and Tibetan Buddhism). Wisdom Publications, 2001.
- [14] *Tucci G.* Tibetan painted scrolls. Roma, 1949.

REFERENCES

- [1] *Androsov V.P.* Indo-tibetskij buddizm. Jenciklopedicheski slovar' [Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2011.
- [2] Dai Qing lichao shilu [Veritable Records of the Qing Dynasty]. Beijing, 1938. Chao III–VI. URL:http://www.360doc.com/content/12/0417/08/9309627_204289328.shtml.
- [3] *Kitinov B.U.* Svjashhennyj Tibet i voinstvennaja step': buddizm u ojratov (XIII–XVII vv.) [Sacred Tibet and martial steppe: Buddhism of the Oirats (XIII–XVII centuries)]. Moscow, 2004.
- [4] *Kuz'min S.L.* Otnosheniya «nastavnik-pokrovitel'» i problema statusa Tibeta [The “Priest-patron” Relationship and the Problem of Tibetan Status] // *Nauka i buddizm: materialy nauchnoj konferencii s uchastiem molodyh uchenyh* [Science and Buddhism: materials of scientific conference]. Ulan-Ude, 2012. P. 261–273.
- [5] *Soloshheva M.A.* Poiski legitimnogo preemnika Dalaj-lamy VI [The search for a legitimate successor of The Dalai-lama VI] // *Tibetologija v Sankt-Peterburge. Sbornik statej* [Tibetology in Saint-Petersburg. Collection of articles]. Saint-Petersburg, 2014. Vol. 1. P. 60–68.

- [6] Tibet. *Pravda, osnovannaja na faktah* [The Truth based on facts]. Dharamsala – Moscow, 1993.
- [7] Qing dai yilai zhongyang zhengfu dui Xizang de zhili yu huofu zhuanshi shiliao huiji (Tibet by the Central Government and the System of Reincarnation of living Buddhas. Collection of historical materials from the time of the Qing Dynasty) / Red. Zhao Xueni, Chang Weimin. Beijing, 1996.
- [8] Qing ding guo'erka jilue (Supreme Approved Records of Gorkha Conquest) / Xizang lishi hanwen wenxian zongkan (Collection of the Documents on Tibetan History in Chinese). Beijing, 2006.
- [9] Yuan yilai Xizang difang yu zhongyang zhengfu guanxi dang'an shiliao huibian (The collection of archival documents and materials on the history of relations between the local Government of Tibet and the Central Government of China since the Yuan Dynasty) / Ed. Duoze Cai Dan. Vol. 2. Beijing, 1994.
- [10] Hevia J. Lamas, Emperors, and Rituals: Political Implications in Qing Imperial Ceremonies // *J. International Assoc. Buddhist Studies*, 1993. № 16 (2). P. 243–278.
- [11] Ruegg D. Seyfort. Mchod yon, yon mchod and mchod gnas / yon gnas: on the historiography and semantics of a Tibetan religio-social and religio-political concept // *The History of Tibet*. London-New York, 2003. Vol. 2.
- [12] Shakabpa W.D. *Tibet. A Political History*. London, 1967. P. 362–372.
- [13] *Smith G. Among*. Tibetan Texts: History and Literature of the Himalayan Plateau (Studies in Indian and Tibetan Buddhism). Wisdom Publications, 2001.
- [14] Tucci G. *Tibetan painted scrolls*. Roma, 1949.

TIBETAN RELATIONSHIP “CHO-YON” IN QIN SOURCES MID. XVII – END XVIII CENTURIES

B.U. Kitinov, A.G. Lyulina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

In the relations between Tibet and the Qing Empire an important place belongs to the traditional spiritual-patronal principle of “Choi-yon”, according to which the supreme lama of Tibet was considered as the religious counselor and mentor of the Emperor. The Emperor in his turn patronized the teachings of the Gelug school and played the role of a “charity”. Neither Tibetan leader nor Qing's was in priority. After the Dalai Lama V's visit to the court of the Emperor Shunzhi in 1652, on the basis of “Choi-yon” there was established a religious-political alliance, which existed until the fall of the Qing Empire in 1911. Nevertheless, in the period from the middle of the 17th century to the end of the 18th century we can trace the changes of interpretation of “Choi-yon”, and, first of all, for the status of the Dalai Lama. The Qianlong Emperor in his treatise “Lamasho” (1792) proclaimed domination of the Emperor's authority before the spiritual guidance of the Lama.

Keywords: “Choi-yon” principle, Tibet, Qing Empire, Tibet-Qing relations, Dalai Lama

Информация об авторах / Information about the authors

Баатр Учаевич Китинов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail*: kitinov@mail.ru

Анастасия Геннадьевна Люлина – кандидат исторических наук, ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. *E-mail*: alyulina88@gmail.com

Baatr Kitinov – PhD in History, Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia. *E-mail*: kitinov@mail.ru

Anastasiya Lyulina – PhD in History, People’s Friendship University of Russia, Faculty of Humanities and Social sciences, Department of Foreign languages. *E-mail*: alyulina88@gmail.com

Для цитирования / For citations

Китинов Б.У., Люлина А.Г. Тибетский принцип отношений «чой-йон» в цинских источниках XVII–XVIII вв. / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 126–134. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-126-134.

Kitinov B.U., Lyulina A.G. Tibetan relationship “cho-yon” in Qin sources mid. XVII – end XVIII centuries / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 126–134. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-126-134.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 27.01.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-135-144

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ)

Г.И. Цвык

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье автор рассматривает понятие культурной дипломатии и механизмы ее реализации на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Многие российские и зарубежные исследователи отмечают взаимосвязь между культурной дипломатией и публичной дипломатией. Согласно наиболее распространенной точке зрения, культурная дипломатия является основой публичной дипломатии, которая проявляется в поддержании и развитии контактов с другими нациями и народами в сферах культуры, науки и образования. Главной целью публичной дипломатии является создание положительного образа государства за рубежом.

В качестве примера государств, активно использующих инструментарий культурной дипломатии, автор приводит Россию и Китай, так как опыт Москвы и Пекина в данной сфере позволяет достаточно успешно распространять русский и китайский языки, культуру и традиции народов обеих стран по всему миру.

Ключевые слова: культурная дипломатия, Россия, Китай, «мягкая сила»

Введение. Культурная дипломатия является одним из наиболее эффективных и значимых средств реализации внешнеполитической стратегии любого государства, претендующего на значимую роль в системе современных международных отношений.

Термин «культурная дипломатия» появился в 1930-х годах и был введен в научный оборот американским исследователем Ф. Баргхорном. Согласно его определению, это культурная дипломатия – это «манипуляция культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [1]. Таким образом, изначально термин имел идеологизированный подтекст, что было обосновано конъюнктурой того времени.

Одно из первых определений понятия «культурная политика» было введено в оборот на круглом столе ЮНЕСКО в Монако в 1967 г. В докладе «Политика в сфере культуры – предварительные соображения» под политикой в сфере культуры понимался «комплекс принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают осно-

ву действий государства в области культуры». В этом контексте реализация политики в сфере культуры представляет собой «всю сумму сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время» [2].

В XXI веке под влиянием процессов глобализации и в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений в качестве инструментов усиления влияния государств на мировые политические процессы наряду с военно-политическим весом и экономическими ресурсами рассматривалась концепция «мягкой силы» государства. В соответствии с концепцией «мягкой силы», автором которой был американский политолог Дж. Най, в ее состав входят три базовых компонента: привлекательность системы ценностей государства, привлекательность его культуры, эффективность невоенных механизмов внешней политики [3].

В западной политологической научной школе отмечают прямую связь культурной дипломатии и «мягкой силы» государства. Западные ученые дефинируют культурную дипломатию как вид публичной дипломатии и неотъемлемую часть политики «мягкой силы», включающей в себя «обмен идеями, информацией, произведениями искусства и другими компонентами культуры между государствами и населяющими их народами с целью укрепления взаимопонимания» [4].

Рассматривая дефиниции культурной и публичной дипломатии в российской научной школе, стоит отметить, что российские ученые разделяют оба понятия, но также считают культурную дипломатию неотъемлемой частью политики «мягкой силы» государства [5].

По нашему мнению, основная задача культурной дипломатии состоит в укреплении межгосударственных отношений, повышении социально-культурного сотрудничества, продвижении национальных интересов государства, более того, в обеспечении его национальной безопасности.

Понятийный аппарат области «культурной дипломатии» сложен. Культура представляет собой совокупность ценностей, которые создают смысловое наполнение для общества, включающая в себя как «высокую» (литература, искусство, образование), так и массовую культуру. Именно эти направления государства стремятся демонстрировать зарубежной аудитории в процессе реализации культурной дипломатии. Культурная дипломатия является основной составляющей публичной дипломатии, которая проявляется в информировании международной общественности, поддержании и развитии контактов с другими народами в сфере образования и культуры, нацеленной на создание привлекательного образа страны за рубежом. Акторами публичной дипломатии выступают как государственные структуры и физические лица (профессиональные дипломаты), так и неправительственные и некоммерческие организации. В условиях глобализации взаимозависимого мира, в котором распространение технологий массовой коммуникации обеспечи-

вает упрощение общения людей из разных стран, культурная дипломатия является исключительно важным аспектом для обеспечения международного мира и стабильности.

В связи с этим в настоящее время практически все крупные государства пытаются включить культурную дипломатию в свои внешнеполитические стратегии и рационально ее использовать.

По мнению российского ученого И.В. Радикова, «мягкую силу» государства можно использовать двумя способами.

Основной способ, условно автором обозначенный как «искусственный», предполагает приоритетное проведение различных мер информационного, рекламного и пропагандистского характера, направленных на улучшение международного имиджа государства. Этот путь формирует образ «мягкой силы» и включает три основных направления: публичную дипломатию, государственную дипломатию (имеется в виду традиционная дипломатия), программы помощи развитию зарубежным странам и оказание гуманитарной помощи [6].

Вместе с тем ряд зарубежных и отечественных исследователей, используя понятийный аппарат «мягкой силы» Дж. Ная, абсолютизируют значение и роль культурной дипломатии в процессе повышения «мягкой силы» государства. В качестве универсального средства повышения привлекательности страны они выдвигают необходимость реализации таких мер, как, например, расширение иностранного радиовещания, проведение международных информационных программ, осуществление программ образовательных и культурных обменов и др.

Таким образом, культурная дипломатия сочетает политику государства в отношении определенных сфер культурной деятельности, культуру внешнеполитической деятельности, инструментальное использование культуры и культурных норм во внешнеполитических действиях; способствует использованию в дипломатической деятельности государства инструментов культурного влияния для достижения межгосударственного взаимопонимания, международного мира и стабильности через преодоление культурных барьеров; предполагает использование различных факторов культуры, искусства и образования с целью защиты и продвижения на международной арене собственных национальных интересов [7].

Культурная дипломатия: опыт России

В этом контексте культурная дипломатия как инструмент внешней политики приобретает огромную важность для нашего государства. Учитывая тот факт, что российская культура самобытна и в то же время является неотъемлемой частью глобального культурно-исторического наследия человечества, уровень взаимопонимания и противостояния российской и мировой культур во многом предопределял светлые и темные стороны в истории отношений России с другими государствами. Именно поэтому столь важно сохранить преемственность лучших традиций этого многовекового диалога [8].

По мнению ряда ученых, во времена СССР культурная дипломатия была чрезвычайно идеологизирована, что сужало возможности ее воздействия на все слои населения зарубежных стран [8]. Вместе с тем эта работа была поставлена на государственный уровень, выделялись средства из государственного бюджета, осуществлялся контроль со стороны центральных координирующих органов. Активно были задействованы дипломатические органы, которые сами плотно занимались культурной дипломатией и контролировали деятельность других заграничных учреждений, прежде всего отделений Союза советских обществ дружбы (ССОД), Агентства печати «Новости» (АПН) и Совэкспортфильма. В целом эффект от всех этих усилий был очевиден, несмотря на все издержки идеологических подходов.

Стоит отметить, что активность России в этой области значительно снизилась после 1991 г. В первые годы после распада Советского Союза решались внутренние политические и экономические задачи по слову прежней системы и срочного выстраивания нового режима на основах либерального капитализма. В 1990-е гг. фактически прекратили работу государственные структуры внешней пропаганды и распространения культуры вовне. Да и государство в целом значительно ослабло, исчезла государственная идеология, потерялись общенациональные цели, размылось национальное самосознание. Национальные цели и ценности конвертировались в задачи укрепления политической власти и приватизации государственной собственности.

К культурной дипломатии стали вновь обращаться лишь в начале 2000-х гг. Были воссозданы, хотя и под другими названиями, некоторые структуры, занимавшиеся культурной дипломатией в СССР. К этой работе стали подключаться полугосударственные и частные фонды. Осуществляется на коммерческой основе выставочный обмен, организуются гастроли музыкальных и театральных коллективов. Однако нерешенные проблемы остаются в такой чувствительной для российского самосознания сфере, как положение соотечественников за рубежом.

Стоит отметить, что во внешнеполитических документах России наряду с термином «культурная дипломатия» в качестве синонима часто употребляется понятие «внешняя культурная политика». МИД РФ в программном документе «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами» дает следующее определение: внешняя культурная политика – это специфический инструмент достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества [9]. В документе также подчеркивается, что взаимодействие дипломатии и культуры имеет давние исторические традиции и служит национальным интересам России. Культурная дипломатия способна вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России. Культурные связи как один из самых гибких и поэтому наиболее действенных инструментов в механизме

внешнеполитической деятельности призваны работать на создание благоприятного и объективного образа России в мире.

В данном контексте культура, являясь инструментом внешней политики, должна развивать чувства симпатии к стране, укреплять позитивный имидж государства за рубежом, способствовать налаживанию долговременных связей между государствами, общественными организациями и людьми, вносить вклад в налаживание межгосударственного взаимодействия в других областях, в том числе в сфере экономики.

По нашему мнению, в эпоху конфликтов и международной нестабильности роль культуры как инструмента «мягкой силы» в дипломатии невозможно и просто опасно недооценивать. Тем не менее Россия пока недостаточно использует огромный потенциал культуры и искусства для формирования привлекательного образа государства. И государство, и немногочисленные культурные фонды вкладывают в развитие культурной политики недостаточно средств. Вместе с тем не стоит забывать, что в критические моменты истории, в периоды конфликтов и противостояний, именно культура была мощным источником вдохновения и притягательности нашей страны для зарубежной аудитории. В конце XIX – начале XX в. Россия активно «экспортировала» литературу, оперу и балет; в середине XX в. пропагандировала свои достижения в освоении космоса, в области точных наук. В настоящее время перед Россией стоит задача найти новые культурные образы и символы для создания достойного имиджа государства и привлечения зарубежной аудитории либо творчески переосмыслить возможности традиционных архетипических культурных образов и символов.

Вместе с тем, согласно Указу Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики», термин «культурная политика» дефинируется как «действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [10].

Таким образом, несмотря на меры, принимаемые нашим государством в данном направлении, нам представляется преждевременным давать оценки эффективности культурной дипломатии России. Вместе с тем представляется целесообразным рассмотреть опыт зарубежных стран в реализации этого компонента «мягкой силы», в частности, Китая – государства, умело использующего «мягкую силу» в своей внешнеполитической деятельности.

Культурная дипломатия Китая

Китай – новый игрок в мировой культурной дипломатии. У Китая в XXI веке появилась своя внешнеполитическая доктрина, которая обозначает приоритетную роль реализации «культурной дипломатии» страны. В ней обозначены основные источники «культурной дипломатии» – богатство национальной

культуры и успех китайской модернизации, а проводником этой политики призвана стать «гармоничная» дипломатия, построенная на идеях многообразия моделей развития, поддержании глобальной стабильности и создании условий для всеобщего процветания», в котором, прежде всего, заинтересованы развивающиеся страны [11].

В качестве основного рычага Пекин используют китайские диаспоры, проживающие за рубежом (хуацяо), роль которых неуклонно возрастает в количественном и экономическом отношении. Уже сегодня они представляют собой серьезную опору для дальнейшего укрепления внешних позиций «Поднебесной» [12].

Первые представления о культурной дипломатии Китая связаны с появлением институтов Конфуция, которые являются одним из важных инструментов для продвижения «мягкой силы» КНР.

В соответствии с уставом этих школ, подготовленных канцелярией при министерстве образования Китая, основной задачей данных образовательных учреждений является способствование дальнейшему укреплению культурного и языкового познания Китая, развитию дружеских отношений между Китаем и другими странами, стимулированию развития мирового культурного многообразия и внесения вклада в построение гармоничного общества. При этом подчеркивается, что Институты Конфуция не носят политический характер, и их мероприятия направлены на укрепление сотрудничества в области образования, культуры, экономики в Китае и за рубежом. В странах Азии в настоящее время действуют около 100 Институтов Конфуция и более 30 курсов китайского языка, на долю стран АСЕАН приходится 29 Институтов Конфуция и 15 языковых курсов [13]. Для многих жителей этих стран знание китайского языка позволяет продвигаться по карьерной лестнице, поскольку он становится главным языком бизнеса и деловых связей в регионе.

В США, Европе и России Китай также открыл отделения Института Конфуция, предполагая таким образом продвигать так называемое «культурное превосходство Китая». Основная миссия Институтов Конфуция – способствовать росту понимания Китая и китайской культуры во всем мире, развивать дружеские отношения КНР с другими странами.

В последнее время экономика Китая стремительно развивается, что способствует увеличению интереса иностранных государств к китайской истории и культуре. Для привлечения большего интереса китайское правительство проводит политику по распространению китайского языка во всем мире. Преподавание китайского языка способствует распространению и самой культуры и традиций Китая.

В начале 2013 года Институтом Конфуция был обнародован «Проект по развитию 2020». Согласно его положениям в течение последующих 10 лет количество желающих говорить на самом массовом языке планеты должно вырасти вдвое. Подобные изменения конъюнктуры будут влиять на авторитет Китая в международном сообществе. Это своеобразная «мягкая сила страны» [14].

Вместе с тем стоит отметить, что в настоящее время Китай позиционирует себя как новый центр «мягкой силы», развитие и индустриализация которо-

го являются частью целенаправленной долгосрочной социально-культурной политики государства. Руководство страны, максимально используя «мягкую силу» на международном уровне, повышает влияние китайской культуры и расширяет присутствие культурной продукции Китая на мировом рынке. Нарращивание «мягкой силы» в потенциале стратегии строительства «могущественного культурного государства» стало одной из ключевых задач в политике КПК, определенных решениями XVIII партийного съезда [15]. Более того, «мягкой силе» отводится важная роль в процессе реализации «мечты о великом возрождении китайской нации».

В перспективе, по мнению автора, правительство КНР придаст новые импульсы своей имиджевой политики, развитию двустороннего и многостороннего формата сотрудничества, продвижения своих национальных интересов в международных институтах и многосторонних форматах взаимодействия – ООН, «Группы двадцати» ШОС и др. Пекин осознает наличие огромного количества внутренних проблем, разрывов и неравномерности в экономическом и социальном развитии страны, преодоление которых требует значительного времени. Вместе с тем руководство Китая осознает, что его нынешний бурный рост не сможет быть постоянным, что есть естественно-исторические «пределы роста». Именно поэтому в настоящее время политика «мягкой силы» Китая становится весьма популярной и активно используется во внешнеполитическом инструментарии страны.

Заключение. По нашему мнению, также стоит рассмотреть термин «культурная политика», который подразумевает наличие тех ценностей и принципов, которыми руководствуется любой социальный организм в вопросах культуры. Культурная политика реализуется как государством в лице органов законодательной и исполнительной власти, так и различными институтами в частном секторе – от корпораций до общественных организаций. Стоит подчеркнуть, что культурная политика является некой системой координат для тех, кто принимает решения или совершает действия, так или иначе оказывающие влияние на культурную жизнь общества и государства.

Подводя итог, стоит еще раз отметить важность культурной дипломатии в современных международных отношениях. Культурная дипломатия связана с использованием культуры в качестве объекта и средства достижения основополагающих целей внешней политики государства, создания благоприятного образа страны, популяризации культуры и языков ее народов.

Опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что степень влияния государства на процесс формирования имиджа страны и развития межкультурного диалога определяется не только историческими традициями и политическим устройством каждой отдельной страны. Усиление этой роли диктуется реалиями международных процессов в современных условиях глобализации и информационной открытости.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Barghoorn F.C. *The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton, 1960. P. 353.
- [2] Востряков Л. Культурная политика: основные концепции и модели / Институт культурной политики. URL: <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html>.
- [3] Nye Joseph Jr. Propaganda Isn't the Way: Soft Power // *The International Tribune*. January 10, 2003. P. 17.
- [4] Clarke D. Theorising the role of cultural products in cultural diplomacy from a Cultural Studies perspective // *International Journal of Cultural Policy*, 2016. Volume 22. Issue 2. P. 147–163.
- [5] Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // *Перспективы. Электронный журнал*. 2016. № 1 (5). С. 68–80.
- [6] Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 2. С. 19–37.
- [7] Каширина Т.В., Федотова К.Е. Культурная дипломатия как средство внешней культурной политики // *Дипломатическая служба*. 2017. № 2. С. 22–27.
- [8] Лебедева О.В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе // *Международная жизнь*. 2016. № 9. С. 76–84.
- [9] Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами // Официальный сайт МИД РФ. 13.02.2004. URL: <http://archive.mid.ru/nsdksu.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/3ab2f674ebfae614c3256e39002d28a6?OpenDocument>.
- [10] Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики». Сайт Президента Российской Федерации / URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>.
- [11] У Байи. Вэньхуа вайцзяо: лиши, сяньши дэ сыкао [Культурная дипломатия: анализ истории и современного состояния]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/102951.html>.
- [12] Чжан Юйцюань. Чжунмэй вэньхуа вайцзяо бицзяо яньцзю [Сравнительное исследование китайско-американской культурной дипломатии]. Издательство «Шишин», 2013. 251 с.
- [13] Официальный сайт Института Конфуция (Ханьбань). URL: <http://www.hanban.edu.cn/>.
- [14] Ганьшина Г.И. История развития политики «мягкой силы» в Китае. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Всеобщая история». 2016. № 3. С. 63–72.
- [15] Вотинцева К.А. Культурная дипломатия Китая // *Гуманитарные научные исследования*. 2014. № 11 (39). С. 112–115.

REFERENCES

- [1] Barghoorn F.C. *The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton, 1960. P. 353.
- [2] Vostryakov L. Kul'turnaya politika: osnovnye kontseptsii i modeli / Institut kul'turnoi politiki. URL: <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html>.
- [3] Nye Joseph Jr. Propaganda Isn't the Way: Soft Power // *The International Tribune*. January 10, 2003. P. 17.

- [4] Clarke D. Theorising the role of cultural products in cultural diplomacy from a Cultural Studies perspective // *International Journal of Cultural Policy*, 2016. Volume 22. Issue 2. P. 147–163.
- [5] Vasilenko E.V. Kul'turnaya diplomatiya kak instrument «myagkoi sily» gosudarstva // *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*. 2016. № 1 (5). S. 68–80.
- [6] Radikov I.V., Leksyutina Ya.V. “Myagkaya sila” kak sovremennyyi atribut velikoi derzhavy // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2012. № 2. S. 19–37.
- [7] Kashirina T.V., Fedotova K.E. Kul'turnaya diplomatiya kak sredstvo vneshnei kul'turnoi politiki // *Diplomaticheskaya sluzhba*. 2017. № 2. S. 22–27.
- [8] Lebedeva O.V. Kul'turnaya diplomatiya kak instrument vneshnei politiki Rossii na sovremennom etape // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2016. № 9. S. 76–84.
- [9] Osnovnye napravleniya raboty MID Rossii po razvitiyu kul'turnykh svyazei Rossii s zarubezhnyimi stranami // *Ofitsial'nyi sait MID RF*. 13.02.2004. URL: <http://archive.mid.ru/nsdksu.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/3ab2f674ebfae614c3256e39002d28a6?OpenDocument>.
- [10] Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808 «Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoi kul'turnoi politiki». *Sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* / URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>.
- [11] Wu Baiyi. Wenhua wajiao: lishi, xianshi de sikao [Kul'turnaya diplomatiya: analiz istorii i sovremennogo sostoyaniya]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/102951.html>.
- [12] Zhang Yuquan. Zhongmei wenhua wajiao bijiao yanjiu [Sravnitel'noe issledovanie kitaisko-amerikanskoi kul'turnoi diplomatii]. Izdatel'stvo «Shishin», 2013. 251 s.
- [13] *Ofitsial'nyi sait Instituta Konfutsiya (Hanban)*. URL: <http://www.hanban.edu.cn/>.
- [14] Gan'shina G.I. Istoriya razvitiya politiki «myagkoi sily» v Kitae. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: «Vseobshchaya istoriya»*. 2016. № 3. S. 63–72.
- [15] Votintseva K.A. Kul'turnaya diplomatiya Kitaya // *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2014. № 11 (39). S. 112–115.

CULTURAL DIPLOMACY IN CURRENT INTERNATIONAL RELATIONS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND CHINA)

Galina I. Tsvyk

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

The article considers the concept of cultural diplomacy and mechanisms of its implementation on the example of Russia and China. Many Russian and foreign researchers emphasize connection between the cultural diplomacy and the public diplomacy. According to them, the cultural diplomacy is a basis of the public diplomacy, which manifests itself in maintaining and developing contacts with other nations and peoples in the fields of culture, science and education. The objective of the public diplomacy is to create a positive image of the country abroad.

The author gives as an example the culture diplomacy of Russia and China, due to both countries successfully promote Russian and Chinese languages, their culture and traditions.

Keywords: cultural diplomacy, Russia, China, “soft power”

Информация об авторе / Information about the author

Цвык Галина Игоревна – аспирант кафедры теории и истории международных отношений, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов. *E-mail:* ganshina_gi@rudn.university.

Galina I. Tsvyk – postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. *E-mail:* ganshina_gi@rudn.university.

Для цитирования / For citations

Цвык Г.И. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 135–144. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-135-144.

Tsvyk G.I. Cultural diplomacy in current international relations (on the example of Russia and China) / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 135–144. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-135-144.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 12.02.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-145-154

ПОНЯТИЕ «МЕЖРАСОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ» В КИТАЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Е.Г. Зуева, А.В. Минеева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются проблемы повседневного взаимодействия китайцев и африканцев, которые часто интерпретируются в историографии и медиа как межрасовые противоречия. Анализируя несколько резонансных конфликтов на бытовой почве, произошедших в период активизации двусторонних отношений Китая и стран Африки (1962–2017 гг.), исторический контекст событий, идеологические установки, авторы делают вывод, что под используемым термином «межрасовые противоречия» чаще всего скрываются сложные социальные проблемы китайского общества (неравенство и социально-имущественная поляризация населения, отсутствие свободы слова, незаконная миграция и др.), зачастую не связанные напрямую с взаимодействием представителей Китая и Африки.

Ключевые слова: Китай, Африка, межрасовые противоречия, конфликты, социальное недовольство, незаконная иммиграция

Введение. Большинство представителей средств массовой информации, общественности и некоторые исследователи трактуют возникающие в процессе повседневного взаимодействия китайцев и африканцев конфликты как противоречия на почве расового неприятия. Однако, анализируя традиционные китайские представления о мироустройстве, а также идеологию коммунистического Китая времен Мао Цзэдуна, можно сделать вывод, что в них нет места понятию именно расовых противоречий. Таким образом, следует разобраться: отражает ли в контексте китайско-африканских отношений термин «расовые противоречия» именно проблему межрасовых контактов. Для этого необходимо изучить описания конфликтов на бытовой почве в период развития активных контактов Китая со странами Африки с 1962 г. по 2017 г., содержащиеся в источниках личного происхождения, китайских социальных медиа, материалах англоязычных СМИ; проанализировать причины и поводы конфликтов, позиции сторон, последствия через призму исторических условий и динамику их развития.

Исследование проблемы. В течение более чем 50-летнего периода взаимоотношений были зафиксированы три волны так называемых межрасовых противоречий между китайцами и африканцами.

Противоречия 1960-х гг.

Первая волна так называемых межрасовых противоречий между китайцами и африканцами поднялась в 1960-е гг., когда китайско-африканское взаимодействие делало свои первые шаги. В связи с потребностями развития двусторонних отношений в КНР стали приезжать первые африканцы: дипломаты, студенты, работники СМИ. По данным китайской статистики, в течение 1961–1962 гг. 42 африканских студента из 75, находившихся в КНР, вернулись на родину до окончания официального срока обучения. В 1963 г. в КНР осталось 29 студентов из Африки [1. Р. 15–16]. Среди последних был Джон Хеви – учащийся медицинского факультета Пекинского университета из Ганы, который в своих воспоминаниях «Африканский студент в Китае» [2] подробно описал причины массового бегства африканцев из Китая. По его сведениям, в 1960–1961 гг. из стран Африки в Китай приехали 116 студентов. Именно от этого количества в марте 1962 г. осталось 75 обучающихся, большинство из которых ожидало разрешения на выезд из страны.

Одной из главных причин массового отъезда Дж. Хеви назвал инцидент, произошедший в Пекине в 1962 г., когда в гостиницу «Мир» пришли два студента из Занзибара и Монголии. Занзибарец хотел купить сигарет в местном магазине, но китайский продавец отказался их ему продать. Между покупателем и продавцом завязался спор, на который обратили внимание охранники гостиницы. Они оттащили африканца в подсобку и стали избивать (обычная практика предписывала просто выставить шумного покупателя из отеля). Позднее в холл спустились постояльцы – супружеская пара из Занзибара (женщина на 7-м месяце беременности). Гнев сотрудников отеля перекинулся на них. Далее известно только, что африканцам понадобилась медицинская помощь. Сведений о том, что произошло с участниками инцидента с китайской стороны, нет. Китай всячески старался не допустить утечки информации о происшествии, но она быстро распространилась среди африканцев, находившихся в Пекине. Они единогласно квалифицировали отношение китайцев к занзибарцам как проявление расизма [2. Р. 162–164].

Автор воспоминаний именно с этим происшествием связывает бегство африканцев из Китая в начале 1960-х гг. Однако в его воспоминаниях мы находим текст коллективной петиции учащихся из Занзибара и Камеруна [3], в которой перечислены различные моменты, вызывающие у студентов из Африки недовольство их пребыванием в КНР и свидетельствующие о том, что противоречия в отношениях встречались и до этого случая.

Во-первых, африканских студентов не устраивал запрет на дружбу африканских и китайских студентов. Наиболее строго ограничивалась дружба афри-

канцев с китаянками. Наказывали за это китайских девушек – их отправляли на «перевоспитание» подальше от города. По официальной версии, запрет был введен в целях предотвращения проституции, но он не коснулся других иностранцев. Африканские студенты были возмущены тем, что только их подозревали в тяге к совершению каких-либо противозаконных, аморальных поступков.

Во-вторых, африканцы считали, что местное население относится к ним презрительно и даже с ненавистью. По мнению студентов из Африки, на них смотрели даже не как на представителей другой расы, а как на животных. В некоторые гостиницы и магазины вход африканцам был запрещен.

В-третьих, африканцев возмущало бездействие контролирующих органов и невнимание местных властей к их жалобам.

Из этого автор дневника делает вывод, что тяжелая моральная обстановка и вероятность новых конфликтов отпугнули учащихся в КНР африканцев от дальнейшего участия в развитии китайско-африканского образовательного сотрудничества.

Но, несмотря на довольно жесткую риторику обвинителя, обратим внимание на предпосылки конфликтности китайской стороны.

По данным того же Дж. Хеви, материальное содержание *иностранного* (не только африканского) студента в течение первого семестра 1960–1961 учебного года составляло 80 юаней (после зимних каникул оно было повышено до 100 юаней), а китайского – всего 10. Также в распоряжении иностранных студентов был отдельный буфет, где продавали настоящие деликатесы (печенье, конфеты, фрукты), алкогольные и безалкогольные напитки, сигареты. Автор воспоминаний жил в одном общежитии со студентами из Непала, Индонезии, Албании, Вьетнама. У каждого там была своя комната. В общежитии для китайцев одну комнату делили между собой восемь студентов либо три-четыре преподавателя [2. Р. 47–48, 113–114]. Следует заметить, что условия жизни китайских и иностранных студентов в КНР отличаются и в настоящее время, но это не вызывает каких-либо внутренних противоречий: образование – это еще и школа жизни. Даже если китайский студент живет в том же городе, где находится его ВУЗ, вне зависимости от социального происхождения, он должен весь период обучения прожить в общежитии в условиях не менее стесненных, чем его предшественники. С питанием же стало лучше: на территории кампусов выстроены крупные столовые корпуса, доступные как китайцам, там и иностранцам.

Противоречия 1980-х гг.

Вторая волна межрасовых противоречий пришлась на конец 80-х гг. XX в. Бэкграундом очередного всплеска социальной неприязни к африканцам стало общее повышение протестной активности китайцев. В Пекине вне корреляции с противоречиями между китайцами и африканцами это привело к событиям на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

Что касается межрасовых противоречий, то ситуация стала набирать обороты в 1979 г. в Шанхайском текстильном институте, развивалась в 1986 г. в Тяньцзиньском университете и апогея достигла в 1988–1989 гг., выразившись в общегородских волнениях в Нанкине. Поводы во всех трех случаях были аналогичными: в двух из них африканские студенты слушали музыку громче, чем было положено, в последнем – нарушили правила проведения праздников, пригласив на рождественскую вечеринку трех китайок (правда, у последних были паспорта гражданок Гонконга).

Развитие конфликта происходило по схожим сценариям: драки (в некоторых случаях с большим количеством пострадавших с обеих сторон, например, в Шанхае были госпитализированы 24 китайских и 50 студентов-иностранцев), взаимные обвинения в непристойном поведении.

Китайцы разными способами обращали внимание на расовые различия (называли африканских студентов «черными чертями», одного облили черной тушью, потому что цвет его кожи показался им «недостаточно черным») и пренебрежение африканцами регламентом учебных заведений. От конфликта во всех случаях африканцы бежали на вокзалы: они надеялись уехать в Пекин и найти там защиту и покровительство своих посольств. В двух первых случаях китайская сторона реагировала на происшествие усилением пропаганды интернационализма в студенческой среде и настаивала на том, что корни противоречий крылись в культурных различиях. Только в Нанкине власти выступили за усиление контроля за жизнью африканских студентов и потребовали от них строго соблюдать университетский регламент [4. Р. 73–74].

В период китайских протестов в Нанкине один из деканов университета с 30-летним стажем работы возмутился, почему стипендия африканских студентов на «мелкие расходы» больше его заработной платы [4. Р. 74]. Это был первый случай в китайско-африканских отношениях, когда представитель китайской стороны официально признал, что среди причин его недовольства присутствует недовольство социальным неравенством. Учитывая единообразие условий, в которых происходило взаимодействие китайцев и африканцев, можно предположить, что в 60-е гг. негатив в отношении студентов из Африки тоже диктовался разницей в социальном обеспечении.

Американский исследователь Георг Крейн обратил внимание на то, что помимо конфликта со студентами из Африки в Нанкине высокая протестная активность местных студентов проявлялась и по другим поводам. Особенно ярким в этом контексте стал 1989 год. Весной в городе прошли манифестации в память о Ху Яобане (1915–1989), тогда же начались демонстрации в поддержку выступления пекинской молодежи на площади Тяньаньмэнь, которые завершились только в начале июня 1989 г. Эти факты позволили Г. Крейну предположить, что произошедший ранее конфликт китайских студентов с африканскими не являлся следствием антропологических различий. Китайцы выразили общую неудовлетворенность степенью защиты их прав и свобод и, как следствие, – социальным неравенством с иностранцами. Критика дей-

ствующей правовой системы была доступна им через демонстрацию фактов нестрогого соблюдения университетского регламента иностранцами, тогда как для китайцев он был обязательным [5. Р. 404–405, 409].

Противоречия 2000-х гг.

Третья волна противоречий между китайцами и африканцами на бытовом уровне пришлось на первые 17 лет XXI в. В этот период интенсификация всех направлений китайско-африканского сотрудничества, превалирование торгово-экономических интересов привели к активным двусторонним миграциям. Меньшая часть африканцев поехала в Китай в поиске перспектив своего личного развития – получить образование, повысить квалификацию. Большинство же выступает в роли торговых посредников: они ищут производителей и поставщиков всевозможных товаров широкого потребления для покупателей в своих странах. Китайцы стали массово приезжать на африканский континент вследствие роста там экономического присутствия КНР. Некоторые едут централизованно как сотрудники корпораций (менеджеры, рядовые сотрудники), другие – в поиске насущного заработка (чернорабочие, торговцы, работники сферы услуг).

Конфликты 2000-х гг. разворачиваются уже на другом фоне. Повседневное общение китайцев и африканцев в некоторых регионах КНР и странах Африки стало неременным атрибутом текущей жизни.

В связи с активизацией контактов чаще стало проявляться и взаимное недовольство. Расширились социальные и географические границы возможных противоречий. Во-первых, несмотря на то, что работа по воспитанию духа интернационализма среди китайских студентов принесла свои плоды, теперь взаимодействие происходит на уровне разнообразных профессиональных общностей (рабочие, сотрудники сферы услуг), представители которых не всегда готовы к поиску конструктивных решений спорных вопросов. Во-вторых, взаимодействие происходит не только в КНР, но и на африканском континенте.

В китайском Гуанчжоу – городе, где многие говорят о наличии африканской диаспоры в Китае, массовые протесты среди иммигрантов с континента в 2009 и 2012 гг. были вызваны гибелью африканцев. Следует заметить, что в предшествующие периоды протесты обычно выражало местное население, а африканцы искали защиты у диппредставительств и мирового сообщества.

Погибший африканец в 2009 г. разбился насмерть, выпрыгнув из здания с 18-метровой высоты, скрываясь от проверки документов, так как находился на территории КНР нелегально. Китайская сторона осталась непреклонна, несмотря на протесты более сотни представителей африканской диаспоры, пояснив, что несчастный случай не может стать помехой для продолжения борьбы с незаконной иммиграцией [6].

В 2012 г. 28-летний африканец нигерийского происхождения скоропостижно скончался в полицейском участке, куда его отправили после задержания из-за

спора с местным водителем об оплате проезда. Представители африканской диаспоры снова вышли на улицы Гуанчжоу с протестами.

В данном случае активную роль в недопущении разрастания конфликта сыграло посольство Нигерии в КНР. Оно сразу же направило своих сотрудников в Гуанчжоу, чтобы на месте пообщаться с представителями китайской стороны, а также успокоить участников манифестаций. Также нигерийская сторона потребовала допустить своих специалистов к участию в судебно-медицинской экспертизе [7, 8, 9].

Китайский поисковый сайт Baidu не дает ссылок на первоисточник новости: текст публиковался на новостных порталах, в социальных сетях. При поиске информации через Google появляются ссылки на сайты китайских версий зарубежных СМИ, в том числе «Бибиси». Авторы материалов единогласно ссылаются на американское новостное агентство Блумберг.

Таким образом, о реакции официального Пекина на происшедшее судить сложно, однако социальные сети сохранили реакцию рядовых китайцев. В комментариях к этой новости никто из китайцев не пожалел о смерти нигерийца, в них приведены примеры множества случаев нарушения закона мигрантами из Африки. Граждане КНР обвинили свое правительство в бездействии при решении проблемы незаконной миграции. Авторы комментариев согласны с тем, что скоропостижная смерть африканца в полицейском участке требует расследования, но для них данный случай является дополнительным подтверждением того, что проблема африканцев в Китае становится все более значимой и заслуживает внимания властей.

В отличие от предыдущих периодов, когда информация о пребывании в Африке китайцев была доступна только из китайских же официальных СМИ, повествовавших об исключительно положительном опыте общения, источники начала XXI в. сохранили материалы о спорных ситуациях, произошедших между китайцами и африканцами уже на африканском континенте. В частности, в Найроби (Кения) в 2015 г. один из китайских ресторанов запретил вход в заведение африканцам в темное время суток [10]. Местные сразу же обвинили в расизме владельцев ресторана и все китайское сообщество в этой стране. Сами владельцы ресторана пояснили, что они просто боятся разбоя и грабежей. Большинство китайской аудитории в социальных медиа сожалело о том, что в объявлении об ограничениях хозяин заведения не указал причину этого решения. Китайская общественность призвала соотечественников за рубежом сплотиться для защиты общих интересов, в том числе коммерческих, а не искать виноватых среди местного населения (бизнес за границей нужно вести по правилам страны пребывания, а не навязывать там свои нововведения) [11].

К сожалению, часто взаимная терпимость в межнациональных отношениях формируется очень медленно. Особенно между народами, чьи представители совсем недавно по историческим меркам оказались в состоянии активного и во многом вынужденного взаимодействия (наш обзор охватил период продолжительностью чуть более 50 лет). Главная роль в этом процессе должна принадлежать государству. Когда КНР только устанавливал отношения со

странами Африки, власти страны отвергали саму возможность существования межрасовых конфликтов во взаимодействии китайцев и африканцев. В своем выступлении на одном из приемов для африканской стороны в 1963 г. Мао Цзэдун четко сформулировал позицию: «Проявления расовой дискриминации имеют место в Африке, Азии и во всех частях земного шара. Фактически же это классовая проблема. Наше единство не является единством, основанным на расовой принадлежности, а представляет собой союз единомышленников, союз друзей...» [12. С. 69–70].

Данная концепция развивала одно из традиционных представлений в рамках китайского мировосприятия о «великом единении» (*«да тун»*). Его идеал – это «великое единение» в рамках всего человечества. Мао Цзэдун и его соратники выросли в эпоху, когда «быть китайцем» означало не только национальную и расовую принадлежность, но и причастность к определенной культурной традиции. С момента же основания КНР ее границы и качественные характеристики подразумевали одно – нужно было быть «красным», и это не зависело от расовой и этнической принадлежности человека. Однако существующие противоречия нельзя было нивелировать одной многообещающей фразой, тем более когда геополитическая обстановка в мире регулярно менялась.

Китай и Африка пытаются найти решение возникающих в повседневном общении китайцев и африканцев проблем через укрепление культурного сотрудничества сторон, потому что оно способствует взаимному узнаванию и принятию двух различных традиций. С приходом в китайско-африканские отношения в начале XXI в. своеобразного регулятора в виде механизма Форума китайско-африканского сотрудничества в план укрепления двусторонних отношений и углубления взаимопонимания между народами вошло проведение фестивалей культуры. В принятом по итогам четвертой конференции министров стран Форума в 2009 г. «Шарм-эль-Шейхском плане действий» было закреплено проведение праздников африканской культуры с периодичностью раз в два года на территории КНР: «В целях продолжения китайско-африканского культурного взаимодействия и сотрудничества стороны решили... создать бренд “Культура в фокусе” (вэньхуа цзюй цзяо). По четным годам проводить фестиваль “Культура Африки в фокусе” в Китае, по нечетным – “Культура Китая в фокусе” – в Африке» [13]. В Китае открыты две выставочные площадки: Музей Африки в Институте изучения Африки Чжэцзянского педагогического университета и Музей скульптуры народности маконде в Чанчуне. Научные центры страны ведут активную популяризацию знаний об Африке, ее населении, их традициях и культуре. Однако по ироничной случайности в Китае даже благие намерения иногда приобретают причудливые формы. В «Огоньке» Центрального телевидения Китая, посвященном празднованию китайского нового года в 2018 г., были интересные герои (положительные в представлении китайской стороны): китайка, загримированная под тучную африканскую женщину в пестром костюме (которая по сюжету хотела отдать свою дочь замуж вопреки ее воле, но как только узнала, что

дочка хочет учиться именно в Китае, перестала ее неволить и отпустила) и африканец в костюме обезьяны [14]. Последний пример показывает, насколько сложным является взаимодействие культур, когда у каждой из них есть свой образный ряд положительных и отрицательных персонажей и ролей (иногда прямо противоположных по значению), и когда другая сторона не проявляет должной тактичности в вопросах выражения своего представления о культуре визави по простому незнанию. Поэтому то, что может выглядеть как проявление расизма в глазах африканца, китаец не воспринимает как таковое.

Заключение. Повседневное взаимодействие китайцев и африканцев регулярно приводило к проблемам взаимопонимания. Изучение их поводов и причин показало, что объяснение спорных ситуаций так называемыми межрасовыми противоречиями служит занавесом, скрывающим широкий комплекс проблем двусторонних отношений и внутренней ситуации в этих странах. Представление китайцев о мировом всеединстве «*да тун*», идеологической и культурной общности народов Китая и его союзников отвергает саму идею расовых противоречий. Поводом большинства спорных ситуаций становились отклонения от норм в поведении африканцев и китайцев (нарушения регламентов, установленного распорядка проживания или работы). Причины конфликтов свидетельствуют о том, что в их основе лежат недостаточные знания друг о друге, непонимание представлений и мотивации поступков другой стороны, социальные противоречия, в том числе социально-имущественное неравенство и незаконная миграция. Внимание к расовым различиям в спорных ситуациях привлекалось китайцами в контексте обвинений африканцев в нарушении общественных и правовых норм и являлось вторичным.

© Зуева Е.Г., Минеева А.В., 2018

REFERENCES

- [1] The China-Africa Educational cooperation and exchange / He Ruitian. Beijing, 2005. [In Chinese].
- [2] Hevi E.J. An African Student in China. Lnd – Dunwow, 1963.
- [3] Zanzibar Students' Standpoint [2, P. 214–216]; Resolution of the Camerounian Students' [2, P. 217–220].
- [4] Liu Ph.Hs. A Brotherhood with the Blacks? Reviewing the Beijing African Students' Hunger Strike of 1962 // Mainland Chinese Studies. Vol. 54 No. 2. [In Chinese].
- [5] Crane G. T. Collective Identity, Symbolic Mobilization, and Student Protest in Nanjing, China, 1988–1989 // Comparative Politics. 1994. Vol. 26. No. 4. URL: <http://courses.arch.vt.edu/courses/wdunaway/gia5274/crane.pdf> (Date: 28.04.2013).
- [6] An African Died after Jumped out Escaping Migration Raid – More than One Hundred Africans Protest in Guangzhou // Nanfang Ribao. 15.07.2009. URL: <http://news.sohu.com/20090715/n265240007.shtml> (Date: 27.03.2018). [In Chinese].

- [7] Nigeria Insist on Investigation of the Nigerian's Death in Guangzhou // BBC. 20.06.2012. URL: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese_news/2012/06/120620_nigeria_china_guangzhou (Date: 27.03.2018). [In Chinese].
- [8] Nigeria Hopes its Experts to Take Part in the Investigation of the Nigerian's Death in China // Huanqiu Shibao. 21.06.2012. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2012-06/2840216.html> (Date: 27.03.2018). [In Chinese].
- [9] Nigeria Demands to Investigate a Nigerian's Death in China and Hopes to Take Part in Forensic Medicine. URL: <http://news.sohu.com/20120621/n346175143.shtml> (Date: 27.03.2018). [In Chinese].
- [10] Chinese Restaurant Bans Black People. The case of Racism has Provoked Indignation in Society. URL: <https://m.sohu.com/n/410267717/> (Date: 29.03.2018). [In Chinese].
- [11] Chinese Online Reactions to #RACISTRESTAURANT IN NAIROBI. URL: <http://www.chinaafricaproject.com/nairobi-racist-restaurant-chinese-reaction-online-huang-hongxiang/> (Date: 23.01.2018).
- [12] Mao Zedong. The speech during the meeting with friends from Africa. Выступление на приеме друзей из Африки. 08.08.1963 / Mao Zedong speeches, haven't been published in Chinese periodical. Vol. 4. Moscow, 1976. [In Russian].
- [13] Forum on China-Africa cooperation Sharm El Sheikh Action Plan. Point 6.1.2. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/zft/chn/xnyfgk/t627086.htm> (Date: 17.02.2018). [In Chinese].
- [14] Perlaz J. With Blackface and Monkey Suit, Chinese Gala on Africa Causes Uproar // The New York Times. 16.02.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/16/world/asia/china-africa-blackface-lunar-new-year.html> (Date: 12.02.2018).
- [15] Foreign Governments Urge to Investigate the African's death in Guanzhou. URL: <http://bbs.tianya.cn/m/post-329-423980-1.shtml> (Date: 27.03.2018). [In Chinese].

THE CONCEPT OF “INTERRACIAL CONTRADICTION” IN CHINA-AFRICA RELATIONS: INTERPRETATION AND REALITY

E.G. Zueva, A.V. Mineeva

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The article deals with the problems of everyday interaction between the Chinese and the Africans, interpreted in historiography and media as interracial contradictions. The article analyzes several headline making conflicts in everyday life provoked by the intensification of China and Africa bilateral relations (1962–2017), the historical context of the cases and ideological attitudes. Based on that data the conclusion is made, that the concept of “interracial contradictions” covers up the whole complex of social problems of Chinese society (social and wealth inequality and polarization of the population, lack of freedom of speech, illegal immigration, etc.), which often not directly related to the interaction between the Chinese and the Africans.

Keywords: China, Africa, interracial contradiction, conflicts, social discontent, illegal immigration

Информация об авторах / Information about the authors

Зуева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail*: zueva_eg@rudn.university

Минеева Анна Владимировна – аспирантка кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail*: mineeva.anna@mail.ru

Elena G. Zueva – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. *E-mail*: zueva_eg@rudn.university

Anna V. Mineeva – postgraduate student of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. *E-mail*: mineeva.anna@mail.ru

Для цитирования / For citations

Зуева Е.Г., Минеева А.В. Понятие «межрасовых противоречий» в китайско-африканских отношениях: интерпретация и реальность / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 145–154. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-145-154.

Zueva E.G., Mineeva A.V. The Concept of “Interracial Contradiction” in China-Africa Relations: Interpretation and Reality / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 145–154. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-145-154.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 04.02.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-155-167

УКРАИНА И МОЛДАВИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КНР

Ван Люин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Стремительное вхождение Китайской Народной Республики в число самых влиятельных акторов мировой политической арены привлекает пристальное внимание и вызывает заинтересованность многих политических деятелей, исследователей, ученых и широкой общественности. В настоящее время КНР является быстро развивающимся государством, стабильно демонстрирующим в течение последних десятилетий высокие темпы роста своего экономического потенциала, что, безусловно, открывает широкие возможности для развития потенциала политического. Успехи Китая в области международных отношений во многом являются следствием его активной региональной политики.

После распада Союза Советских Социалистических Республик 26 декабря 1991 г. КНР была одной из первых, кто признал независимость 15 новых государств, в 1991–1992 гг. она установила с каждым из них дипломатические отношения. В настоящее время КНР осуществляет многовекторную политику в отношении всех стран-участниц СНГ, в частности в отношении Украины и Республики Молдова.

В данной статье автор рассматривает роль Украины и Молдовы в региональной политике КНР. По итогам анализа делается вывод о том, что КНР придает Украине и Молдове важное значение с точки зрения экономики и геополитики.

Ключевые слова: КНР, Украина, Молдова, стратегическое партнерство, многовекторная политика, региональная политика, Экономический пояс Шелкового пути

КНР и Украина

Украина является самым густонаселенным и вторым по величине территории государством на стратегической периферии России. Геополитическое положение и экономическая структура Киева делают его особенно привлекательной целью для интересов Пекина [1].

4 января 1992 г. между КНР и Украиной были установлены дипломатические отношения и было подписано соответствующее Коммюнике [2].

Значимыми документами для становления нормативно-правовой базы отношений являются Общее коммюнике об установлении дипломатических

отношений между Украиной и КНР [2], Совместные украинско-китайские коммюнике (1992 и 1995 гг.), Совместная (киевская) декларация между Украиной и КНР (1994 г.), Совместная (пекинская) декларация о развитии и углублении отношений дружбы и сотрудничества (1995 г.), Совместная (киевская) декларация об укреплении дружбы и всестороннего сотрудничества в XXI в. (2001 г.), Совместная (пекинская) декларация Украины и КНР (2002 г.), Совместная (киевская) декларация об установлении и развитии отношений стратегического партнерства (2011 г.) [3].

Китайско-украинские политические отношения характеризуются доверием и взаимопониманием, сходством взглядов на ведение внешней политики, единством и общностью подходов к урегулированию современных международных проблем. Регулярно совершающиеся обмены межгосударственными визитами на высоком и высшем уровнях позволяют судить о развитии двусторонних связей. Так, например, украинский Президент Л. Кучма наносил государственные и официальные визиты в Китай в 1995, 2002 и 2003 гг. Председатель КНР Цзян Цзэминь посещал Украину с визитами в 1994 и 2001 гг. В августе 2008 г. вице-премьер-министр Украины И. Васюник прибыл с рабочим визитом в КНР для участия в официальных мероприятиях по случаю открытия XXIX летних Олимпийских игр. В июле 2009 г. в Украину был оказан официальный визит заместителем председателя ВК НПКСК Ван Ганом, в сентябре 2009 г. вице-премьер-министр Украины Г. Немыря приехал в КНР, чтобы принять участие в деятельности саммита «Летний Давос».

Устойчивый характер приобрели и отношения между правительствами двух государств, высшими законодательными органами, министерствами, общественными организациями и ведомствами. В январе 2002 г. в Шанхае открыло свои двери Генеральное консульство Украины, с 2003 г. успешно осуществляет свою деятельность представительство торгово-экономической миссии Украины в составе Посольства в специальном административном районе КНР Сянган (Гонконг). С 2006 г. в Одессе осуществляет свою работу Генеральное консульство КНР.

Дружеские отношения между КНР и Украиной носят характер конструктивного партнерства. Для обоих государств важно вместе сотрудничать в рамках международных организаций, прежде всего на полях ООН. Существует ряд вопросов, относительно которых стороны придерживаются одних и тех же взглядов, это: реформа системы ООН, противодействие гегемонизму и политике силы в международных отношениях, ядерное разоружение, борьба с терроризмом, международной преступностью и т.д.

Стоит отметить, что правительство Украины поддерживает позицию КНР по вопросам Тайваня, Тибета и другим проблемам [4]. Оно также разделяет ее приверженность принципу «одного Китая», что подтвердил в 2012 г. премьер-министр Украины Н.Я. Азаров: «Мы стоим принципиально на позиции одного Китая. И Украина имеет дело только с одним правительством – это правительство КНР» [5]. Кроме того, Украина неоднократно выражала соболезно-

вания Китаю в связи с землетрясениями в уезде Юйшу пров. Цинхай, взрывом шахты в пров. Хэнань, авиакатастрофой в г. Ичуне пров. Хэйлунцзян.

В 2010 г. с избранием на пост Президента Украины В. Януковича заметно активизировались всесторонние отношения дружбы и сотрудничества двух стран. Первая встреча В. Януковича с председателем КНР Ху Цзиньтао состоялась в рамках саммита по проблеме ядерной безопасности в Вашингтоне 12 апреля 2010 г., когда главы двух государств обсудили вопрос развития межгосударственных связей.

Со 2 по 5 сентября 2010 г. В. Янукович оказал государственный визит в КНР, в ходе которого провел переговоры с Председателем КНР Ху Цзиньтао. Китайский лидер отметил, что КНР придает большое значение отношениям с Украиной и готова прилагать совместные усилия для активизации политического диалога и консультаций. Он призвал обе страны расширять масштабы двустороннего торгово-экономического сотрудничества и поставил цель вывести двусторонний товарооборот на уровень 10 млрд долл. к 2012 г.

В. Янукович полностью согласился с заявлениями Ху Цзиньтао относительно дальнейшего развития двусторонних отношений. Он также отметил, что стороны должны прилагать совместные усилия к углублению политического диалога, укреплению стратегического сотрудничества, учащению обменов визитами на высоком уровне, а также расширению сотрудничества в различных сферах. По окончании переговоров главы двух государств подписали Совместное заявление между Китайской Народной Республикой и Украиной относительно всестороннего повышения уровня китайско-украинских отношений дружбы и сотрудничества [6]. В некоторых газетах, контролируемых правительством Украины, этот визит был назван «эпохальным, историческим и экстраординарным» [7].

С 18 по 20 июня 2011 г. Ху Цзиньтао пребывал в Украине с государственным визитом. 20 июня 2011 г. руководители двух государств подписали Совместную декларацию об установлении и развитии отношений стратегического партнерства [8]. В декларации стороны подтвердили следующие договоренности:

- придерживаться всех подписанных двусторонних соглашений на основании принципов взаимного неприменения силы или угрозы силой, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимной выгоды, равенства, мирного сосуществования;

- уважать путь политического, социального, экономического, и культурного развития, выбранный каждой из сторон;

- приложить все необходимые усилия по обеспечению стабильного развития межгосударственных связей;

- поддерживать друг друга в вопросах, затрагивающих государственный суверенитет и территориальную целостность;

- сотрудничать в борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом распространением оружия массового уничтожения, организованной преступностью, наркобизнесом, торговлей людьми и другими преступлениями;

- не допускать и не поддерживать создание или деятельность на своей территории экстремистских организаций, которые представляют угрозу для суверенитета, безопасности и территориальной целостности другой стороны;
- взаимодействовать в торгово-экономической, научно-технической, инвестиционной, сельскохозяйственной и других сферах, в области строительства инфраструктуры;
- Украина твердо поддерживает позицию Китая по вопросу Тайваня и придерживается принципа «одного Китая», выступает за мирное развитие отношений между двумя берегами Тайваньского пролива и мирное объединение Китая;
- Китай подтвердил, что уважает суверенитет, территориальную целостность и независимость Украины.

После избрания Си Цзиньпина 15 ноября 2012 г. на пост генерального секретаря ЦК КПК В. Янукович поздравил нового лидера КНР с избранием на должность, а также выразил надежду на дальнейшее развитие двусторонних отношений стратегического партнерства, расширение гуманитарных контактов между народами двух государств, выполнение существующих договоренностей [9].

Заместитель министра иностранных дел Украины В. Майко заявил, что новый характер отношений с КНР дает Украине возможность приобщиться к политико-экономической жизни АТР в целом, в этой связи особый интерес для Украины представляет Шанхайская организация сотрудничества, которая играет немаловажную роль в решении вопросов международной политики, экономики, безопасности. Майко заявил: «Сейчас мы работаем над перспективой получения Украиной в ШОС официального статуса наблюдателя или партнера по диалогу» [10].

«Развитие стратегических отношений с Китайской Народной Республикой – одно из приоритетных направлений внешней политики украинского государства», – такое заявление сделал Президент Украины В. Янукович во время встречи с заместителем главы постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР Чэнь Чжили 7 сентября 2012 г. [11]. Стоит отметить, что до этой встречи 28 июня 2012 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве в области поддержки приоритетных проектов агропромышленного комплекса Украины во время официального визита украинского министра аграрной политики и продовольствия Н.В. Присяжнюка в КНР, планировалось использовать кредитные средства в размере 3 млрд долл. [12].

5 декабря 2013 г. в Пекине глава КНР Си Цзиньпин и Президент Украины В. Янукович подписали Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя государствами, который отобразил основные принципы развития двусторонних отношений стратегического партнерства и сотрудничества. Главы государств также подписали совместную декларацию КНР и Украины о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства, где были отражены достигнутые договоренности по вопросам сотрудничества, развития отношений

стратегического партнерства, активизации межгосударственного диалога на высшем уровне, подтверждения позиций двух держав касательно актуальных вопросов международной жизни [13].

Очень большое значение имеет достигнутая в 2013 г. договоренность двух государств о совместных действиях в рамках реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) от Китая до Европы через Центральную Азию, Украину и страны Закавказья. Украина, нацеленная на евроинтеграцию, безусловно, заинтересована в данном проекте [14]. Этому проекту Китай придает очень большое значение, так как он позволит сделать его торговую политику более эффективной, получить доступ к новым ресурсам, увеличить экспорт [15]. Проект является частью глобальной стратегии КНР. Китай также заявил, что формула «Один пояс, один путь» обеспечивает направление для сотрудничества и что любая нация, которая хочет участвовать в проекте ЭПШП, может сделать это без каких-либо ограничений [16].

Немаловажное значение играют и экономические отношения между двумя государствами. Здесь важно сказать, что Китай является одним из важнейших торговых партнеров Украины. В 2013 г. импорт товаров из Китая составил 10,26% всего украинского импорта, а экспорт в Китай составил 4,31% [17].

С возникновением кризиса на Украине Китай, один из влиятельнейших игроков на мировой арене, не мог остаться в стороне. Государственный переворот, который произошел 22 февраля 2014 г. в Киеве, заставил лидеров КНР серьезно задуматься о том, как действовать дальше и как реагировать на произошедшее. Осложнились перспективы КНР на рынках Украины, так как юго-восточные регионы, в которые предполагалось вкладывать инвестиции, либо были эпицентром ведения боевых действий (Донецкая, Луганская, Харьковская области), «либо попали под контроль назначенных Киевом олигархических князьков (Днепропетровская и Одесская области)» [14], также затормозилось и сотрудничество между Пекином и Киевом [18].

16 марта 2014 г. по результатам референдума, состоявшегося в Крыму, полуостров вновь вошел в состав России. Во время голосования в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции о признании нелегитимности референдума, прошедшего в Крыму 15 марта 2014 г., КНР воздержалась от голосования [19], а ее представитель заявил, «что в ходе событий в Киеве имело место иностранное вмешательство». Он также предположил, что к усугублению обстановки привели действия экстремистов. По словам китайского посла, при поиске путей выхода из кризиса необходимо опираться на верховенство права и добиваться обеспечения прав и интересов всех общин государства. Так, Китай отразил свою взвешенную позицию в отношении украинского кризиса. Кроме того, это стало показателем того, что Пекин продолжает поддерживать стабильные отношения с Москвой. В целом Китай попытался свести к минимуму свою роль в кризисе, последовательно призывая к диалогу и мирному урегулированию [20].

О нынешнем состоянии двусторонних отношений следует сказать, что предпосылки для укрепления двусторонних связей, безусловно, есть. Об этом позволяет судить встреча председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Украины П. Порошенко на полях Всемирного экономического форума в швейцарском Давосе. До этого лидеры двух государств встретились лишь один раз без каких-либо договоренностей – это произошло случайно, когда они столкнулись в кулуарах Саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне в апреле 2016 г. и кратко побеседовали. Встреча глав двух государств в Давосе позволяет судить об оживлении политического диалога на высшем уровне между КНР и Украиной, темпы которого явно замедлились после смены власти в Украине в 2014 г.

Подводя итоги, важно отметить следующее: хотя Украина и не является одним из ведущих торгово-экономических партнеров КНР, Пекин придает ей важное значение с точки зрения экономики, стратегии и геополитики [21]. Это нашло отражение в выдвинутой им формуле: «Россия – ось СНГ, Казахстан и Украина – две его опоры». Эта формула дает представление о «многополярном» устройстве СНГ, в системе которого Россия играет роль скрепляющей силы, но при этом не обладает абсолютной монополией на лидерство в регионе [18].

Развитие отношений с Украиной перспективно для Пекина, так как эта страна обладает современными технологиями, особенно в аэрокосмической и военной областях, также она интересна с точки зрения вложения в нее китайских инвестиций. Более того, Украина занимает важное геополитическое положение на Евразийском континенте, это означает, что развитие ситуации в этой стране будет влиять на стратегические интересы многих государств.

КНР и Республика Молдова

КНР была одним из первых государств, признавших независимую Республику Молдову, 30 января 1992 г. между странами были установлены дипломатические отношения.

С 2001 г., когда к власти пришел В. Воронин и Партия коммунистов Республики Молдова, связи между двумя государствами стали развиваться более динамично. Идеологическое сходство правящих коммунистических режимов двух стран создало благоприятные условия для расширения сотрудничества. С 2001 по 2009 гг. КНР и Молдова подписали 53 соглашения в области торговли, экономики, инвестиций, культуры, образования, туризма и медицины [3].

КНР и Молдова солидарны в вопросах, затрагивающих коренные интересы обеих сторон. Они проводят взаимные консультации и поддерживают тесные контакты в рамках ООН и других международных организаций. Республика Молдова поддерживает Китай по вопросам Тибета, Синьцзяна и Тайваня. А Китай, со своей стороны, с уважением относится к проводимому Молдовой

пути развития исходя из внутренней ситуации в стране и одобряет ее попытки по урегулированию приднестровского конфликта.

13 сентября 2010 г. премьер-министр Молдовы В. Филат встретился с премьером Госсовета Вэнь Цзябао на полях форума «Летний Давос» в Тяньцзине. В ходе встречи китайский премьер отметил, что после установления дипломатических отношений двусторонние связи между Китаем и Молдовой характеризуются взаимодоверием, стабильностью и целенаправленностью. В. Филат, в свою очередь, поблагодарил Китай за поддержку независимости и территориальной целостности Молдовы, а также заявил о намерении поднимать двусторонние отношения на новый, более высокий уровень [22].

В рамках сотрудничества между КНР и Молдовой крупные китайские государственные и частные компании обозначили ряд амбициозных проектов, в частности в сфере телекоммуникаций и информационных технологий. В сентябре 2010 г. было объявлено, что китайская компания Huawei Technologies Co. Ltd планирует создать в Республике Молдова сеть электронного правления. Директор по глобальным продажам и маркетингу компании Сю Вэньвэй в ходе встречи с премьер-министром Молдовы В. Филатом сообщил, что данный проект намечено запустить в октябре 2010 г. Он также отметил, что компания Huawei внедрила электронное правление во многих странах, в том числе в Китае, что она имеет опыт в создании центров электронного правления и способна осуществлять поставки оборудования в эту отрасль. В Молдове компания работает с 2005 г. Ее дочерняя компания Huawei Moldova является основным партнером национального оператора стационарной связи Moldtelecom и оператора мобильной связи Orange, она также выступала как лидер в процессе внедрения в республике 3G [23].

Что касается китайского частного бизнеса, то в Молдавии его интересуют проекты в сфере торговли, инфраструктуры и развлечений. Так, в 2006 г. китайская Shan Lian International Group начала реализацию крупного инвестиционного проекта по строительству первого в молдавской столице современного торгово-развлекательного комплекса европейского уровня «Megalopolis mall», который был сдан в эксплуатацию в 2008 г. В строительство компания инвестировала 20 млн евро.

В сентябре 2011 г. делегация молдавской компартии во главе с исполнительным секретарем ЦК Ю. Мунтяном прибыла в Китай с официальным визитом по приглашению китайской стороны. Главным результатом стала договоренность о подписании Соглашения о сотрудничестве между Партией коммунистов Республики Молдова и Коммунистической партией Китая, целью которого является реализация инвестиционных проектов в социальной и экономической сферах Республики Молдова.

В декабре 2014 г. состоялось 7-е заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству в Пекине. Во главе делегации Республики Молдова был заместитель экономики О. Калмык. В ходе указанного мероприятия между правительствами КНР и Республики Молдова

был подписан ряд документов, среди них: Протокол VII заседания Китайско-молдавской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, Протокол об укреплении сотрудничества в рамках хозяйственного оборота Великого Шелкового пути и Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве на 2015 г. На заседании Комиссии были рассмотрены вопросы совместного создания Экономического пояса Шелкового пути, увеличения объема экспорта из Молдовы в КНР вин и сельскохозяйственной продукции, углубления китайско-молдавского партнерства в технико-экономической, сельскохозяйственной и инвестиционной сферах, диверсификации рынка сбыта, поощрения китайских компаний к участию в проектах, связанных с инфраструктурой, строительством железных дорог и т.д. [24].

Важно отметить, что между государствами укрепляется культурное и гуманитарное взаимодействие. На территории Республики Молдова успешно осуществляет свою деятельность Институт Конфуция, который был организован Свободным международным университетом Молдовы и Северо-Западным педагогическим университетом КНР.

1–2 декабря 2016 г. прошел Бизнес-форум в рамках 8-го заседания китайско-молдавской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. В данном форуме приняли участие 16 китайских компаний и около 40 компаний из Молдовы. В ходе мероприятия стороны форума заявили, что намерены расширить торгово-экономическое сотрудничество и запустить новые проекты совместной деятельности [4].

Таким образом, по сравнению с Украиной отношения Молдовы с Китаем характеризуются значительно более низкой динамикой встреч на политическом уровне [25]. Тем не менее, КНР весьма активно расширяет свое присутствие в Республике Молдова. Пекин сочетает методы политического сотрудничества с прямым кредитованием и инвестированием, продвижением разных китайских товаров на рынок страны. Безусловно, Молдова все более и более интересуется Китаем с точки зрения диверсификации экспорта и инвестиционных возможностей.

В целом поддержание отношений с Украиной и Молдовой дает КНР множество преимуществ. Во-первых, эти страны обладают военными технологиями и оборудованием, а это, в свою очередь, способствует обновлению вооружений Китая и повышению технологического уровня его военной промышленности, а также помогает преодолеть эмбарго на поставки оружия, наложенное европейскими странами и США. Во-вторых, Китай и страны СНГ проводят военные учения, направленные на повышение боеспособности армий, на содействие укреплению доверия между странами [26].

Заключение. Подводя итоги исследования, следует отметить, что прошло уже 25 лет с момента установления официальных дипломатических отношений между КНР и Украиной, КНР и Молдовой. За это время увеличился торговый оборот между Китаем и этими двумя странами китайский экспорт товаров значительно опередил импорт. С каждым из этих государств Пекин выработал

свою формулу кооперации: с Республикой Молдова установил нормальные отношения (关系 – *guānxi*), с Украиной – всесторонние отношения дружбы и сотрудничества (全面友好合作关系 – *quánmiàn yǒuhǎo hézuò guānxi*), постепенно поднимая их на новую ступень развития. И эта тенденция будет продолжаться.

© Ван Люин, 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Andrijauskas K. China's Economic Penetration into Post-Soviet Central Asia and Eastern Europe // Lithuanian Foreign Policy Review. 2013. No 30. P. 113–131. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/09/LFPR-30-Andrijauskas.pdf> (accessed: 03.09.2017).
- [2] Общее Коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Украиной. Режим доступа: <http://cons.parus.ua/map/doc/010JL6B3CD/Obschee-Kommyunike--ob-ustanovloenii-diplomaticeskikh-otnoshenii-mezhdu-Kitaiskoi-Narodnoi-Respublikoi-i-Ukrainoi.html> (дата обращения: 25.08.2017).
- [3] Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая / под ред. д-ра ист. наук Т.С. Гузенковой, канд. ист. наук М.В. Карпова; авт. кол.: Д.А. Александров, Я.А. Амелина, канд. филол. наук Е.В. Бахревский, И.В. Ипполитов, канд. ист. наук В.Б. Каширин, А.И. Кучеренков, канд. юрид. наук Д.С. Попов, д-р ист. наук А.Н. Сытин, К.И. Тащиц, С.В. Тихонова; Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2013.
- [4] Мокрецкий А.Ч. Отношения КНР и СНГ: новые горизонты развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2012. № 17. С. 164–189. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-knr-i-sng-novye-gorizonty-razvitiya> (дата обращения: 31.08.2017).
- [5] Азаров предложил открыть китайскую школу. Режим доступа: https://news.guru.ua/news/264007/Azarov_predlozhil_otkryt_kitajskuju_shkolu.html (дата обращения: 28.08.2017).
- [6] Переговоры Ху Цзиньтао с президентом Украины В. Януковичем // Официальный сайт МИД КНР. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t737689.shtml> (дата обращения: 28.08.2017).
- [7] Rousseau R. China's Growing Economic Presence in Ukraine and Belarus // Strategic Analysis. 2012. Vol. 36. No 1. P. 18–22. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/34439686/chinas-growing-economic-presence-in-ukraine-khazar-university> (accessed: 03.09.2017). DOI: 10.1080/09700161.2012.628489.
- [8] Украина и Китай подписали Декларацию о стратегическом партнерстве. Режим доступа: <http://mignews.com.ua/politics/inukraine/1391615.html> (дата обращения: 28.08.2017).
- [9] Янукович поздравил Си Цзиньпина с избранием на должность генсека ЦК Компартии КНР. Режим доступа: <https://daily.rbc.ua/rus/show/yanukovich-pozdravil-si-tszinpina-s-izbraniem-na-dolzhnost-15112012102800> (дата обращения: 28.08.2017).
- [10] МИД: Китай поможет Украине получить статус наблюдателя в ШОС. Режим доступа: <http://korrespondent.net/business/economics/1425360> (дата обращения: 28.08.2017).

- [11] Развитие стратегических отношений с Китаем – один из приоритетов внешней политики Украины. Режим доступа: <http://easttime.ru/news/kitai/razvitie-strategicheskikh-otnoshenii-s-kitaem-odin-iz-prioritetov-vneshnei-politiki-ukrai> (дата обращения: 31.08.2017).
- [12] Китай подтвердил готовность инвестировать в украинский АПК. Режим доступа: <https://economics.unian.net/agro/681081-kitay-podtverdil-gotovnost-investirovat-v-ukrainskiy-apk.html> (дата обращения: 31.08.2017).
- [13] Главы Украины и КНР подписали в Пекине договор о сотрудничестве. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20131205/982178201.html> (дата обращения: 31.08.2017).
- [14] Тимофеев О.А. Украинский кризис и его влияние на российско-китайские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2014. № 19. С. 237–247. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-krizis-i-ego-vliyanie-na-rossiysko-kitayskie-otnosheniya> (дата обращения: 31.08.2017).
- [15] Holslag J. How China's New Silk Road Threatens European Trade // *The International Spectator*. 2017. Vol. 52. No 1. P. 46–60. URL: <http://www.jonathanholslag.be/wp-content/uploads/2016/08/201607-Silk-Road.pdf> (accessed: 03.09.2017). DOI: 10.1080/0966813032000161455.
- [16] Aoyama R. “One Belt, One Road”: China's New Global Strategy. 2016. URL: <http://china-waseda.jp/wp-content/uploads/2017/03/da7d3ae4d61d9aedc2516b69985c9b77.pdf> (accessed: 03.09.2017).
- [17] Oleksii O. The Ukraine and China international trade cooperation: impact on the Ukraine trade deficit // *Journal of life economics*. 2014. No 2. URL: <http://dergipark.gov.tr/download/article-file/104825> (accessed: 03.09.2017).
- [18] Ларин А.Г. К анализу новых моментов во внешней политике КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. 2014. № 19. С. 51–71. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-analizu-novyh-momentov-vo-vneshney-politike-knr> (дата обращения: 31.08.2017).
- [19] Saalman L. Little Grey Men: China and the Ukraine Crisis // *Survival*. 2016. Vol. 58. No 6. P. 135–156. URL: http://cs.brown.edu/courses/csci1800/sources/Little_Grey_Men.pdf (accessed: 03.09.2017). DOI 10.1080/00396338.2016.1257201.
- [20] Keck Z., Tiezzi S. Voice of China: Xinhua's Analysis of the Ukraine Crisis // *Asian Politics & Policy*. 2015. Vol. 7. No 1. P. 165–169. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/aspp.12160/full> (accessed: 03.09.2017). DOI: 10.1111/aspp.12160.
- [21] Мокрецкий А.Ч. Китайско-украинские отношения в свете концепции «Стратегического равновесия» Украины // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2013. № 18. С. 232–253. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-ukrainskie-otnosheniya-v-svete-kontseptsii-strategicheskogo-ravnesiya-ukrainy> (дата обращения: 01.09.2017).
- [22] Встреча Вэнь Цзябао с премьер-министром Молдовы. Режим доступа: <http://russian.cri.cn/1143/2010/09/13/1s352644.htm> (дата обращения: 31.08.2017).
- [23] Китайская компания Huawei Technologies планирует создать в Молдове сеть электронного правления. Режим доступа: <http://ru.interlic.md/2010-09-12/kitajskaja-kompanija-huawei-technologies-planiruet-sozdat-v-moldove-set-elektronnogo-pravlenija-17553.html> (дата обращения: 01.09.2017).

- [24] Молдова и Китай: возрождение Великого «Шелкового пути» // Логистический портал (Китай – Россия). Режим доступа: <http://www.chinaroslogistics.com/news/economy/moldova-kitaj-voztrogdenie-velikogo-shelkovogo-puti/> (дата обращения: 01.09.2017).
- [25] Iwański T. Ukraine, Belarus and Moldova and the Chinese economic expansion in Eastern Europe // Centre for Eastern Studies. 2012. Vol. 79. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/commentary_79.pdf (accessed: 03.09.2017).
- [26] Шуцунь В., Чинсун В. СНГ и современная политика Китая // Свободная мысль. М.: Политиздат, 2012. С. 80–90. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnaya_misl/2012_5_6/8.pdf (дата обращения: 31.08.2017).

REFERENCES

- [1] Andrijauskas K. China's Economic Penetration into Post-Soviet Central Asia and Eastern Europe // Lithuanian Foreign Policy Review. 2013. No 30. P. 113–131. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/09/LFPR-30-Andrijauskas.pdf> (accessed: 03.09.2017).
- [2] The Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations between the People's Republic of China and Ukraine. URL: <http://cons.parus.ua/map/doc/010JL6B3CD/Obschee-Kommyunike--ob-ustanovlenii-diplomaticheskikh-otnoshenii-mezhdu-Kitaiskoi-Narodnoi-Respublikoi-i-Ukrainoi.html> (accessed: 25.08.2017).
- [3] The CIS and the Baltic States in Chinese global policy. Moscow, 2013.
- [4] Mokretskiy A. Relations between the PRC and the CIS // China in World and Regional Politics (History and Modernity). 2012. № 17. P. 177–181. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-knr-i-sng-novye-gorizonty-razvitiya> (accessed: 18.08.2017).
- [5] Azarov offered to open a Chinese school. URL: https://news.guru.ua/news/264007/Azarov_predlozhit_otkryt_kitajskuju_shkolu.html (accessed: 28.08.2017).
- [6] The talks between Hu Jintao and Ukrainian President Viktor Yanukovich // Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of the PRC. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t737689.shtml> (accessed: 28.08.2017).
- [7] Rousseau R. China's Growing Economic Presence in Ukraine and Belarus // Strategic Analysis. 2012. Vol. 36. No 1. P. 18–22. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/34439686/chinas-growing-economic-presence-in-ukraine-khazar-university> (accessed: 03.09.2017). DOI: 10.1080/09700161.2012.628489
- [8] Ukraine and China signed the Declaration on Strategic Partnership. URL: <http://mi-news.com.ua/politics/inukraine/1391615.html> (accessed: 28.08.2017).
- [9] Yanukovich congratulated Xi Jinping on his election to the post of General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of China. URL: <https://daily.rbc.ua/rus/show/yanukovich-pozdravil-si-tszinpina-s-izbraniem-na-dolzhnost-15112012102800> (accessed: 28.08.2017).
- [10] Foreign Ministry: China will help Ukraine to get observer status in SCO. URL: <http://korrespondent.net/business/economics/1425360> (accessed: 28.08.2017).
- [11] The development of strategic relations with China is one of the Ukraine's foreign policy priorities. URL: <http://easttime.ru/news/kitai/razvitie-strategicheskikh-otnoshenii-s-kitajem-odin-iz-prioritetov-vneshnei-politiki-ukrai> (accessed: 31.08.2017).
- [12] China is ready to invest in Ukrainian agro-industrial complex. URL: <https://economics.unian.net/agro/681081-kitaj-podtverdil-gotovnost-investirovat-v-ukrainskiy-apk.html> (accessed: 31.08.2017).

- [13] Presidents of Ukraine and China signed a cooperation agreement in Beijing. URL: <https://ria.ru/world/20131205/982178201.html> (accessed: 31.08.2017).
- [14] Timofeev O. Crisis in Ukraine and its impact on Russian-Chinese relations // *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*. 2014. № 19. P. 237–247. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-krizis-i-ego-vliyanie-na-rossiysko-kitayskie-otnosheniya> (accessed: 31.08.2017).
- [15] Holslag J. How China's New Silk Road Threatens European Trade // *The International Spectator*. 2017. Vol. 52. No 1. P. 46–60. URL: <http://www.jonathanholslag.be/wp-content/uploads/2016/08/201607-Silk-Road.pdf> (accessed: 03.09.2017). DOI: 10.1080/0966813032000161455.
- [16] Aoyama R. “One Belt, One Road”: China's New Global Strategy. 2016. URL: <http://china-waseda.jp/wp-content/uploads/2017/03/da7d3ae4d61d9aedc2516b69985c9b77.pdf> (accessed: 03.09.2017).
- [17] Oleksii O. The Ukraine and China international trade cooperation: impact on the Ukraine trade deficit // *Journal of life economics*. 2014. No 2. URL: <http://dergipark.gov.tr/download/article-file/104825> (accessed: 03.09.2017).
- [18] Larin A. On the analysis of new factors in the foreign policy of the PRC // *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*. 2014. № 19. P. 51–71. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-analizu-novyh-momentov-vo-vneshney-politike-kr> (accessed: 31.08.2017).
- [19] Saalman L. Little Grey Men: China and the Ukraine Crisis // *Survival*. 2016. Vol. 58. No 6. P. 135–156. URL: http://cs.brown.edu/courses/csci1800/sources/Little_Grey_Men.pdf (accessed: 03.09.2017). DOI 10.1080/00396338.2016.1257201.
- [20] Keck Z., Tiezzi S. Voice of China: Xinhua's Analysis of the Ukraine Crisis // *Asian Politics & Policy*. 2015. Vol. 7. No 1. P. 165–169. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/aspp.12160/full> (accessed: 03.09.2017). DOI: 10.1111/aspp.12160.
- [21] Mokretskiy A. Chinese-Ukrainian relations in the light of the “Strategic balance” concept of Ukraine // *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*. 2013. № 18. P. 232–253. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-ukrainskie-otnosheniya-v-svete-kontseptsii-strategicheskogo-ravnovesiya-ukrainy> (accessed: 01.09.2017).
- [22] Wen Jiabao meets Prime Minister of Moldova. URL: <http://russian.cri.cn/1143/2010/09/13/1s352644.htm> (accessed: 31.08.2017).
- [23] Chinese company Huawei Technologies plans to create a network of electronic government in Moldova. URL: <http://ru.interlic.md/2010-09-12/kitajskaja-kompanija-huawei-technologies-planiruet-sozdat-v-moldove-set-elektronnogo-pravlenija-17553.html> (accessed: 01.09.2017).
- [24] Moldova and China: the revival of the Great Silk Road // *Logistics Portal (China – Russia)*. URL: <http://www.chinaroslogistics.com/news/economy/moldova-kitaj-voztroshenie-velikogo-shelkovogo-puti/> (accessed: 01.09.2017).
- [25] Iwański T. Ukraine, Belarus and Moldova and the Chinese economic expansion in Eastern Europe // *Centre for Eastern Studies*. 2012. Vol. 79. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/commentary_79.pdf (accessed: 03.09.2017).
- [26] Shucun V., Chinsun V. CIS and modern policy of China // *The Free Thought*. 2012. P. 80–90. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2012_5_6/8.pdf (accessed: 31.08.2017).

UKRAINE AND MOLDOVA IN THE PRC REGIONAL POLICY

Wang Liuying

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The rapid entry of the People's Republic of China into the number of the most influential actors in the world political arena attracts close attention and causes interest of many politicians, researchers, scientists and the general public. China is currently a fast-growing state that has steadily demonstrated rapid growth of its economic potential in recent decades. That certainly provides opportunities for development of the political empowerment. China's success in international affair is largely the consequence of its active regional policy.

After the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics on 26 December 1991, China was one of the first countries to recognize the independence of 15 new states. In 1991 and 1992 it established diplomatic relations with each of them. The PRC is at present pursuing a multidirectional policy towards all the CIS member states, in particular regarding Ukraine and the Republic of Moldova.

In this article the author examines the role of Ukraine and Moldova in the PRC regional policy. Based on the results of the analysis, it is concluded that the PRC attaches importance to Ukraine and Moldova in terms of economy and geopolitics.

Keywords: the PRC, Ukraine, Moldova, strategic partnership, multidirectional policy, regional policy, the Economic belt of the Silk Road

Информация об авторе / Information about the author

Ван Люин (КНР) – аспирантка кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. *E-mail:* wangliuying1@gmail.com

Wang Liuying – postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *E-mail:* wangliuying1@gmail.com

Для цитирования / For citations

Ван Люин. Украина и Молдавия в региональной политике КНР / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 155–167. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-155-167.

Wang Liuying. Ukraine and Moldova in the PRC regional policy / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 155–167. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-155-167.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 28.01.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-168-180

ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ С НАСЕЛЕНИЕМ ЮЖНОЙ СИБИРИ НА ПОЯВЛЕНИЕ МЕТАЛЛОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В КИТАЕ В ДРЕВНОСТИ

Е.Б. Баринава

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32А, Москва, Россия, 119991

В статье собраны материалы, касающиеся взаимоотношений Китая с народами Южной Сибири в древности и средневековье. Периоды древности могут быть реконструированы на основе археологических материалов. Это научные публикации археологических исследований наиболее важных памятников, соответствующие альбомы находок и т.п. Помимо этого в статье в качестве источников приводятся отчеты и сообщения об осмотре и раскопках археологических памятников на территории Южной Сибири из Научно-отраслевого архива Института археологии РАН за 1945–1965 гг., данные из которых были использованы в исследовании. В них содержится информация о том, что бронза и железо на территории этого региона появилась значительно раньше, чем в Китае.

Учитывая комплекс данных, в статье доказывается предположение, что именно через посредничество народов Южной Сибири бронза (во 2 тыс. до н.э.) и железо (в VIII в. до н.э.) попадают в северные регионы Китая, а уже оттуда распространяются по всей его территории, приобретая специфические черты технологии изготовления и оформления.

Ключевые слова: Китай, Южная Сибирь, древность, бронза, железо, металлургическое производство

Введение. Исследование контактов населения древнего Китая и Сибири определило ряд неотложных задач. В первую очередь, учитывая необходимость и актуальность разработок общеисторической и общекультурной проблематики, в распоряжение специалистов по древнейшей истории Азиатского региона необходимо предоставить по возможности более полную, а в хронологическом плане широкую информацию о результатах раскопок памятников культуры Китая и Сибири. Немаловажным также является ознакомление с основными выводами археологов по ключевым проблемам ранней истории региона и его древних культур, их теоретическими обобщениями, общеисторическими построениями и концепциями. В статье приведен перечень отчетов из Научно-отраслевого архива Института археологии РАН за 1945–1965 гг.,

данные из которых свидетельствуют о том, что бронза и железо на территории Южной Сибири появились значительно раньше, чем в Китае (1).

Исследование проблемы. Бронзовый и начало железного века Китая, охватывающие эпохи Шан-Инь и Чжоу, представляют особый интерес для исследования контактов Китая с народами Центральной Азии, поскольку именно для этих периодов можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос об автохтонности формирования культур этих регионов или выявить явные черты взаимовлияний. Если предполагать, что культура Шан автохтонна, то следует ожидать, что на территории Китая этого и предшествующего периода археологами будут обнаружены те следы постепенного эволюционного развития от неолита до бронзы, которые могли бы надежно связывать эту культуру с предшествовавшими (2). Но, несмотря на большую работу, проделанную археологами, таких следов пока не найдено. Другими словами, на археологическом материале пока невозможно доказать, что развитая бронзовая металлургия эпохи Шан-Инь является целиком местным явлением, т.е. что бронза появилась в Китае в результате только внутреннего развития его неолитических культур.

Однако известно, что в начале 2 тыс. до н.э. недалеко от границ Китая (в Северной Индии, Центральной Азии и в Южной Сибири) уже существовали культуры бронзового века. Подавляющее большинство бронзовых культур Евразии зафиксировано археологией в уже сравнительно развитом виде. Данные археологии свидетельствуют о том, что процесс появления и развития металлургии (выплавки меди, а затем бронзы) протекал весьма медленно и долго. На Ближнем Востоке этот процесс занял примерно 3–4 тысячелетия. На территории же самого Китая (в долине р. Хуанхэ) в это время господствовали культуры неолита, еще не знакомые ни с бронзой, ни даже с медью. Бронзовая культура Шан-Инь появляется в Китае лишь в середине 2 тыс. до н.э. Допустимо предположить, что бронзовые изделия, сложившись и технологически и эстетико-стилистически вне территории Китая, являлись инородным включением в древнюю культуру, которая продолжала в целом развиваться в неизменных (с учетом естественной эволюции) формах, обеспечивавших надежную этническую непрерывность.

Вопрос о возможности изобретения бронзы в Китае или заимствования технологии ее изготовления – один из самых актуальных и важных, который интересует современных востоковедов древности. Есть несколько существенных аспектов, которые влияют на формирование точек зрения ученых относительно раннего развития бронзовой металлургии в Восточной Азии и Южной Сибири.

Одна из наиболее аргументированных современных теорий предполагает проникновение технологии бронзолитейного производства из Южной Сибири и Казахстана. Она была подробно разработана Цзехуеем Цзяо Пенем [10]. Он считает возможным появление бронзовой металлургии в XIII–XI вв. до н.э. в культуре Цицзя (3) на территории современной провинции Юньнань. По-

скольку бронзовые изделия Цицзя имеют много аналогий с предметами на территории культур Минусинской котловины, то, по его мнению, именно оттуда, посредством кочевников, занимавших регионы вдоль китайских границ, технология бронзолитейного производства была передана через Северный Китай в Юньнань в конце 2 тыс. до н.э. населением, которое мигрировало на юг и там ассимилировалось с коренными народами [11; 12. Р. 83].

Недавние исследования доказали наличие «коридора» обмена культурными достижениями, проходящего через Синьцзян и Ганьсу, что делает возможным передачу бронзовой металлургии и этим путем. На развитие высокого уровня бронзолитейного искусства в ранние периоды истории Китая указывают находки из «жертвенной ямы» на памятнике Саньсидуй и из Цзиньша в Чэнду (Сычуань) периода поздней Шан (4).

Исследование археологических артефактов свидетельствует о том, что активное культурное взаимодействие происходило уже на ранних этапах истории Китая периодов неолита и раннего бронзового века, как вдоль среднего и нижнего течения Янцзы, так и на Центральной равнине [14]. Археологические данные позволили исследователям считать, что если «использование расписной керамики распространилось на запад из Ганьсу в Синьцзян, ... то бронзовая технология была передана в обратном направлении» [15. Р. 216].

Эту теорию подтверждают типологический анализ китайских изделий, который выявил параллели с предметами степных культур, и исследование состава китайской бронзы, которая аналогична материалу евразийских степей (5). Находки в погребениях на севере Синьцзяна [17. Р. 15, 58.] указывают на контакты с культурами, где медь и бронза уже активно использовались: афанасьевской [18. С. 38, 40; 19. С. 10, 56–57; 20. С. 13; 21. С. 21, 26; 22. С. 30–31, 32; 23. С. 65, 75; 24. С. С. 16, 18, 21, 24, 26, 30], окуневской [25. С. 4, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 21; 26. С. 3, 4; 27. С. 3, 5] и андроновской [28. С. 47, 48, 49, 50; 29 С. 7, 8, 11, 12, 14, 30, 32, 34, 40, 56, 58, 59, 60, 62, 65, 69, 70, 79; 30. С. 16; 31. С. 19, 20, 40; 32. С. 22] Южной Сибири, а их влияние отмечено с начала 2 тыс. до н.э. (6).

Таким образом, возможно, что в первой пол. 2 тыс. до н.э. одна из самых ранних бронзовых культур Китая, культура Цицзя, вполне могла перенять технологию бронзовой металлургии от культур в Саяно-Алтайском регионе Южной Сибири [36. Р. 4].

Этнокультурные контакты Китая с населением соседних регионов продолжали активно развиваться и в следующие эпохи. Вероятно, эти контакты оказали влияние на появление на территории Империи предметов из железа и технологии литейного производства. Хронологические границы существования эпохи бронзы и раннего железного века определялись с учетом представлений о Древнем Китае, где еще недавно начало раннего железного века относили к VI–V вв. до н.э. Долгое время решение вопроса о начале использования железа в Китае было основано на информации из письменных источников. И только в 1950-х годах, при раскопках захоронений периода Вою-

ющих царств, в округе Хэнань были найдены украшения, оружие и предметы другого предназначения, изготовленные из железа [37. Р. 199–206]; а в пров. Хэбэй был раскопан производственный комплекс для изготовления чугуна, относящийся к III в. до н.э. [38. Р. 327]. Исходя из этих находок китайские исследователи выдвинули гипотезу, что железо начали использовать первоначально на юге в районе г. Чанша (Хунань) и на востоке в Цзянсу в начале V в. до н.э. Однако исследования Д.Б. Вагнера показали, что железные изделия, найденные в Северном Китае, относятся к эпохе с конца эпохи Шан и ранних Западных Чжоу (т.е. на столетие раньше) [37. Р. 86–90]. Он выдвинул предположение, что выплавка железа началась именно там, и уже оттуда распространилась в остальной части империи Чжоу, почти полностью заменив производство бронзы. Новые археологические открытия подтвердили тот факт, что наиболее ранние центры выплавки чугуна из метеоритного железа находились в Северо-Западном Китае задолго до того, как появились в Южном.

После обнаружения в Шанцуньлине (Хэнань) биметаллического меча с железным клинком и бронзовой рукоятью начало железного века на территории Китая было удревнено до конца VIII в. до н.э. [39. С. 67–68; 40. С. 53]. К этому же времени относятся кинжалы с железным лезвием и бронзовой или золотой рукоятью. Однако присутствие единичных изделий из железа (в основном биметаллических кинжалов) в захоронениях этого времени свидетельствует о том, что знание технологии выплавки и обработки железа не привело к его массовому производству в период Чуньцю.

Многие данные свидетельствуют о том, что метод выплавки железа пришел к Северо-Западному Китаю с Запада (там оно появляется раньше, чем в Империи) через посредничество кочевых народов Сибири, контакты с которыми были достаточно интенсивными. Анализ этих данных привел Д.Б. Вагнера к убеждению, что «изобретение выплавки железа китайцами вряд ли было возможно» [41].

Исторические условия, подтвержденные археологическими материалами, показывают, что в верховьях Енисея и на других территориях Сибири изделия из железа в элитных памятниках повсеместно заменяют бронзовые (7). Это значит, что сама технология производства железа уже была хорошо известна и ранее [44. С. 15–17, 18, 20, 24–25; 45. С. 25; 46. С. 29; 47. С. 23].

Также интересно, что археологические исследования в Синьцзяне указывают на то, что найденные здесь железные изделия, которые относятся VIII в. до н.э., не были китайского производства и не имеют никакого китайского влияния [48. Р. 192, 194, 196–197, 198, 201, 206–207].

Таким образом, железо здесь стало известно с VIII в. до н.э., но учитывая, что население Синьцзяна почти не имело контактов с народами Центральной Азии до периода Хань, встает вопрос, откуда могли появиться изделия из этого материала. На этот вопрос стало возможным ответить после находок в Ганьсу железных изделий, которые, в соответствии с радиоуглеродными датировками, тоже относятся к VIII в. до н.э. Поскольку наличие отношений с Южной Сибирью в это время для Китая не вызывает сомнений, то, возможно,

именно в результате этих контактов китайцы знакомятся с железными изделиями, которые уже с территории Империи попадают в Синьцзян.

Что касается самого процесса изготовления изделий из железа, то исследования выявили, что для периодов Шан и Чжоу характерна технология горячейковки метеоритного металла. Причем поскольку метеоритное железо очень редкий материал, то он шел, прежде всего, на изготовление предметов роскоши, в то время как обычное оружие продолжали делать из бронзы. Однако анализ нескольких железных предметов, найденных при раскопках захоронений в Шанцуньлинь в Хэнани, указывает на то, что три из них содержат столько никеля, что они явно не были сделаны из метеоритного железа, а выплавлены. Некоторые искусствоведы считают, что они могут увидеть элементы кочевой культуры в стиле шансуньлинской бронзы [49. Р. 252].

Эти предположения дают основание рассмотреть возможность значения инокультурного влияния не только на появление изделий из железа на территории Китая, но технологию его выплавки на ранних этапах. И в этом аспекте важными представляются археологические исследования одного из захоронений в Баоцзи (Шанси), где также найдены предметы из выплавленного, а не метеоритного железа. По внешним признакам эта могила сделана в типично китайской традиции, однако вещи, содержащиеся в ней, более характерны для степных культур [50]. Отечественные исследователи пока не пришли к единому мнению по поводу места производства этих изделий – в Китае или у кого-то из степных народов (8).

Начиная с VIII в. до н.э. изделия из железа, изготовленные местными мастерами, приобретают характерные китайские особенности – форму, наличие инкрустации и т.д. и распространяются по всей территории. Уже в конце VI в. до н.э. такие предметы можно встретить среди инвентаря царского погребения в Северной части Чу [37. Р. 90–91]. Во II в. до н.э. в Китае были разработаны новые методы выплавки и разливки чугуна (9), которые позволили не только изготавливать продукт высокого качества (10) для украшений и оружия, но и производить из него сельскохозяйственные орудия.

Таким образом, можно предположить, что первоначальные сведения о железе и ранние способы выплавки чугуна были результатом этнокультурных контактов с народами Южной Сибири. Но все технические и технологические особенности были изобретены и добавлены уже самими китайцами, преобразовав первоначальную идею, функции и возможности этого материала.

Заключение. В результате исследования взаимоотношений Китая с населением Южной Сибири в период бронзового и раннего железного века можно сделать вывод, что они были определяющими для появления в Восточной Азии бронзолитейного и железоплавильного производства.

Однако последующее преобразование позволило им настолько внедриться в материальную культуру, что они стали частью китайской традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Нужно упомянуть, что зачастую первоначальные выводы, сделанные в отчетах, в процессе дальнейших исследований были уточнены или пересмотрены. Например, это касается дворца I в. до н.э. на р. Ташебе (Хакасия) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].
- (2) Китайский археолог Ли Чи, раскапывавший иньское городище в Сяютуни, считал, что иньская культура могла возникнуть в результате амальгамации местных неолитических культур и так называемых «протошанцев» [9. Р. 21].
- (3) Цицзя (齊家文化) – луншаноидная культура 2400–1900 до н.э. Аналогичные юньнаньским бронзовые изделия были обнаружены и на северо-западном берегу озера Эрхай.
- (4) Подробное описание археологических исследований на памятнике Саньсидуй, периодов неолита и раннего бронзового века на равнине Чэнду в провинции Сычуань в Юго-Западном Китае приведено в статье Джей Сюя [13].
- (5) Использование олова и мышьяка в составе бронзы [16].
- (6) В Горном Алтае обнаружены древнейшие копи, рудокопные орудия и каменные сверленные топоры. Металлурги в ямных печах, в горшках-тиглях и льячках отливали сложные орудия (проушные топоры, втульчатые копья, ножи, шилья), украшения из меди и бронзы. Южносибирский очаг обработки металлов, возникший в III тыс. до н.э., являлся древнейшим во всей Северной и Восточной Азии [33. С. 10; 34; 35].
- (7) Наиболее раннее использование железа (метеоритного) на территории Сибири относятся к афанасьевскому и окуневскому времени [42. С. 8; 43. С. 16, 18, 21, 24, 26, 30]. Регулярно в Центральной Азии железо стало применяться примерно с середины VII вв. до н.э. Тогда железные изделия были престижными и преимущественно использовались знатью. На это указывают и материалы из раннескифского кургана Аржан-2, где кинжалы, ножи и даже наконечники стрел в элитной могиле № 5 были железными, а в рядовых погребениях еще бронзовые. Примерно тогда же начинают распространяться железные орудия и в Синьцзяне.
- (8) Мнение, что эти вещи принадлежат кругу степной культуры, высказано Е.Н. Черных [51. Р. 269]. Он, однако, отмечает, что Н.Л. Членова считает происхождение сюжетов на этих предметах китайским. Д.Б. Вагнер считает, что отдельные элементы указывают на аналогии с традициями культур Южной Сибири.
- (9) Первоначально с V в. н.э. чугун плавился в чашках. Но начиная со II в. до н.э. его стали выплавлять в доменных печах и вагранках.
- (10) Он стал значительно превосходить центральноазиатский [52].

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] *Евтюхова Л.А.* Древнекитайское здание на Среднем Енисее // *Вестник древней истории*. 1946. № 1. С. 107–111.
- [2] *Евтюхова Л.А., Левашева В.П.* Раскопки китайского дома близ Абакана // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР*. М.; Л. (КСИИМК). Вып. XII. 1946. С. 72–84.
- [3] *Евтюхова Л.А.* Развалины дворца в «Земле Хягяс» // *КСИИМК*. Вып. XXI. 1947. С. 79–85.
- [4] *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды // *Советская этнография*. 1976. № 3. С. 137–149.

- [5] *Кызласов Л.П.* О городе гуннского наместника на р. Ташебе // Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. С. 45–64.
- [6] *Кызласов Л.П.* К истории раскопок города гуннского наместника на р. Ташебе // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 6. С. 98–107.
- [7] *Кызласов Л.П.* Гуннский дворец на Енисее. М.: Восточная литература, 2001. 176 с.
- [8] *Кызласов И.Л.* Основы реконструкции гуннского дворца на реке Ташебе // Российская археология. 2008. № 2. С. 28–39.
- [9] *Li Chi.* The beginnings of Chinese civilization. Seattle: University of Washington Press, 1957.
- [10] *Tzuey Chiou-Peng.* Western Yunnan and its Steppe affinities // The Bronze Age and early Iron Age peoples of Eastern Central Asia / ed. V.H. Mair. Vol. 1. Washington, 1998. P. 280–306.
- [11] *Sherratt A.* The Trans-Eurasian Exchange: The Prehistory of Chinese Relations with the West // Contact and Exchange in the Ancient World. Perspectives on the Global Past / ed. V.H. Mair. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. P. 30–61.
- [12] *Tzuey Chiou-Peng.* Incipient metallurgy in Yunnan: new data for old debates // Metallurgy and civilization: Eurasia and beyond / eds. J. Mei, T. Rehren. L., 2009. P. 79–84.
- [13] *Xu J.* Defining the Archaeological Cultures at the Sanxingdui Site // Journal of East Asian Archaeology (JEAA). 2003. Vol. 5. № 1. P. 149–190.
- [14] *Falkenhausen L. von.* The External Connections of Sanxingdui // JEAA. 2003. Vol. 5. № 1. P. 191–245.
- [15] *Jianjun M.* Early metallurgy and socio-cultural complexity: archaeological discoveries in Northwest China // Social complexity in prehistoric Eurasia: monuments, metals, and mobility / eds. B.K. Hanks, K.M. Linduff. N.-Y., 2009. P. 215–234.
- [16] *Черных Е.Н.* Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.
- [17] *Jianjun M.* Copper and bronze metallurgy in late prehistoric Xinjiang: its cultural context and relationship with neighboring regions // British archaeological reports. Intl. Series. Oх., 2000.
- [18] *Липский А.Н.* Отчет об археологических раскопках 1952 г. на площадке Есинской МТС Аскизского района Хакасской области // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 956. 64 л., 28 ил.
- [19] *Грязнов М.П.* Отчет Новосибирской экспедиции об археологических работах в 1954 г. в зоне затопления Новосибирской ГЭС // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 1059. 101 л.
- [20] *Липский А.Н.* Отчет Хакасского областного музея о раскопках 1958–1959 гг. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2119. 99 л., 59 ил.
- [21] *Старуценко В.М.* Отчет о раскопках 1 июня – 3 июля 1959 г. у с. Потрошилова Минусинского района Красноярского края, на правом берегу р. Енисей // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2211. 74 л., 76 ил., 109 фото.
- [22] *Маннай-Оол М.Х.* Отчет о работе археологической экспедиции Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1961 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2343. 39 л.
- [23] *Грязнов М.П., Комарова М.Н., Завитухина М.П., Рахимов С.Р., Пшеницына М.Н.* Отчет о работах Карасукского отряда 1962 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2484. 87 л.

- [24] *Грязнов М.П.* Отчет о раскопках Карасукского отряда в 1964 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2955. 56 л.
- [25] *Максименков Г.А., Грязнов М.П.* Отчет о работе Курганного отряда Красноярской экспедиции в 1952 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2486. 43 л.
- [26] *Грязнов М.П., Шер Я.А., Богданова А.Н.* Отчет о работе Первого Правобережного отряда в 1963 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2743. 31 л. № 2743а – Альбом иллюстраций к отчету. 42 л., 214 ил.
- [27] *Зяблин Л.П.* Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской археологической экспедиции в 1964 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2931. 29 л.
- [28] *Матющенко В.И.* Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории материальной культуры при ТГУ летом 1955 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 1085. 147 л.
- [29] *Кузьмина Е.Е.* Отчет о работе Еленовского отряда Оренбургской экспедиции. 1959 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 1938. 85 л.
- [30] *Троицкая Т.Н.* Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2214. 46 л.
- [31] *Грязнов М.П., Максименков Г.А.* Отчет о работе Черновского отряда на р. Черновой в 1963 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2744. 43 л.
- [32] *Уманский А.П., Кац В.И.* Отчет об аварийных раскопках в Алтайском крае в 1962–1963 гг. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2777. 42 л.
- [33] *Кызласов Л.Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 224 с.
- [34] *Kuzmina E.E.* Cultural connections of the Tarim Basin people and pastoralists of the Asian steppe at 2000 BC // *The Bronze Age and early Iron Age peoples of Eastern Central Asia* / ed. V.H. Mair. Vol. 1. Washington, D.C., 1998. P. 63–93.
- [35] *Wei Ming Jia P., Betts A.V.G.* A re-analysis of the Qiemu'erqie (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China // *The Journal of Indo-European Studies*. 2010. Vol. 38. № 3–4. P. 275–317.
- [36] *Xiang Wan.* Early Development of Bronze Metallurgy in Eastern Eurasia // *Sino-Platonic Papers*. 2011. № 213. P. 4.
- [37] *Li Xueqin.* Eastern Zhou and Qin civilizations / transl. K.C. Chang. New Haven; L.: Yale University Press, 1985.
- [38] *Комиссаров С.А.* Новая датировка начала раннего железного века в Китае // III годовая итоговая сессия ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 67–68.
- [39] *Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.* Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: НГУ, 2002. 156 с.
- [40] *Wagner D.B.* The Earliest Use of Iron in China // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 2003. Vol. 75. P. 127–169.
- [41] *Грязнов М.П., Шер Я.А., Богданова А.Н.* Отчет о работе Первого Правобережного отряда в 1963 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2743. 31 л. № 2743а – Альбом иллюстраций к отчету. 42 л., 214 ил.
- [42] *Грязнов М.П.* Отчет о раскопках Карасукского отряда в 1964 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2955. 56 л.

- [44] *Рыгдылон Э.Р.* Отчет об археологических работах, проведенных летом 1949 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 430. 31 л. 20 ил.
- [45] *Гришин Ю.С.* Отчет о работах Ононского отряда Монгольской археологической экспедиции в 1959 г // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 1909. 33 л. №№ 1909а, 1909б – Альбомы иллюстраций к отчету. 29 л., 45 ил.; 19 л., 101 ил.
- [46] *Грач А.Д.* Отчет о полевых исследованиях, проведенных в 1960 г. Первым археологическим отрядом Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2158. 112 л.
- [47] *Трошцкая Т.Н.* Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф–1. Р–1. № 2214. 46 л.
- [48] *Debaine-Francfort C.* Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. *Paleorient*. 1989. Vol. V. № 15/1. P. 183–213.
- [49] *The great Bronze Age of China: An exhibition from the People's Republic of China / ed. Fong Wen.* L.: Thames & Hudson, 1980.
- [50] *Wagner D.B.* The earliest use of iron in China // *Metals in antiquity / ed S.M. Young, A.M. Pollard, P. Budd, R.A. Ixer / BAR international series.* 792. Oxf.: Archaeopress. 1999. P. 1–9.
- [51] *Chernykh E.N.* Ancient metallurgy in the USSR: The early metal age // *New studies in archaeology / transl. S. Wright.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- [52] *Wagner D.B.* The State and the Iron Industry in Han China. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, 2000.

REFERENCES

- [1] *Yevtyukhova L.A.* Drevnekitayskoye zdaniye na Srednem Yeniseye // *Vestnik drevney istorii*. 1946. № 1. S. 107–111.
- [2] *Yevtyukhova L.A., Levashova V.P.* Raskopki kitayskogo doma bliz Abakana // *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury Akademii nauk SSSR.* M.; L. (KSIIMK). Vyp. XII. 1946. S. 72–84.
- [3] *Yevtyukhova L.A.* Razvaliny dvortsa v «Zemle Khygyas» // *KSIIMK.* Vyp. XXI. 1947. С. 79–85.
- [4] *Vaynshteyn S.I., Kryukov M.V.* «Dvorets Li Lina» ili konets odnoy legendy // *Sovetskaya etnografiya*. 1976. № 3. S. 137–149.
- [5] *Kyzlasov L.R.* O gorode gunnskogo namestnika na r. Tashebe // *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii.* Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1992. S. 45–64.
- [6] *Kyzlasov L.R.* K istorii raskopok goroda gunnskogo namestnika na r. Tashebe // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Ser. 8. Istoriya. 2000. № 6. S. 98–107.
- [7] *Kyzlasov L.R.* Gunnskiy dvorets na Yeniseye. M.: Vostochnaya literatura, 2001. 176 s.
- [8] *Kyzlasov I.L.* Osnovy rekonstruktsii gunnskogo dvortsa na reke Tashebe // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2008. № 2. S. 28–39.
- [9] *Li Chi.* The beginnings of Chinese civilization. Seattle: University of Washington Press, 1957.
- [10] *Tzehuey Chiou-Peng.* Western Yunnan and its Steppe affinities // *The Bronze Age and early Iron Age peoples of Eastern Central Asia / ed. V.H. Mair.* Vol. 1. Washington, 1998. P. 280–306.

- [11] *Sherratt A.* The Trans-Eurasian Exchange: The Prehistory of Chinese Relations with the West // Contact and Exchange in the Ancient World. Perspectives on the Global Past / ed. V.H. Mair. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. P. 30–61.
- [12] *Tzehuey Chiou-Peng.* Incipient metallurgy in Yunnan: new data for old debates // Metallurgy and civilization: Eurasia and beyond / eds. J. Mei, T. Rehren. L., 2009. P. 79–84.
- [13] *Xu J.* Defining the Archaeological Cultures at the Sanxingdui Site // Journal of East Asian Archaeology (JEAA). 2003. Vol. 5. № 1. P. 149–190.
- [14] *Falkenhausen L. von.* The External Connections of Sanxingdui // JEAA. 2003. Vol. 5. № 1. P. 191–245.
- [15] *Jianjun M.* Early metallurgy and socio-cultural complexity: archaeological discoveries in Northwest China // Social complexity in prehistoric Eurasia: monuments, metals, and mobility / eds. B.K. Hanks, K.M. Linduff. N.-Y., 2009. P. 215–234.
- [16] *Chernykh E.H.* Formirovaniye yevraziyskogo «stepnogo poyasa» skotovodcheskikh kul'tur: vzglyad skvoz' prizmu arkheometallurgii i radiouglerodnoy khronologii // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii. 2008. № 3 (35). S. 36–53.
- [17] *Jianjun M.* Copper and bronze metallurgy in late prehistoric Xinjiang: its cultural context and relationship with neighboring regions // British archaeological reports. Intl. Series. Ox., 2000.
- [18] *Lipskiy A.N.* Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh 1952 g. na ploshchadke Yesinskoy MTS Askizskogo rayona Khakasskoy oblasti // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 956. 64 l., 28 il.
- [19] *Gryaznov M.P.* Otchet Novosibirskoy ekspeditsii ob arkheologicheskikh rabotakh v 1954 g v zone zatopleniya Novosibirskoy GES // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 1059. 101 l.
- [20] *Lipskiy A.N.* Otchet Khakasskogo oblastnogo muzeya o raskopkakh 1958–1959 gg. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2119. 99 l., 59 il.
- [21] *Starushchenko V.M.* Otchet o raskopkakh 1 iyunya – 3 iyulya 1959 g. u s. Potroshilova Minusinskogo rayona Krasnoyarskogo kraya, na pravom beregu r. Yeniseya // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2211. 74 l., 76 il., 109 foto.
- [22] *Mannay-Ool M.KH.* Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii v 1961 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2343. 39 l.
- [23] *Gryaznov M.P., Komarova M.N., Zavitukhina M.P., Rakhimov S.R., Pshenitsyna M.N.* Otchet o rabotakh Karasukskogo otryada 1962 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2484. 87 l.
- [24] *Gryaznov M.P.* Otchet o raskopkakh Karasukskogo otryada v 1964 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2955. 56 l.
- [25] *Maksimov G.A., Gryaznov M.P.* Otchet o rabote Kurgannogo otryada Krasnoyarskoy ekspeditsii v 1952 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2486. 43 l.
- [26] *Gryaznov M.P., Sher YA.A., Bogdanova A.N.* Otchet o rabote Pervogo Pravoberezhnogo otryada v 1963 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2743. 31 l. № 2743a – Al'bom illyustratsiy k otchetu. 42 l., 214 il.
- [27] *Zyablin L.P.* Otchet o raskopkakh Kopenskogo otryada Krasnoyarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1964 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2931. 29 l.

- [28] *Matyushchenko V.I.* Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii Muzeya istorii material'noy kul'tury pri TGU letom 1955 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 1085. 147 l.
- [29] *Kuz'mina Ye.Ye.* Otchet o rabote Yelenovskogo otryada Orenburgskoy ekspeditsii. 1959 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 1938. 85 l.
- [30] *Troitskaya T.N.* Otchet o rabote Novosibirskoy arkheologicheskoy ekspeditsii // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2214. 46 l.
- [31] *Gryaznov M.P., Maksimenkov G.A.* Otchet o rabote Chernovskogo otryada na r. Chernovoy v 1963 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2744. 43 l.
- [32] *Umanskiy A.P., Kats V.I.* Otchet ob avariynykh raskopkakh v Altayskom kraye v 1962–1963 gg. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2777. 42 l.
- [33] *Kyzlasov L.R.* Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1992. 224 s.
- [34] *Kuzmina E.E.* Cultural connections of the Tarim Basin people and pastoralists of the Asian steppe at 2000 BC // *The Bronze Age and early Iron Age peoples of Eastern Central Asia* / ed. V.H. Mair. Vol. 1. Washington, D.C., 1998. P. 63–93.
- [35] *Wei Ming Jia P., Betts A.V.G.* A re-analysis of the Qiemu'erqie (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China // *The Journal of Indo-European Studies*. 2010. Vol. 38. № 3–4. P. 275–317.
- [36] *Xiang Wan.* Early Development of Bronze Metallurgy in Eastern Eurasia // *Sino-Platonic Papers*. 2011. № 213. P. 4.
- [38] *Li Xueqin.* Eastern Zhou and Qin civilizations / transl. K.C. Chang. New Haven; L.: Yale University Press, 1985.
- [39] *Komissarov S.A.* Novaya datirovka nachala rannego zheleznogo veka v Kitaye // III godovaya itogovaya sessiya IAET SO RAN. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1995. S. 67–68.
- [40] *Khudyakov YU.S., Komissarov S.A.* Kochevaya tsivilizatsiya Vostochnogo Turkestana. Novosibirsk: NGU, 2002. 156 s.
- [41] *Wagner D.B.* The Earliest Use of Iron in China // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 2003. Vol. 75. P. 127–169.
- [42] *Gryaznov M.P., Sher YA.A., Bogdanova A.N.* Otchet o rabote Pervogo Pravoberezhnogo otryada v 1963 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2743. 31 l. № 2743a – Al'bom illyustratsiy k otchetu. 42 l., 214 il.
- [43] *Gryaznov M.P.* Otchet o raskopkakh Karasukskogo otryada v 1964 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2955. 56 l.
- [44] *Rygdylon E.R.* Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh, provedennykh letom 1949 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 430. 31 l. 20 il.
- [45] *Grishin YU.S.* Otchet o rabotakh Ononskogo otryada Mongol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1959 g // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 1909. 33 l. №№ 1909a, 1909b – Al'bomy illyustratsiy k otchetu. 29 l., 45 il.; 19 l., 101 il.
- [46] *Grach A.D.* Otchet o polevykh issledovaniyakh, provedennykh v 1960 g. Pervym arkheologicheskim otryadom Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii Instituta etnografii Akademii nauk SSSR // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2158. 112 l.

- [47] *Troitskaya T.N.* Otchet o rabote Novosibirskoy arkheologicheskoy ekspeditsii // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. F–1. R–1. № 2214. 46 l.
- [48] *Debaine-Francfort C.* Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. *Paleorient*. 1989. Vol. V. № 15/1. P. 183–213.
- [49] *The great Bronze Age of China: An exhibition from the People's Republic of China* / ed. Fong Wen. L.: Thames & Hudson, 1980.
- [50] *Wagner D.B.* The earliest use of iron in China // *Metals in antiquity* / ed S.M. Young, A.M. Pollard, P. Budd, R.A. Ixer / BAR international series. 792. Oxf.: Archaeopress. 1999. P. 1–9.
- [51] *Chernykh E.N.* Ancient metallurgy in the USSR: The early metal age // *New studies in archaeology* / transl. S. Wright. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- [52] *Wagner D.B.* The State and the Iron Industry in Han China. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, 2000.

INFLUENCE OF ETHNOCULTURAL CONTACTS WITH THE POPULATION OF SOUTH SIBERIA ON THE APPEARANCE OF METALLOLITE PRODUCTION IN CHINA IN THE ANCIENT

E.B. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
32A *Leninsky Prospekt*, Moscow, 119991, Russia

The article contains materials on the relationship between China and the peoples of Southern Siberia in antiquity and the Middle Ages. The periods of antiquity can be reconstructed on the basis of archaeological materials. These are scientific publications of archaeological research of the most important monuments, albums of finds, etc. In addition, in the article, reports on the survey and excavation of archaeological sites on the territory of Southern Siberia from the Scientific and Branch Archive of the Institute of Archeology of the RAS for 1945–1965 are given as sources, the data from which were used in the study. They contain information that bronze and iron on the territory of this region appeared much earlier than in China.

Given the complex of data, the article proves the assumption that it was through the mediation of the peoples of Southern Siberia that bronze (in the 2nd millennium BC) and iron (in the 8th century BC) fall into the northern regions of China, and from there spread throughout its territory, acquiring specific features of manufacturing technology and design.

Keywords: China, Southern Siberia, antiquity, bronze, iron, metallurgical production

Информация об авторе / Information about the author

Баринаова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. *E-mail:* BarinovaElena@rambler.ru.

Elena Barinova – Ph.D.(in History), Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. *E-mail:* BarinovaElena@rambler.ru.

Для цитирования / For citations

Баринаова Е.Б. Влияние этнокультурных контактов с населением Южной Сибири на появление металлолитейного производства в Китае в древности / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 168–180. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-168-180.

Barinova E.B. Influence of ethnocultural contacts with the population of South Siberia on the appearance of metallolite production in China in the ancient / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 168–180. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-168-180.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 05.03.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-181-191

НАСЛЕДИЕ ИБН АРАБИ (1165–1240) В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

А.А. Лукашев

Институт философии РАН

ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240

Исламская культура представляет собой синтез различных культурных элементов. В ней органично соседствуют и черты иранской доисламской культуры, и элементы античного наследия. Основу же ее задает в первую очередь текст Корана, который не просто возник в лоне арабской культуры, он стал основой для формирования классической арабской литературы, мысли, искусства. В этой статье мы попытаемся продемонстрировать, как, с одной стороны, коранический текст, а с другой, иранское наследие проявились в весьма разнообразном творчестве наиболее значимого суфийского философа Ибн Араби.

Ключевые слова: Ибн Араби, суфизм, философия, история, культура, Коран, трактаты

Ибн Араби является родоначальником философского суфизма, хотя, несмотря на широкое признание заслуг, отношение к этому философу даже в мире суфизма неоднозначно. Его сочинения настолько сложны и концептуально нагружены, что даже у его ближайших учеников не было консенсуса в понимании отдельных положений учения «Величайшего шейха». Кроме того, его наследие настолько разнообразно, что поневоле возникают сомнения в том, что все это мог написать один человек. С течением времени ситуация принципиально не изменилась, и его учение по-разному получает осмысление в трудах исследователей исламской мысли. И, тем не менее, сочинения философа стали классическими и, пожалуй, нет ни одного суфия, который бы не знал имени Ибн Араби, не был бы знаком с его основными сочинениями.

Ибн Араби является автором значительного количества трудов. Наиболее важными для нас являются «Геммы мудрости» и «Мекканские откровения».

«Мекканские откровения» – magnum opus Величайшего шейха. Они же – последнее сочинение, составленное всего за два года до смерти автора, соответственно, можно считать, что в этом сочинении в наиболее полном виде изложено мировоззрение Ибн Араби. Тем не менее, произведение это настолько сложное, что трудности с его пониманием возникали даже у представителей традиции и учеников самого родоначальника философского суфизма, в част-

ности, ал-Кунави и ат-Тилимсани по-разному понимали учение Великого шейха, а дискуссии относительно трактовки его наследия разгорелись сразу после его смерти. Они обострились с появлением такой личности, как Ибн Таймийа, который прошел через школу суфизма и стал его яростным критиком, уделяя в своих полемических трудах большое внимание наследию Ибн Араби. Он же является автором термина «единство бытия» (*вахдат ал-вуджуд*) как характеристики философских взглядов Величайшего шейха.

К текстам Ибн Араби обращались такие известные исламские авторы, как Ахмад Сирхинди, Фахр ал-Дин Ираки, Мулла Садра и даже Айатулла Хомейни. Тем не менее, ни комментаторы Ибн Араби, ни авторы, ощутившие на себе его влияние, не объясняют особенности композиции трактата.

Полный анализ этого произведения невозможен в рамках небольшой статьи, поэтому мы попробуем привлечь внимание только к принципам композиционного членения его произведений, не менее интересным и таинственным, чем их содержание.

Мишель Шодкевич, предпринявший попытку объяснения принципов построения композиции сочинения Величайшего шейха, отмечает отсутствие видимой связи между соседними главами произведения [1]. Он же проводит аналогию с кораническим текстом, в котором также соседние суры не имеют тематической или сюжетной связи друг с другом [1]. Сам Ибн Араби не считал коранические суры вовсе не связанными, но полагал их связь тайной. Кроме того, он сам в Мекканских откровениях говорит о том, что все, о чем идет речь в трактате, происходит из Корана. Соответственно, стремление найти объяснение композиции «Мекканских откровений» в кораническом тексте вполне обоснованно.

В частности, Осман Яхья, один из наиболее видных исследователей творчества Ибн Араби, автор многотомно научного издания «Мекканских откровений», указывает на то, что одна из наиболее важных частей трактата – «стоянки» (*маназил*) включает в себя 114 глав по числу сур в Коране. Другой известный исследователь творчества Ибн Араби – Мишель Шодкевич предпринял более подробное исследование этой части трактата и обнаружил более тесную связь между элементами композиции «Мекканских откровений» и кораническим текстом. Первое, что привлекает внимание исследователя – невозможность соотнести данную у Ибн Араби систему стоянок с другими, имеющимися в традиции, например, у Ансари в его трактате «Книга привалов путников» [2]. Шодкевич предлагает понимать стоянки, приведенные в этой части трактата, не как этапы духовного пути, а как отсылки к различным кораническим сурам. В частности, стоянка вопрошания (*истихбар*) отсылает к группе коранических сур, начинающихся с вопросительного предложения, напр., сура 88. «Стоянка славословия» делится на пять стоянок и каждая из них отсылает к суре, начинающейся с формулы «Слава Богу...» (*ал-хамд лиллах*), это – суры 1, 2, 18, 34, 35. «Стоянка повеления» (*'амр*) отсылает к сурам, начинающимся с глагола в повелительном наклонении, напр, «говори!» (*кул*).

Мишель Шодкевич приводит более подробный список таких соответствий, доказывая, что каждая из 114 глав части «Стоянки» (*ал-маназил*) соотносится с той или иной сурой Корана, передавая ее мистическое содержание [1].

Этим далеко не ограничиваются возможности исследования композиции «Мекканских откровений». Шодкевич демонстрирует также связь между главами «...откровений» и божественными именами. Он же обращает внимание на то, что общее количество глав трактата, по-арабски имеющем название *ал-Футухат ал-маккийя*, тождественно количеству слов в суре «Победа» (*ал-Фатх*), что, очевидно, неслучайно, ввиду того, что слово «Футухат» в названии трактата является множественной формой слова «*фатх*» из названия коранической суры [1]. Таким образом, исследование Шодкевича показывает, что текст «Мекканских откровений» не только содержательно, но и композиционно отсылает читателя к кораническому тексту как общей основе исламской мысли.

Другое всемирно известное сочинение Ибн Араби – «Геммы мудрости» (*ал-Футухат ал-маккийя*).

«Геммы мудрости» – особенное произведение. Оно существенно меньше по объему, чем «Мекканские откровения», несколько проще для восприятия (в силу последних двух обстоятельств оно довольно часто комментировалось суфийскими авторами и критиковалось их противниками). Его композиция кажется выстроенной на основании четких принципов: каждая глава одновременно содержит в себе название одного из понятий исламского мистицизма и отсылает к одному из персонажей мусульманской священной истории. Тем не менее, при более пристальном рассмотрении общая системная выстроенность произведения оказывается под вопросом. В частности, беглого взгляда на оглавление достаточно для того, чтобы понять, что персонажи священной истории, которым посвящены геммы, поставлены не в хронологическом порядке: хотя их список открывается Адамом и заканчивается Мухаммадом, Соломон следует после Иисуса, а Давид – после Соломона. Последовательность понятий, рассматриваемых в «Геммах...», также не встраивается ни в одну систему: будь то система философских категорий или стоянки мистического пути. В классических комментариях и современных критических статьях, посвященных трактату, предпринимаются попытки проследить связь между понятиями мистицизма и персонажами мусульманской священной истории, упомянутыми в названии каждой геммы. В отношении отдельных гемм это оказывается совсем несложным, как, например, в случае с «Геммой мудрости овладения в слове Лотовом», первые слова которой («Овладение (*малк*) – это крепость (*шидда*), а владетель всегда *крепок*» [3. С. 208]) очевидно отсылают к кораническому аяту, где мы из уст Лота слышим: «О если бы я обладал силой против вас, или мог поддержать себя какой либо *крепкою* опорой». В других, как, например, «Гемма мудрости лучезарной в слове Иосифа», нет отсылки ни к истории пророка Иосифа, ни к кораническим аятам, с нею связанным.

Сам Ибн Араби не приводит внятного объяснения принципов, на которых основывается композиция сочинения, просто говорит, что «засвидетельствовал вложенное в сию книгу, как то было указано мне посланником Божьим... следуя предначертанному, не преступил я границ, мне положенных» [4. С. 56–58.], объясняя таким образом все божественным вдохновением.

Саййид Али Асгар Мир Бакифардар и Махбубе Хамтийан, приводя целый ряд различных примеров связи между соседними геммами, апеллируют и к астрономической символике (в случае с геммами 3 и 4, посвященными Ною и Идрису), и к общей тематической связанности содержания ряда соседних гемм, как, например геммы Авраама, Исаака и Исмаила. При этом они полагают, что невозможно с уверенностью выделить единственный принцип, по которому выстроена последовательность гемм в трактате [5. С. 231].

Тем не менее, очевидным кажется стремление Ибн Араби апеллировать в большинстве гемм к кораническому тексту, в композиции которого также не соблюдается хронологическая последовательность ниспослания сур и аятов. Ибн Араби же, очевидно, увязывает многие геммы как с кораническими цитатами, так и с историями пророков, данными в Коране. Это, с одной стороны, сближает данное сочинение с «Мекканскими откровениями», а, с другой, – демонстрирует очередной пример общей связанности исламской культуры за счет апелляции к кораническому тексту, задающему ее центр.

Само отсутствие единого сюжета или стержневого принципа, связывающего между собой тематику всех глав трактата, у Ибн Араби оказывается совершенно естественным, учитывая отсутствие такого принципа и в кораническом тексте.

Вместе с тем можно говорить о стремлении Величайшего шейха показать, как откровение единобожия преломляется в различных пророчествах, которые, по утверждению самого Ибн Араби, являются «драгоценными перлами» каждой мудрости в его «Геммах...».

Если воспринимать геммы как связанные не столько друг с другом, сколько с единым источником знания – Истиным, их можно увидеть как окружность, описанную вокруг центральной точки – образ весьма распространенный как в античной, так и в исламской философии. Более того, он использовался и самим Ибн Араби в различных контекстах. В качестве примера можно привести цитату из Мекканских откровений:

Миропорядок в самом себе – как [центральная точка] относительно окружности и то, что между ними. Эта точка – Истинный, пустота вне окружности – несуществование (или скажи: тьма), а то, что между этой точкой и пустотой вне окружности, – возможное, как мы то нарисовали на полях. Мы взяли точку потому, что она – основа существования окружности круга: он появился благодаря точке. Так же и возможное появилось только благодаря Истинному. Если предположить, что из центральной Точки проведены линии к окружности круга, то они закончатся [каждая] в [некоторой] точке. И вся окружность таким же образом – из [центральной] Точки [6. С. 383–384].

Ибн Араби видит миропорядок как окружность, описанную вокруг центральной точки, причем каждая из точек окружности является своеобразной проекцией центральной точки. Все множественные точки окружности связаны не столько друг с другом, сколько с источником своего бытия – центральной точкой. В этой связи (коль уж таково, с точки зрения Ибн Араби, отношение каждой вещи к Первоначалу) можно предположить и отношение каждой из гемм к откровению единобожия. Общий принцип, связывающий геммы в единство, не обнаруживается в самом произведении, потому что его там нет. Однако это не значит, что его нет вовсе. Этим принципом может быть мистическое знание о божественном единстве, вокруг которого, подобно точкам окружности, выстроены все геммы, отражая его под разными углами зрения.

Интерпретацией одного из коранических сюжетов – сюжета о *ми'радже* является другое его сочинение «Ночное путешествие к стоянке ночного путешествия или книга о *ми'радже*» '*Исра*' '*ула ал-макам ал-'асраб ав китабб ал-ми'рабдж* [7] (1). Сочинение довольно невелико по объему и не столь известно, как первые два. Однако оно интересно в связи с тем, что имеет существенную литературную составляющую.

«Ночное путешествие...» написано образным, художественным языком, содержит значительное количество поэтических вставок, а также ритмизованной и рифмованной прозы – *садж*'; что сближает его художественную форму с текстом Корана (2) и апеллирует к теме духовного путешествия к Истине. Эти особенности позволили А. Атеш – автору статьи «Ибн Араби» из Энциклопедии ислама [10] сравнить данное произведение с «Божественной комедией» Данте. Такое сравнение обращает на себя внимание в связи с тем, что оно часто звучит в адрес произведений, написанных в контексте иранской культуры, начиная с классического произведения пехлевийской литературы «Книга о праведном Виразе», где рассказывается о духовном путешествии зороастрийского жреца Виразы в потусторонний мир для того, чтобы узнать, каким должно быть правильное поклонение зороастрийцев и каковы последствия человеческой жизни на том свете. Сходство этого сочинения с произведением Данте способствовало тому, чтобы назвать издание русскоязычного перевода данного сочинения «Пехлевийской божественной комедией».

Вновь этот сюжет проявляется уже в средневековой персидской суфийской поэзии – в сочинении Санаи «Странствие рабов [Божьих] к месту возвращения», где автор, ведомый Разумной душой, представшей ему в образе старца, путешествует по различным областям мироздания, больше напоминающего дантов Ад, где на каждом из уровней бытия рассматриваются свои пороки, предстающие в виде различных демонических сущностей, что также дает повод Бертельсу Е.Э. сравнить это произведение с Божественной комедией [11. С. 323], хотя, конечно, существенно большее сходство у поэмы Санаи с «Книгой о праведном Виразе». В отличие от Божественной комедии, Санаи и автор «Книги о праведном Виразе» в своих произведениях явно делают акцент на аде и соответствующих дидактических импликациях для читателя.

Рай в обоих произведениях описывается существенно менее подробно, чем Ад, в отличие от поэмы Данте, где Аду, Чистилищу и Раю уделено примерно равное внимание.

Творчество Санаи оказало сильнейшее влияние на Фарид ал-Дина 'Аттара, и мотив духовного путешествия, присутствующий наряду со «Странствием...», во многих других произведениях родоначальника суфийского дидактического эпоса, проявился во всей красе в классической поэме 'Аттара – «Язык птиц», хотя и без инфернологической составляющей, столь ярко присутствующей у Санаи.

Сочинение Ибн Араби, хотя и проявляет некоторое сходство с упомянутыми произведениями, выявляет и серьезные отличия. Показателен уже тот факт, что в самом названии, где заявлена тема духовного путешествия, Ибн Араби апеллирует к кораническому тексту (сура Исра «Перенес ночью») и событию *ми'рабддж* – вознесения пророка Мухаммада, описанному в данной суре. То, что в основании произведения лежит совсем другая история, чем у Санаи, приводит к закономерным сюжетно-композиционным отличиям: у Ибн Араби совсем другой фокус внимания. Это – не перечисление грехов и посмертных воздаяний за них, а мистическое путешествие к Истине, Богу, подобное тому путешествию, которое однажды совершил пророк Мухаммад. Именно коранический сюжет, а не древняя иранская мифология наполняется здесь мистическим содержанием, а следовательно, с перечисленными произведениями трактат Ибн Араби роднит только идея духовного путешествия, что делает его с культурологической точки зрения далеким и от соответствующих персидских сочинений, и от упомянутой «Божественной комедии».

Другим наглядным примером может служить еще одно небольшое сочинение Ибн Араби – «Трактат о бытийном соединении» (*Рисаола ал-иттихаод ал-кавний*). Как и «Книга о *ми'рабддже*», это – высокохудожественное, поэтичное произведение (также написанное ритмизованной прозой *садж* с значительными поэтическими вставками (3)), важной частью которого является сюжет о *ми'рабддже* – духовном вознесении, описанном в Коране. Как и в предыдущем произведении, здесь игнорируется инфернология в стиле Книги о праведном Виразе или Божественной комедии. Автор постепенно и восходит от земного бытия по небесным сферам и узнает, кто «застрял» на каждой из ступеней восхождения. Это, конечно, не может быть напрямую отождествлено с дантовской или пехлевийской инфернологией, хотя и можно отметить некоторую субституцию ада рассуждениями о несовершенстве мира. Интерес автора привлекает исключительно горный мир, к которому совершается вознесение и где он присутствует при диалоге Всеобщего древа с птицами.

Отметим, что произведение в целом выстроено в вопросо-ответной форме и еще до достижения Древа Человечности автор находится в диалоге с неким голосом, звучащим ни изнутри него, ни снаружи, который выступает здесь в роли проводника, и в этом он, безусловно, схож с «Виразом» и «Божественной комедией» (4). Анджела Джафай вписывает этот сюжет в традицию

«вознесенческой литературы» (ascent literature), начало которой в исламской культуре было положено кораническим сюжетом о *ми‘радж*е пророка Мухаммада [12. Р. 16].

Этот сюжет обрел закономерное развитие в суфийской литературе, учитывая ту роль, которую в суфизме играет тема духовного пути к Истине. История о *ми‘радж*е оказывается здесь не только ярким образом, пригодным для описания мистического опыта восхождения к Истине, но и отсылкой к авторитетному тексту, столь важной для легитимизации мистического сочинения в исламской культуре.

Одним из наиболее ранних и одновременно широко известных примеров такой рецепции и художественного переосмысления коранического сюжета о вознесении (*ми‘радж*) является история *ми‘радж*а Абу Язида ал-Бистами, которая приводится в сочинении ас-Сараджа *Китаб ал-лума‘*. Здесь ал-Бистами в виде птицы воспаряет к дереву единства, отсылающему нас к кораническому «Лотосу крайнего предела» [12. Р. 16] (5).

Аналогичным образом выстраивается и сюжет «Трактата о бытийном соединении». Автор возносится к пределам творения и там, в саду крайнего предела мироздания, присутствует при общении с Древом Человечности (*аш-шаджара ал-инсанийя*) (6) четырех птиц: горлицей, орлом, птицей Анка и вороном (7).

Это обстоятельство ставит вопрос об отношении этого произведения к классической поэме его современника – ‘Аттара Нишабури «Язык птиц». Действительно, формальное сходство произведений не может не обратить на себя внимание, а близость трактата Ибн Араби к персидской художественной традиции отмечает и Анджела Джафай, связывая *Рисалат ал-иттихад* с сочинениями Ибн Сины, Сухраварди и ‘Аттара (8). Таким образом, это сочинение, как и *Китаб ал-ми‘радж*, ставит под сомнение представление о том, что иранский и арабский культурные элементы могут быть легко разделены в исламской культуре и рассмотрены по отдельности как два в значительной степени независимых друг от друга элемента.

Иранская исламская мысль находилась под сильнейшим влиянием арабской культуры через священные тексты, исламские науки, стремясь при этом к сохранению культурного своеобразия на уровне художественных образов. С другой стороны, участие иранцев в культурной жизни арабов было весьма велико (вспомним хотя бы поэтов Абу Нуваса, Фараздака, грамматиста Сибавайхи и др.), что не могло не оказать влияние на формирование тогда еще молодой арабо-мусульманской культуры. В итоге мы сталкиваемся с ситуацией, когда возведение тех или иных художественных форм к иранским или арабским культурным корням оказывается непростой задачей, которая усложняется тем, что доисламская арабская культура может быть реконструирована лишь косвенно в виду небольшого количества сохранившихся источников. Даже творчество Ибн Араби, чье само имя говорит об арабской этнической принадлежности, не может быть однозначно сведено к арабскому или иранскому культурному контексту.

Откуда в его творчестве сюжет о диалоге птиц с деревом? Он может быть возведен и к кораническому тексту, и к иранским народным историям, уходящим своими корнями в зороастрийское прошлое Ирана, где был весьма распространен образ птицы Симург, восседающей на мировом древе. Откуда у ‘Аттара сюжет о путешествии птиц? Из иранских народных сказаний, зороастрийских сочинений или произведений его современника – Ибн Араби? Или все это – синтез различных аспектов творчества его предшественника – родоначальника суфийского философско-дидактического эпоса Санаи, у которого есть поэма, посвященная духовному путешествию, и касыда, в которой многочисленные птицы возносят каждая свою хвалу Всевышнему? Однозначный ответ на этот вопрос невозможен, а рассмотренный материал имеет ценность не только с точки зрения того, что демонстрирует эту невозможность, но и потому, что выявляет единство ткани исламской культуры вне зависимости от того, на каком языке она говорит.

© Лукашев А.А., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Современный персоязычный *шарх* Али Бакари, выполнен на основании перевода Касима Ансари.
- (2) Сам по себе *садж*‘ активно использовался арабами еще в доисламскую эпоху и имел сакральное значение. Примером использования *садж*‘а является и текст Корана. При этом следует оговориться, что в ашаритской традиции для коранического *садж*‘а было закреплено название «сечения» (*фасила*). По мнению А.Б. Куделина, присутствие *садж*‘а в Коране стало одной из причин угасания *садж*‘а в эпоху раннего ислама (с одной стороны, *садж*‘ Корана воспринимался как сакральный, с другой – *садж*‘ как таковой ассоциировался с языческим культом). Возродился *садж*‘ только к IX в., преимущественно в эпистолярном жанре, а впоследствии получил распространение в жанре *макама* и народных романах (подробнее см. [8. С. 328]). *Садж*‘ получил распространение и в суфийской литературе. Одним из блестящих его образчиков является сочинение *Тазкират ал-аулийа*‘ Фарид ал-Дина ‘Аттара [9. С. 99].
- (3) Стоит отметить, что Ибн Араби питал склонность к поэзии: он является автором поэтического дивана, собрания арабской поэзии *Тарджуман ал-ашвак*. Его главный труд – «Мекканские откровения» начинается со значительного отрывка, написанного ритмизованной прозой *садж*‘ и включающего поэтические строфы. Поэтические фрагменты более или менее часто встречаются на протяжении его наиболее значимых произведений – «Мекканские откровения» и «Геммы мудрости».
- (4) Возможно, это стало причиной, по которой Анджела Джафай возводит художественное своеобразие текста к сюжетам, общим для Ибн Сины, Сухраварди и ‘Аттара – то есть к иранской художественной традиции [12. Р. 16].
- (5) В качестве ранних примеров трактатов, посвященных *ми’раджу* как духовному восхождению, можно привести сочинение Ибн Сины «Книга о *ми’радже*» (*ми’радж-нама*).
- (6) Символизирует совершенного человека.

- (7) Подробно о содержании поэтических образов дерева, горлицы, орла, Анка и ворона см. [12. Р. 80–102].
- (8) [12. Р. 16]. Этот ряд, конечно, неполон: тема диалога птиц достаточно ярко проявилась уже в творчестве Санаи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Michel Chodkiewicz*. The Futūhāt Makkiyya and its Commentators: Some Unresolved Enigmas. URL: <http://www.ibnarabisociety.org/articles/faslalmanazil.html> (дата обращения: 19.10.2016).
- [2] Маназил ал-са'ирин, 'Аллал ал-макамат ва Сад мийдан хаджа 'Абдалла Ансари / ба кушиш 'Абдалгафур Раван Фархади ва Мухаммад 'Умар Муфид. Тихран: 1373.
- [3] *Ибн Араби*. Геммы мудрости / пер. Смирнов А.В. // *Смирнов А.В.* Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). Москва, Наука (издательская фирма «Восточная литература»), 1993.
- [4] *Ибн ал-Араби*. Мекканские откровения (ал-Футухат ал-маккийя) / Введение, перевод с арабского, примечания и библиография А.Д. Кныша. С-Пб., 1995.
- [5] *Саййид 'Алиасгар Мир Бакифардар, Махбуба Хамтийан*. Баррисе нахва-и табвиб Фусус ал-хикам Ибн 'Араби // Мутали'ат-и 'ирфани (маджалла-и 'илми-пажухиши) данишкада-и 'улум-и инсани Данишгах-и Кашан № 15. Кашан: [б.г.].
- [6] Смирнов А.В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М., 2001.
- [7] *Мухйи ал-Дин Ибн 'Араби*. ал-'Исра' 'ила ал-макам ал-'асра ав китаб ал-ми'радж/ тахкик ва шарх Са'ад ал-Хаким. Байрут-Лубнан, 1977.
- [8] *Куделин А.Б.* Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003.
- [9] *Счетчикова Т.А.* «Введение» к «Тазкират ал-аулийа» Фарид ал-Дина 'Аттара: формулировка авторского замысла // Вестник РГГУ № 6. Серия «Востоковедение. Африканистика». М., 2014.
- [10] *A.Ateş*. Ibn al-Arabi/EI. Brill, 2001.
- [11] *Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Т. 3. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.
- [12] *Muhyiddin Ibn 'Arabi*. The Universal Tree and the Four Birds. Treatise on Unification (al-Ittihad al-kawni) / Introduction, Translation and Commentary Angela Jaffray. Oxford, 2006.

REFERENCES:

- [1] *Michel Chodkiewicz*. The Futūhāt Makkiyya and its Commentators: Some Unresolved Enigmas. URL: <http://www.ibnarabisociety.org/articles/faslalmanazil.html> (дата обращения: 19.10.2016).
- [2] Manazil al-sa'irin, 'Allal al-makamat va Sad miidan hadzha 'Abdalla Ansari [The Book of the Itinerants' Stages, The Book of the Deficiencies Inherent in the Stages, The Book of the Hundred Arenas by Khwaja 'Abdallah al-Ansari]/ ba kushish 'Abdalgafur Ravan Farhadi va Muhammad 'Umar Mufid [edited by 'Abdalgafur Rawan Farhadi]. Tihran [Tehran]: 1373. (in Persian).
- [3] *Ibn Arabi*. Gemmy mudrosti [The Bezels of Wisdom]/ per. Smirnov A.V. [tr. Smirnov A.V.] // *Smirnov A.V.* Velikii sheih sufizma (opyt paradigmal'nogo analiza filosofii Ibn Arabi)

- [Smirnov A.V. *The Great Shaikh of Sufism (an experience of paradigmatic analysis of Ibn Arabi's philosophy)*. Moskva, Nauka (izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura") [Moscow, Nauka (Publishing office "Vostochnaya literatura")], 1993. (in Russian).
- [4] *Ibn al-Arabi*. Mekkanskie otkroveniia (al-Futuhat al-makkiia) [The Meccan Openings] / Vvedenie, perevod s arabskogo, primechaniia i bibliografiia A.D.Knysha [preface, tr. from Arabic, notes, bibliography by A.D.Knysh]. S-Pb: 1995. (in Russian).
- [5] *Sayid Aliasgar Mir Bakifardar, Mahbuba Hamtitan*. Barrisi nahva-i tabvib-i Fusus al-hikam Ibn 'Arabi [Research on the composition of the The Bezels of Wisdom by Ibn Arabi] // Mutali'at-i 'irfani (madzhalla-i 'ilmi-pazhuhishi) danishkada-i 'ulum-i insani Danishgah-i Kashan N15 [The Mysticism Researches (scientific journal), the faculty of humanities, University of Kashan]. Kashan: [b.g.] (in Persian).
- [6] *Smirnov A.V.* Logika smysla: Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoi arabskoi filosofii i kul'tury [Logic of sense: theory and its use for classic Arabic philosophy and culture]. M., 2001. (in Russian).
- [7] *Muhyi al-Din Ibn 'Arabi*. Al-'Isra' 'ila al-makam al-'asra av kitab al-mi'raj [The travel to the stage of the night journey or the Book of Miraj]/ tahqiq va sharh Sa'ad al-Hakim [critical text and commentary by Sa'ad al-Hakim]. Bairut-Lubnan, 1977.
- [8] *Kudelin A.B.* Arabskaya literatura: poetika, stilistika, tipologiya, vzaimosvyazi [Arabic Literature: Poetics, Stylistics, Typology, Interrelationships]. M., 2003. (in Russian).
- [9] *Schetchikova T.A.* «Vvedenie» k «Tazkirat al-auliia» Farid al-Dina Attara: formulirovka avtorskogo zamysla ["Preface" to "Tazkirat al-auliya": the formulation of the author's design] / Vestnik RGGU 16. Seriya «Vostokovedenie. Afrikanistika». M., 2014. (in Russian).
- [10] *A.Ates.* Ibn al-Arabi/EI. Brill, 2001.
- [11] *Bertel's Ye.E.* Izbrannye trudy. T. 3. Sufizm i sufiiskaya literatura [Selected works. Volume 3. Sufism and Sufi literature]. M., 1965. (in Russian).
- [12] *Muhyiddin Ibn 'Arabi*. The Universal Tree and the Four Birds. Treatise on Unification (al-Ittihad al-kawni)/ Introduction, Translation and Commentary Angela Jaffray. Oxford, 2006.

THE HERITAGE OF IBN ARABI IN THE CONTEXT OF THE CULTURAL DIALOG PROBLEM

A.A. Lukashev

Institute of Philosophy RAS
12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia

Islamic thought is a synthesis of different cultural elements. It includes elements of both Iranian and antique heritage, but its foundation is the Quranic text that was not just a product of Arabic culture, it has become a basis for the genesis of the classical arabic literature, thought and art. This article will try to demonstrate the Quranic text influence on the Ibn Arabi's diverse writings as well as the Iranian one.

Keywords: Ibn Arabi, tasawwuf, philosophy, history, culture, Quran, treatises

Информация об авторе / Information about the author

Лукашев Андрей Александрович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН. *E-mail*: andrew_1@inbox.ru.

Andrey Lukachev – PhD (in Philosophy), Institute of Philosophy RAS (Russia). *E-mail*: andrew_1@inbox.ru.

Для цитирования / For citations

Лукашев А.А. Наследие Ибн Араби (1165–1240) в контексте проблемы диалога культур / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 181–191. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-181-191.

Lukachev A.A. The heritage of Ibn Arabi in the context of the cultural dialog problem / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 181–191. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-181-191.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 15.02.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-192-200

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ

А.А. Пойда

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 119607

Автор статьи рассматривает исторические детерминанты, которые оказали влияние на процесс формирования и реализации внешнеполитического курса Египта. К историческим детерминантам автор относит особенности географического расположения государства и его исторического развития, которые не могут быть изменены с течением времени или по воле человека. Значительное влияние на внешнюю политику Египта оказало его колониальное прошлое и история развития отношений с ведущими государствами мира: Великобританией, Францией, США и СССР. С момента своего создания Суэцкий канал стал одним из ключевых факторов, определяющих позиции Египта на международной арене. Важную роль среди внешнеполитических приоритетов Египта играет сохранение текущего статуса-кво в вопросе распределения водных ресурсов Нила. Колоссальное историческое наследие и выгодное географическое расположение позволили Египту занять лидирующие позиции в сфере международного туризма.

Ключевые слова: внешняя политика Египта, Суэцкий канал, фактор водных ресурсов в международных отношениях, туризм во внешней политике

Еще в середине XX века исследователи придавали особое значение роли Египта в регионе Ближнего и Среднего Востока. В экономическом обзоре середины прошлого века Ш. Исави отмечал, что «проблемы, касающиеся Египта, могут быть рассмотрены только во взаимосвязи с соответствующими проблемами Ближнего Востока. Египет является ключевым камнем арки, тянущейся от Марокко на Западе до Ирана, а в некоторых отношениях даже до Пакистана на Востоке. Каждое событие в одной части этой зоны отражается и во всех других его частях» [6. С. 415]. Во многом это обусловлено крайне выгодным геополитическим и военно-стратегическим расположением страны на стыке двух континентов в точке пересечения международных торговых путей и наличием Суэцкого канала – одного из основных маршрутов перевозки нефтепродуктов из стран Ближнего Востока [10. С. 3].

Уникальность географического положения отразилась на историческом пути развития египетского государства. Египет расположен на африканском континенте, имеет выход к двум морям и может быть отнесен к Средиземно-

морскому региону, является арабским государством и одним из центров исламского мира. Это позволяет египетскому руководству реализовывать многовекторную внешнюю политику и выстраивать отношения с государствами разных регионов. Среди геополитических преимуществ Египта российский исследователь Демченко А.В. также подчеркивает контроль над Синайский полуостровом, соединяющим африканский и азиатский континенты [5. С. 1]. Совокупность вышеперечисленных факторов привлекала особое внимание к Египту со стороны ведущих государств мира.

После Первой мировой войны и распада Османской империи на смену туркам пришли англичане, которые способствовали созданию в Египте политической системы по европейскому образцу и подобию. На законодательном уровне было закреплено верховенство исполнительной власти над законодательной, что позволяло метрополии эффективно бороться против зарождающихся движений за независимость. Исследователи отмечают, что увеличение доли западного капитала в национальной экономике Египта и создание на его территории современных промышленных производств потребовало привлечения квалифицированных управленческих кадров из числа местных жителей. Привилегиями пользовались кандидаты, получившие светское образование и владеющие английским или французским языком. В дальнейшем местные управленцы стали движущей силой национально-освободительного движения и частью новой политической элиты [1]. При этом многие из них сохраняли тесные связи с бывшей метрополией, что сказывалось на процессе принятия внешнеполитических решений. Накануне революции 1952 года основной задачей египетской внешней политики являлся вывод британских войск из страны и налаживание взаимоотношений с США в контексте формировавшихся военно-политических блоков на Ближнем Востоке [5].

Наиболее ярко позиции бывших метрополий проявились в ходе событий 1956 года, когда Президент Насер объявил о национализации Суэцкого канала. Тройственная агрессия была попыткой вернуть утраченное влияние силовым методом, которая могла завершиться успехом в случае невмешательства Советского Союза и поддержки агрессоров со стороны США.

Как мы видим, влияние внешнего фактора на внешнюю и внутреннюю политику Египта является перманентным на протяжении более чем 200 лет. На смену одному центру влияния приходит другой, как это произошло с Великобританией после Второй мировой войны и с Советским Союзом после смерти Президента Насера. Сейчас наибольшее внешнее влияние на Египет оказывают США, но даже в случае ослабления американских позиций в регионе образованное политическое пространство будет заполнено претендентами на региональное или глобальное лидерство: Китаем, Ираном или Россией.

Стратегическое географическое положение Египта на стыке континентов и пересечении торговых путей привело к созданию на его территории крупнейшей транспортной артерии – Суэцкого канала. Открытие канала

в 1869 году позволило в несколько раз сократить маршрут следования грузовых судов и повысить уровень безопасности перевозок.

С началом повсеместного использования нефти в качестве основного вида топлива стратегическое значение Суэцкого канала резко увеличилось. Ведущие государства мира соперничали за право контроля над грузопотоком через канал. Великобритания всеми силами отстаивала статус лидирующей морской державы, конкуренцию которой составлял растущий морской флот США. Отдельные группы английских вооруженных сил постоянно находились на территории Египта для обеспечения безопасности Суэцкого канала и противодействия попыткам изменения баланса сил в регионе. Для Франции ослабление позиций означало потерю контроля над африканскими колониями, где зарождались национально-освободительные движения. В преддверии мировой войны Германия стремилась всячески подорвать международные позиции Англии и Франции, отрезать европейский континент от нефтяных запасов Ближнего Востока [9. С. 76]. Пересечение интересов великих держав привело к прямому вооруженному столкновению противоборствующих сторон на территории Египта в ходе Второй мировой войны.

С ростом антиимпериалистических настроений в египетском обществе появились реальные угрозы английскому влиянию в зоне канала. В 1951 году Египту было предложено присоединиться к Договору о Средневосточном командовании, который предполагал вывод английских войск с территории страны взамен на создание в зоне Суэцкого канала международных военных баз под патронажем США, Великобритании, Франции и Турции [10. С. 9]. В связи с египетской революцией 1952 года подобные планы так и не были осуществлены. В 1956 году заявление Президента Насера о национализации Суэцкого канала привело к открытой вооруженной агрессии Великобритании, Франции и Израиля против Египта. По мнению В.П. Юрченко, именно Суэцкий кризис и связанные с ним события определили дальнейший внешнеполитический курс Египта, в рамках которого руководство страны отказалось от идеи равноправного взаимодействия и сотрудничества с западными государствами и нацелилось на реализацию более радикальной и антиимпериалистической внешней политики. Национализация Суэцкого канала резко повысила авторитет Президента Насера, который был признан неоспоримым лидером продвижения арабского национализма [10. С. 25]. Суэцкий кризис заметно ослабил позиции Лондона и Парижа в регионе на фоне растущего влияния Москвы и Вашингтона, что оказало влияние не только на внешнюю политику Египта, но и на региональную систему международных отношений в целом.

Суэцкий канал неоднократно становился зоной боевых действий. В 1956 году канал оказался фактически перекрыт из-за разрушений, полученных в ходе войны Египта с Англией, Францией и Израилем. В 1967 году в ходе Шестидневной войны израильские войска захватили Синайский полуостров, тем самым подорвав позиции и роль Египта в области контроля

над международным транспортным потоком. За время бездействия канала египетская экономика теряла порядка 5 млрд долларов США ежегодно. Восстановление судоходства потребовало значительных финансовых вложений, которые Египет не мог обеспечить самостоятельно. На сегодняшний день зона Суэцкого канала полностью контролируется египетской армией, а сохранение текущего статуса-кво является одним из главных приоритетов внешней политики Египта.

Помимо Суэцкого канала важную роль в формировании внешнеполитического курса всегда играла еще одна водная артерия – река Нил. С древнейших времен и по сегодняшний день Нил является основным источником пресной воды для сельскохозяйственных нужд и процессов жизнедеятельности человека. Это наложило отпечаток на траекторию экономического развития государства – большая часть населения Египта проживает на территориях в дельте реки, которые составляют только порядка 5% от общей площади государства. Остальные районы страны остаются малозаселенными и слабо освоенными. Строительство Асуанской плотины позволило Египту контролировать разливы Нила, до этого ежегодно наносившие многомиллионные убытки сельскому хозяйству.

Помимо источника пресной воды Нил также является одним из основных источников электроэнергии. Внутри Асуанской плотины была также построена ГЭС мощностью 2.1 млн кВт, что позволило обеспечить электричеством десятки населенных пунктов и объектов промышленности [2. С. 40].

Использование вод Нила регламентируется международными соглашениями, в том числе соглашением 1959 года между Египтом и Суданом, согласно которому египтяне имеют право на использование 55.5 млрд куб. метров водных ресурсов Нила. С того момента Египет неоднократно блокировал попытки пересмотра действующих соглашений, а также накладывал вето на проекты по строительству гидроэнергетических станций и плотин ниже по течению реки. Правительство Президента Мубарака считало эфиопский проект по строительству «Великой дамбы возрождения» и ГЭС мощностью 5250 мегаватт на Голубом Ниле, которая должна была стать крупнейшим подобным сооружением в Африке, одной из главных угроз национальной безопасности страны. За счет дипломатических усилий и давления на потенциальных инвесторов египетскому руководству удавалось лишить эфиопский проект международного финансирования [3. С. 58]. Очередная попытка продвинуть строительство ГЭС вызвала резкую критику со стороны Каира и привела к кризису в двусторонних отношениях в июне 2013 года [11. С. 29].

В то же время наряду с Эфиопией в развитии и реализации гидроэнергетических проектов заинтересован соседний Судан, руководство которого ставит перед собой задачи по диверсификации экономики и укреплению энергетической независимости страны. При финансовом содействии со стороны Китая такой проект может быть успешно реализован, и с течением времени Каир будет испытывать все большее дипломатическое

давление в вопросах пересмотра действующих правил распределения вод Нила [12. С. 123].

К важным факторам, оказавшим влияние на определение приоритетных направлений внешней политики Египта, следует отнести многовековое историческое наследие страны. По мнению российского исследователя Юрченко В.П., арабский мир немыслим без Египта ввиду того, что Египет является связывающим звеном между двумя основными частями арабского мира – Магрибом и Машриком, а также на протяжении многих веков остается центром арабской и исламской культуры [10. С. 5]. Наличие на территории государства множества исторических и культурных объектов, а также протяженные береговые линии Средиземного и Красного моря позволили Египту стать одним из мировых туристических центров.

Туристический сектор занимает третье место в египетской экономике после доходов от Суэцкого канала и экспорта нефти и нефтепродуктов. С 1995 по 2007 год доля туристической отрасли в общем объеме ВВП страны возросла с 11,5% до 19,5%, что принесло более 8,7 млрд долларов доходов египетской экономике. В туризме работает порядка 12% экономически активного населения страны, по неофициальным данным это показатель достигает 20% [7].

Трансформация мирового туристического рынка в XX веке позволила Египту занять свою нишу на глобальном уровне. К 2012 году Египет входил в пятерку наиболее популярных туристических направлений, а национальная экономика занимала 23 место в мире по уровню ВВП, встав наряду с крупнейшими туристическими экономиками Турции и Таиланда. Порядка четверти туристического потока ближневосточного направления приходится на Египет, что составляет 1,2% от объемов мирового туризма [8. С. 210].

В связи планами Египта по увеличению доходов от сектора до 12 млрд долларов США ежегодно перед внешней политикой Египта стоят следующие задачи. Во-первых, определяющим условием для успешной реализации планов является способность Египта эффективно обеспечивать безопасность иностранных граждан на своей территории. Арабо-израильский конфликт, дестабилизация Ирака и Сирии, деятельность радикальных террористических группировок в регионе – все эти факторы представляют собой угрозу интересам Египта по развитию туристической отрасли. События «арабской весны» также негативно отразились на туристическом имидже Египта, когда в ходе демонстраций и столкновений пострадали иностранные туристы. По данным Министерства туризма страны, в 2013 году доходы от туризма сократились на 41% в связи с протестными акциями исламистов в связи с отставкой президента Мохаммеда Мурси¹. Но самый большой урон Египет понес в результате трагедии на Синайском полуострове, в результате которой жертвами теракта

---

¹ Доходы Египта от туризма сократились за год на 41% // РБК. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/21/01/2014/570416309a794761c0ce5cdf> Дата обращения: 17.02.2017.

стали 224 российских гражданина. Неспособность египетских служб безопасности обеспечить должный уровень антитеррористических мер привела к приостановке прямого авиационного сообщения между странами. За полтора года с момента принятия данного решения, по оценкам экспертов, египетская экономика потеряла порядка 70 млрд долларов США². Сегодня внешняя политика Египта нацелена на восстановление объемов туристического потока, и в этом контексте развитие дружественных отношений с Россией и странами ЕС приобретает ключевое значение для руководства страны.

Второй приоритетной задачей для внешней политики Египта является создание и поддержание туристического имиджа и авторитета Египта на высоком уровне в свете возрастающей конкуренции на региональном и глобальном уровне.

Ближний Восток остается одним из наиболее привлекательных для туристов регионов ввиду подходящих климатических условий и большого числа популярных исторических достопримечательностей. Свои позиции на туристическом рынке заметно укрепили Марокко, Тунис, Иордания, ОАЭ и Израиль, которые также обладают обширной береговой линией, развивающейся инфраструктурой сектора, большим количеством исторических достопримечательностей. Конкуренцию Египту также составляет Саудовская Аравия, успешно развивающая направление религиозного туризма.

Географическое положение Египта и его историческое наследие оказали сильное влияние на процесс формирования внешнеполитического курса страны. Известный российский востоковед А.М. Васильев отмечает, что стремление Египта успешно выполнять роль регионального лидера и большая международная ответственность нередко превышала его реальные возможности, когда политическое руководство выходило за пределы внутренних ресурсов [4. С. 76]. Тем не менее, несмотря на все изменения, произошедшие в связи со сменой высшего политического руководства Египта под влиянием процессов «арабской весны», вопросы статуса Суэцкого канала и распределения вод Нила будут занимать центральное место во внешней политике Египта. Египетское руководство будет готово пересмотреть другие направления внешней политики и свою позицию по вопросам международной повестки дня в пользу защиты национальных интересов в этих направлениях. Пока страной управляет военная элита во главе с фельдмаршалом Абдель Фаттах ас-Сиси, не следует ожидать каких-либо уступок со стороны Египта в вопросе распределения вод Нила или в вопросе присвоения Суэцкому каналу статуса нейтральной международной транспортной артерии.

© Пойда А.А., 2018

---

² Потери Египта от падения турпотока оценили в 70 миллиардов долларов // Lenta.ru. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/12/16/egypt/> Дата обращения: 17.02.2017.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ахмедов В.М. Некоторые особенности формирования и эволюции политических систем арабских стран Ближнего Востока // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=8468> Дата обращения: 13.03.2017.
- [2] Беляков В.В. Укрощение строптивого. Золотой юбилей перекрытия Нила // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 9. С. 40–41.
- [3] Брагин А.Н. Эфиопия: великая дамба возрождения // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 1. С. 56–58.
- [4] Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993.
- [5] Демченко А.В. Внутренние факторы формирования внешней политики арабских государств // *Вестник МГИМО*. 2010. № 1 (10). С. 1–13.
- [6] Исави Ш. Египет в середине XX века (Экономический обзор). М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
- [7] Мамед-заде П.Н. Египет: туристическая отрасль развивается успешно // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=7673>. Дата обращения: 14.03.2017.
- [8] Новичков Н.В. Туризм как фактор глобальной политики // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 3. С. 208–213.
- [9] Савичева Е.М. Турекулова Ж.Е. Роль Суэцкого канала в контексте обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2014. № 2. С. 75–84.
- [10] Юрченко В.П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.) // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2003.
- [11] Giorgio Musso. Troubled Waters: Egypt's African Policy from the Islamists to the Military // *Mediterranean Paper Series. Africa and the Mediterranean. Evolving Security Dynamics after the Arab Uprisings*. February 2014. P. 28–29.
- [12] Harry Verhoeven. Dams are Development: China, the Al-Ingaz Regime and the Political Economy of the Sudanese Nile // *Sudan Looks East. China, India and the Politics of Asian Alternatives*. New York, 2011. P. 121–123.

REFERENCES

- [1] Ahmedov V.M. Nekotorye osobennosti formirovaniya i evolyutsii politicheskikh system arabskikh stran Blizhnego Vostoka // Insitut Blizhnego Vostoka URL: <http://www.iimes.ru/?p=8468> (accessed: 13.03.2017).
- [2] Belyakov V.V. Ukroshenie stroptivogo. Zolotoi ubilei perekrytiya Nila // *Aziya i Afrika segodn'ya*. 2014. № 9. P. 40–41.
- [3] Bragin A.N. Efiopiya: velikaya damba vozrozhdeniya // *Aziya i Afrika segodn'ya*. 2012. № 1. P. 56–58.
- [4] Vasil'ev A.M. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu. M.: Nauka, 1993.
- [5] Demchenko A.V. Vnutrennie factory formirovaniya vneshnei politiki arabskikh gosudarstv // *Vestnik MGIMO*. 2010. № 1(10). P. 1–13.
- [6] Isavi Sh. Egipet v seredine XX veka (ekonomicheskii obzor). M.: Izdatel'stvo inostranoi literatury, 1958.

- [7] Mamed-zade P.N. Egipet: turistichestskaya otrasl' razvivaetsya uspeshno // Institut Blizhnego Vostoka URL: <http://www.iimes.ru/?p=7673> (accessed: 14.03.2017).
- [8] Novikov N.V. Turizm kak factor global'noi politiki // Rossiya v globalnoi politike. 2016. № 3. P. 208–213.
- [9] Savicheva E. Turekulova G. The role of the Suez canal in context of regional security in the Middle East // Vestnik RUDN: International Relations. 2014. № 2. P. 75–84.
- [10] Yurchenko V.P. Egipet: problemy nacional'noi bezopasnosti (1952–2002) // Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka. M., 2003.
- [11] Giorgio Musso. Troubled Waters: Egypt's African Policy from the Islamists to the Military // Mediterranean Paper Series. Africa and the Mediterranean. Evolving Security Dynamics after the Arab Uprisings. February 2014. P. 28–29.
- [12] Harry Verhoeven. Dams are Development: China, the Al-Ingaz Regime and the Political Economy of the Sudanese Nile // Sudan Looks East. China, India and the Politics of Asian Alternatives. New York, 2011. P. 121–123.

THE HISTORICAL CORRELATIONS OF EGYPT'S FOREIGN POLICY

A.A. Poida

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Mikluho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia

The article is dedicated to the historical correlations, which had great influence on the process of formation and realization of Egypt's foreign policy. The author considers the geographical position and historical characteristics as the historical correlations, which could not be changed by the will of man. The significant influence on Egypt's foreign policy had its colonial past and bilateral relations with the leading states: Great Britain, France, the Soviet Union and the United States. It is stressed that since the moment of establishment the Suez Canal has become one of the key factors determining the position of Egypt on the international arena. An important role in Egypt's foreign policy priorities is dedicated to the resource allocation of the Nile river. The author states that the great historical heritage and the advantageous geographical location allowed Egypt to take a leading position in international tourism sphere.

Keywords: Egypt's foreign policy; the Suez Canal; water sources in the international relations, tourism in the foreign policy of state

Информация об авторе / Information about the author

Пойда Алексей Александрович – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. *E-mail:* alexeypoyda@yandex.ru

Alexey Poida – postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *E-mail:* alexeypoyda@yandex.ru

Для цитирования / For citations

Пойда А.А. Исторические детерминанты внешней политики Арабской Республики Египет / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 192–200. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-192-200.

Poida A. THE HISTORICAL CORRELATIONS OF EGYPT'S FOREIGN POLICY / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 192–200. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-192-200.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 27.12.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-201-206

THE PHENOMENON OF NEW WARS: CHANGING NATURE AND VIOLENCE DIPLOMACY

D.I. Strelavina

National Research University – Higher School of Economics
20 Myasnitckaya St., Moscow, 101000, Russia

The long-term process of a tectonic shift in the chessboard of world affairs has led to the historical formation of different types of wars. The term ‘new’ is not solely used to describe the new reality of warfare itself, but it is wildly used to outline the multiple aspects of renewed nature of war as well the emerged dimensions of it.

Conflicts of today’s show that the weapons of the past are never ideally suited to the future. Mobile, undeclared and at the same unregulated wars lead to the fundamental transformation in the field of military doctrines testimonies. Those who are able to adjust the official military doctrine with newly emerged dimensions of war will be in safe for several decades or more.

Keywords: Hybrid wars, New Wars, Cyber space, Space security, new dimension of war

Introduction. Over thousands of the decades the humans were involved into wars. For the history of ideas, the contribution of ancient Sun Tzu gave a clear view on war’s strategies, while Machiavelli and Hobbes outlined an understanding of war as an inseparable part of state formation.

The persistent historical development of arm conflicts starts with the transition of classical wars into the Napoleonic Wars. The end of classical wars was countered by Carl von Clausewitz, who for the first time in history had studied the phenomenon of war on its own. His discussions on the nature of war and strategy commences became a starting point for the long-term process of studying. Being marked by mass military conscription, the Napoleonic Wars were turned to the total war feature. XX century brought an era of total wars and mass murder in the humans’ existence, while the destructive power of nuclear weapons as well as a nuclear deterrence slid the world into the Cold War era.

The collapse of the USSR has detonated an extensive discussion in recent literature regarding global strategic trends of modern wars. On the one hand, modern prophets of decreased violence including John Mueller, Steven Pinker, found the violence tend to diminish, while some experts as Edward Luttwak, and, to a less extent, Joshua Goldstein speculate, that the wars do end.

In contrast, most of scholars in the field of conflict and peace studies such as Gray Chris Hables, Hoffman Frank, Mary Kaldor, are proclaiming the proliferation of the various types of wars. They offered a new vision of modern wars and implements new terminology on it.

The illusion of peaceful time

In 2014, over 100,000 people were killed in armed conflict [1. P. 4]. That has become the highest fatality count since the end of Cold War, according to the latest Human Security Report. Nevertheless the Human Security Report, the Uppsala Conflict Data Program (UCDP) [2], with a company of enormous number of scholars (S. Pinker [3], J. Mueller [4]) claims that the violence has been in decline. E. Luttwak has pointed the argument of unrealistic perspective of war [5. P. 365], while J. Goldstein speculates on progress and declining violence [6. P. 237].

Harvard psychologist Steven Pinker is often painted as the chief interpreter of the decline of violence. Reviewing the statistical numbers and historical datasets through the prism of the number of those killed in violent conflicts, Pinker infers several major historical declines of violence. The past was more violent than the current time in our humans' existence.

There is a certain truth to those statements. Analyzing the millennia of slaughter, hunter-gatherer periods, barbaric and tribal practices of human sacrifice, status of women, children's welfare and human rights in toto, we would come to the moral progress of the society.

However, the declining trend of violence is one of the most arguable questions. Despite it was scientifically assessed, Pinker's book 'The Better Angles of Our Nature: a history of violence and humanity' is short on methodological part. Periodic comparative ranking is less important than growing transformation of violence capabilities.

Turning to the difficult context of distinctions of violence, peace and conflict studies scholar Johan Galtung creates a typology of violence. This indicates violence can take many forms such as: physical and psychological violence, personal and structural; intended and not intended; manifest and latent [7. P. 167–191].

The definition of war coined by Carl von Clausewitz in his path-breaking book 'On War' emphasis on 'war therefore is an act of violence to compel our opponent to fulfill our will' [8. P. 62]. What we intend is only that the terms 'war' and 'violence' are linked to each other such that 'war' can be regarded as 'an act of violence', while the 'violence' is not defined by the brute power only. In the middle of XXth his ideas were developed by Thomas Shelling, who infers 'military strategy.. has become the diplomacy of violence' [9. P. 34].

In other words, the violence is much more than physical or armed forces alike. The violence also consists of actions that cause an emotional, physical and psychological damage, as well as a mental abuse. Thus, it could not be marked by the number of deaths, whether on war battlefields or not.

New dimensions of war

In recent years military analysts and international relations theorists often reject the ideas of Clausewitz as outdated. Whether due to XIXth century's wars were not as developed as current ones, Clausewitz could not have written about naval matters, air combat, nuclear weapons, and cyber or space warfare. However, his idea on war as an act of violence is far from being irrelevant.

The early history illustrates two-space dimensions of battlefields have been dominant for the classical type of ground and sea wars. The third dimension of military operations as the air land battles has been explored at the height of the WWII. The formation of air forces has become the first priority for each single country until the start of the nuclear age (1). With nuclear weapons the cost of war has become significantly high and that risk let the violence of diplomacy goes forward.

The space and the cyberspace have become the fourth and the fifth dimensions of war respectively [9. P. 3]. Those who study the problem of wars usually point to the phenomenon of media wars. The mainstream media disinformation as well as it's versus as media propaganda in a company with the influence of media itself also should be taken into account.

Thus, the new era of warfare, the effects of globalization, the media revolution bring us new forms of violence, which are highly connected with a phenomenon of so called new wars or hybrid wars.

Many contemporary thinkers put the terms of new wars very simply, that rich the field of the study: the 'wars of the third kind' [10], the 'wars with low intensity', the 'hybrid wars' [11. P. 52], the 'privatized wars', the 'post-modern wars' [12], the 'network operations' [13] and the 'new wars' [14]. But the important point here is there is no definition what exactly the each of this war is.

In order not to overwork the research with examples of the term's definitions we shall refer to the concrete example one can point the problem out. The primer international assessment of the military capabilities and defence economics 'Military Balance 2015' depicts the 'hybrid war' as 'the methods applied included the use of military and non-military tools in an integrated campaign designed to achieve surprise, seize the initiative and gain psychological as well as physical advantages utilizing diplomatic means; sophisticated and rapid information, electronic and cyber operations; covert and occasionally overt military and intelligence action; and economic pressure' [15. P. 2]. That displays the idea of undeclared boundaries of new wars.

Through an engagement with Clausewitz' concept of war as violence, each of the term as "hybrid war", "new war" and even an informational war is an umbrella term of a blurred vision of new dimensions of warfare, which violence is permeated through.

The problem of unconventional warfare

The war as an exclusive state's instrument of violence and brutal force is not ideally suited for the 'new wars' [14. P. 15]. Under such an approach, low-intensity

conflicts does not match the changing nature of Clausewitz's 'On War' commences [16. P. 37]. In the globalized and well technologically prepared world, the conflicts are becoming more characterized by non-state actors.

The increasing numbers of new forms of non-state actors simultaneously led to the security challenges. Groups sponsored by states, non-state actors, and private armies, commanders, drug traffickers, terrorists and urban criminal networks get an access to the warfare capacities, power of which is similar to those nation-states own [17. P. 369].

The state actors are the main participants of the war does not universally correspond to current events any more. But wars can never be isolated from a political context [8. P. 20]. This trend required a review of the way security measures are viewed and implemented in the field of IR. Neither technological advantage of armed forces no professionalism of intelligence agencies could not be considered the war in toto.

In this way, the contingent factors and unknowns make the new wars difficult to regulate. The nature of modern wars does not set the boundaries of actions whether let alone legal violation or brute justification. Additionally, there is no international consensus about law regulation, which could help to adjust limits of hostile action and foreign involvement. Neither the threat no the possible use of new kinds of warfare are unregulated. The rules of international law applicable in armed conflict, and in particular the principles and rules of humanitarian law have no a single line concerning acts of violence in new areas of war.

To make new wars adapted to international security is necessary to rethink the role of both state and non-state actors, as well as the increasing role of cyber, media and information in battlefields. The new legal instruments and clarification of the permissible bounds of actions should be found. Otherwise, this will lead to the legitimate use of violence in the newly discovered areas.

Conclusion. Over long stretches of time the principles of war were correspondent with the moral and technological progress of human kinds. However, new reality let the pendulum swing the other forms of new wars. The newly discovered dimensions of war such as space and cyber space have brought a significant change in the understanding of military strategies.

The nature of renewed emerged wars is specifying by the effects of globalization, the media and the technology revolution. Being a nonkilling, but a powerful tool of influence, the latent violence is permeated through the new dimensions of wars. Initially, based on violence the war is characterized by a brute force and coercive violence alike.

The tricky problem of attribution makes the new wars difficult to develop international consensus about it. Conflicts of today's world show us that the weapons as well as a law regulation of the past are never ideally suited to the future. Mobile, undeclared and at the same unregulated wars limit victims in a self-protection of

that violence. Also, the environment has not formatted conventional warfare as well as legal manual of action in response to the new wars. Thus, this situation will lead to the tectonic shifts in the military doctrines so far.

© Strelavina D.I., 2018

APPENDIX

- (1) This period usually considered to have begun with the first appearance of the atomic bomb on 16 July 1945, when the US tasted a new type of weapon.

REFERENCES

- [1] Human Security Report 2013. The Decline in Global Violence: Evidence, Explanation, and Contestation, Vancouver: Human Security Press, 2013.
- [2] Melander E. Organized Violence in the World 2015. An assessment by the Uppsala Conflict Data Program http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/61/c_61335-l_1-k_brochure2.pdf.
- [3] Steven P. The Better Angels of Our Nature: a history of violence and humanity. London: Penguin Books Ltd, 2012.
- [4] Mueller J. Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War. N.Y.: Basic Books, 1989.
- [5] Luttwak E. Strategy The Logic of War and Peace. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2003.
- [6] Goldstein J. Winning the War on War: The Decline of Armed Conflict Worldwide. N.Y.: Plume, 2012.
- [7] Galtung J. Cultural Violence // Journal of Peace Research. Vol. 6, No. 3, 1969.
- [8] Clausewitz C. On War. N.Y.: Oxford University Press, 1976.
- [9] Shelling T. Arms and Influence. Virginia: BookCrafters, Inc., 1966.
- [10] Kokoshin A. Several Dimensions of War // Voprosy Filosofii. Vol. 8, 2016.
- [11] Rice E. Wars of the Third Kind: Conflict in Underdeveloped Countries. London: University of California Press, 1988.
- [12] Hoffman F. Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly. Vol. 52, 2009.
- [13] Gray C. H. Postmodern War: the New Politics of Conflicts. N.Y.: The Guilford Press, 1997.
- [14] Ignatieff Michael. I Human Rights as Politics. II. Human Rights as Idolatry // The Tanner Lectures on Human Values. Princeton University, 2000.
- [15] Kaldor M. New and Old Wars. Organized Violence in a Globalized Era. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- [16] The Military Balance 2015. The International Institute for Strategic Studies: 2015.
- [17] Crevelde M. The Transformation Of War. N.Y.: The Free Press, 2004.
- [18] Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars. The Future of Terror, Crime, and Militancy. Santa Monica: RAND, 2001.

ФЕНОМЕН НОВЫХ ВОЙН: ОБНОВЛЕННАЯ ПРИРОДА КОНФЛИКТОВ И ДИПЛОМАТИЯ НАСИЛИЯ

Д.И. Стрелавина

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

На протяжении десятилетий структурные изменения на международной арене политических отношений формируют феномен новых войн. Аспект «новых» войн зачастую не связан исключительно с модернизированными версиями вооружений, но однозначно является следствием открытия обновленной природы конфликтов и новейших измерений для ведения военных действий.

Средства и методы ведения войн, которые были эффективны в прошлом, становятся неактуальными в современных условиях. Динамичные, нерегулируемые и в то же время необъявленные войны ведут к фундаментальным изменениям военных доктрин будущего.

Ключевые слова: новые войны, новые измерения войны, гибридные войны, кибербезопасность, цифровое пространство, безопасность космического пространства

Информация об авторе / Information about the author

Стрелавина Дарья Игоревна – магистрант Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». *E-mail:* dstrelavina@gmail.com

Daria Strelavina – student at National Research University – Higher School of Economics. *E-mail:* dstrelavina@gmail.com

Для цитирования / For citations

Стрелавина Д.И. Феномен новых войн: обновленная природа конфликтов и дипломатия насилия / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 201–206. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-201-206.

Strelavina D.I. The Phenomenon of New Wars: Changing Nature and Violence Diplomacy / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 201–206. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-201-206.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 22.06.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-207-211

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЮВАЛЬ НОЯ ХАРАРИ
«SAPIENS: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».
М., СИНДБАД, 2018**

Н.В. Панасюк

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 119607

Рецензируемая книга израильского военного историка-медиевиста, профессора исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме, представляет ретроспективный и весьма нетрадиционный взгляд на всемирную историю. Автор предлагает свое видение всей человеческой истории – от момента возникновения человека и общества и вплоть до сегодняшнего дня, предложены даже условные сценарии дальнейшего развития ойкумены.

В основе концепции автора лежит идея о трех переломных революциях в истории человечества: когнитивной, аграрной и индустриальной. По мнению Харари, эти три события, которые преодолело человеческое общество в историческом развитии, коренным образом изменили психологию людей, организацию производства и социальную структуру. Движущей силой всех этих процессов явилось коллективное сознание, воплощенное в разнообразнейших мифах.

Первым рубежом, после которого развитие техники, технологии и социальных институтов идет очень быстрыми темпами, была когнитивная революция. Этим понятием автор обозначает важное изменение в биологическом и социальном развитии человечества – возникновение сознания и речи. Происходит это, по мнению Ю.Н. Харари, с появлением Homo sapiens, который, именно благодаря преимуществу вербальной коммуникации, сумел вытеснить все предшествующие виды и освоить всю ойкумену около 30 тыс. лет назад. О преимуществах речи перед любыми другими средствами коммуникации писали практически все исследователи первобытной истории – она существенно облегчила организацию охоты, производства орудий труда, решение повседневных проблем. Ю.Н. Харари заостряет внимание на таком аспекте вербального общения, как создание первых анимистических мифов – некой воображаемой реальности, которая позволяет налаживать контакты не только внутри небольшого коллектива одной общины, но и выходить на макроуровень. Именно единство мифологии, по мнению автора, позволило общинам, при сохранении значительного культурного разнообразия, объединяться в бо-

лее крупные родовые и племенные союзы. Внутри этих союзов формируется единая символическая система, позволяющая самоидентифицироваться и отдельным индивидам, и целым родовым общинам.

Характеризуя первобытное общество, автор обращает внимание также на то, что многие подсознательные установки современного человека сохраняются именно с тех самых времен. Мысль сама по себе неоригинальна, однако интересно то, как автор иллюстрирует влияние двух основных инстинктов, доминировавших в поведении древнего человека – пищевого и полового, – на наши отношения. Корни глобального ожирения историк видит в «обжорном гене» (с. 52), который заставляет человека, много веков жившего впроголодь, наедаться впрок.

По поводу половых отношений Ю.Н. Харари придерживается довольно распространенной точки зрения о противоестественности моногамии. В качестве аргументов он приводит примеры из животного мира, когда особи существуют группами и ведут беспорядочную половую жизнь. По его мнению, *принуждение* (курсив мой – Н.П.) *Homo sapiens* к единобрачию приводит к большому количеству разводов и психических расстройств в современном обществе. Однако мы с легкостью можем найти в животном мире и огромное число примеров моногамных постоянных пар (лебеди, волки и т.п.). В отношениях этих пар сложно говорить о принуждении – они действуют согласно инстинкту, а не в результате сознательного акта. Т.е. этот вопрос дискуссионный, возможно, даже неразрешимый.

В целом же мысль о существенном влиянии древних инстинктов на мышление и восприятие современного человека верна и неоспорима. Взять хотя бы наши страхи и фобии, корни которых необъяснимы в сегодняшних условиях, но формировались в эпоху первобытности: боязнь темноты, неизвестности, грома и молнии, одиночества и т.п.

Весьма показательно резкое мнение автора – известного защитника прав животных – о вине человека за истребление животного мира. Эта мысль проходит красной нитью через все произведение: охотник и собиратель хищнически уничтожал целые виды животных; земледelec и скотовод видоизменял окружающий ландшафт для благоприятного роста культурных растений и скота, что приводило к вытеснению и уничтожению диких видов; промышленная революция требовала новых ресурсов и площадей, отравляла окружающую среду. И прогноз автора на будущее довольно мрачен: экосистема будет полностью уничтожена и заменена человеческой культурой.

Первым шагом на этом пути, по мнению автора, стала аграрная революция, создавшая новые источники пищевых ресурсов и существенно изменившая технологии, а с ними и социальные отношения. Меняется структура расселения, появляется прочная оседлость и частная собственность. Это привело к возникновению государства и новой формы хозяйствования, которая вызвала необходимость разработки системы учета. Так появилась письменность. Автор обращает внимание на то, что ее появление стало важным

инструментом экономического и идеологического воздействия, который дал возможность легкого управления и манипулирования обществом. В дальнейшем с развитием фонетического письма, когда чтение становится доступно большому числу людей, передача информации путем книжной речи приводит к мощному технологическому и интеллектуальному прорыву.

Непривычной для академической аудитории является оценка автором характера взаимоотношений между человеком и культурными растениями и домашними животными. Человечество привыкло воспринимать созданную им культурную среду, куда входят и растения, и животные, как инструмент для воспроизведения собственного благополучия. Автор же в культурных злаках и скоте видит, так сказать, коллег по работе, обладающих сознанием. Причем в данной ситуации удивляет непоследовательность автора. Он приводит душераздирающие примеры промышленного использования животных, когда их жизнь полностью подчинена нуждам человека в молоке, яйцах, мясе, шерсти и т.п., и при этом не учитываются чувства этих существ, которым, вероятно, хочется гулять, любить и т.п. Т.е. животные, по мнению Харари, мыслят также, как и люди. С этим фактом спорить не приходится – доказательств этому зоопсихологи приводят множество. При таком подходе к взаимоотношениям человека и других биологических видов изумляет полное пренебрежение чувствами растений! Они ведь тоже чувствуют, реагируют на благоприятные условия существования, находятся во взаимодействии. Если стать на позицию анимистических представлений, все должны обладать душой и сознанием. Однако автор отказывает растениям, в отличие от животных, в равноправии с человеком.

В целом, по мнению автора, аграрная революция ограничила свободу человека, привела к возникновению многочисленных технологических и, самое главное, социальных рамок. Результатом является формирование различных типов социального неравенства: кастовой системы, расовой сегрегации и т.д. и сложение нового пласта мифов, оправдывающих и легитимирующих сложившуюся ситуацию (Глава 8. История несправедлива). Примечательно, отношение автора к гендерному неравенству. Ю.Н. Харари довольно оригинально пытается доказать несостоятельность разделения в социальных ролях мужчины и женщины: те и другие похожи с точки зрения вида, имеют одинаковое строение мозга, равно работоспособны. Вывод автора: возникновение патриархата – еще одна историческая случайность (которых, кстати сказать, по мнению автора, много). При этом в этой же главе Харари живо возражает тезису о противоестественности гомосексуализма, приводя довольно странную логическую цепочку о трансформации в процессе эволюции тех или иных органов у разных биологических видов. Показательным, однако, является факт того, что однополая любовь может быть оправдана только у мужской части населения. Т.е. отрицая обоснованность возникновения патриархата, автор, тем не менее, является его апологетом!

Последняя часть книги посвящена возникновению индустриального общества и глобализации планеты. Рост народонаселения, усложнение социальных отношений привели к расширению связей между ранее небольшими обществами. Все это вызвало необходимость создания новой мифологии: теории рынка, денег, потребления.

По мнению автора, движущими силами на данном этапе становятся деньги и научные знания, которые образуют тесный взаимосвязанный симбиоз. Начиная с промышленной революции, данный союз набирает все большую силу и проникает во все сферы человеческого общества, изменяя и даже перерождая его. Описывая современное общество, Харари рисует его подчиненным идеологии консьюмеризма и всемогуществу науки.

Новый глобальный миф, который позволил объединить население всей планеты – кредит. Благодаря ему современное общество постепенно переходит из реальной окружающей среды, пусть даже и модифицированной человеком, в новую – условную, где практически нет материальных объектов, а все основано на человеческом воображении. Важную роль в создании этой новой реальности играет наука, которая, как считает Харари, в очень скором времени переродит нашу планету, уничтожив экологическую среду и заменив ее научно-антропогенной.

Научные исследования, как пишет автор, начинают развиваться еще в эпоху индустриальной революции, однако подлинно «промышленный» масштаб они приобретают только с прошлого столетия. К сожалению, Ю.Н. Харари, как и во многих других частях книги, не объясняет причин таких глобальных изменений в сознании человека. При этом автор довольно неудачно пытается отмежеваться от европоцентристской модели истории, констатируя наличие выдающихся изобретений во многих регионах планеты. Однако воспользоваться ими смогли только европейцы. Ответа на вопрос, почему так происходит, мы не получаем.

В заключительных главах книги Харари рисует футуристическую картину дальнейшего развития человеческого общества, которое будет строиться на базе наукоемких технологий. В довольно близкой, по мнению автора, перспективе эти технологии переродят не только окружающую среду, но и самого человека, изменив его сознание и сделав его бессмертным (или почти бессмертным).

Столь интересная и оригинальная работа, к сожалению, имеет и ряд недостатков. Главным из них следует назвать слабую аргументированность выводов автора. Они основаны на отличном знании фактического материала, на умении видеть закономерности исторического процесса, однако все выводы автора не априорны, а скорее, наоборот, являются поводом для дискуссии. При обсуждении многих вопросов присутствует предвзятость автора в подборе исторических фактов. Отсутствие доказательной базы в работе снижает ее ценность. Кроме того, автор во многих случаях констатирует определенные тезисы как факты, не объясняя причин их возникновения. Это касается, в пер-

вую очередь, главных позиций концепции автора об трех революциях. *Почему* происходит когнитивная, аграрная и индустриальная революция? *Почему* именно в это время и в этом месте? На эти основополагающие вопросы автор не дает ответа. Многие выводы автора и причинно-следственные связи, выделяемые им, выглядят чересчур упрощенно, а в некоторых случаях, – натянуто. В целом, концепция, изложенная Ю.Н. Харари, объясняет многие факты всемирной истории и предлагает альтернативное, точнее, новаторское ее видение, не противореча, однако, основным установкам академической науки.

© Панасюк Н.В., 2018

**REVIEW OF THE BOOK YUVAL NOAH HARARI
“SAPIENS: A BRIEF HISTORY OF HUMANITY”.
M., SINBAD, 2018**

N.V. Panasyuk

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Mikluho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia

Информация об авторе / Information about the author

Панасюк Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail*: opanatka@yandex.ru

Natalia Panasyuk – Ph.D. in History, Senior Lecturer of the Departement of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. *E-mail*: opanatka@yandex.ru

Для цитирования / For citations

Панасюк Н.В. Рецензия на книгу Юваль Ноя Харари «Sapiens: краткая история человечества». М., Синдбад, 2018 / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 207–211. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-207-211.

Panasyuk N.V. Review of the book Yuval Noah Harari “Sapiens: A Brief History of Humanity”. M., Sinbad, 2018 / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 207–211. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-207-211.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 25.02.2018

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
